

ДОЛДИН Н.И.

ПУТИ ЗЕМНЫЕ

первый том

Посвящается памяти
Гавриила Васильевича и Евдокии Кузьмовны,
Ивана Лукиановича и Анны Гавриловны

ДОЛДИН Н. И.

ПУТИ ЗЕМНЫЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЖИТИЕ АННЫ Г.Д.

Воспоминания
о жизни переселенцев из Тамбовской губернии
на Алтае и в Семиречье, в Китае и Казахстане

ТОМСК - 2015

Содержание

Том первый – Житие Анны Г.Д.

Сайдып, Усть-Куют... из книги «На Бие» Вячеслава Шишкова, вместо предисловия	4
Воспоминания 2001 года. - «Житие Анны»	10
Воспоминания 2002 года. - «Житие Анны»	63
Воспоминания 2003 года. - «Житие Анны»	137
На вольные земли – фотолетопись	207
Мой старший друг и учитель. Василий Петров	245

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сайдып , Усть-Куют...

Из произведения «НА БИЕ» писателя Вячеслава Шишкова, 1912 – 1917 гг. .

I

Однажды летом, в середине августа, наш плот, миновав благополучно бушующие пороги красавицы Бии, пристал у лесного кордона, притаившегося среди зеленеющих лесов левого, низменного берега. Как раз напротив, на противоположном берегу, вздымались сверху мощным увалом Ажи-горы. Одетые зеленым ковром сочных трав, с молодым кудрявым березняком по террасам и складкам увалов, эти горы уходили вниз и вверх по реке, и видно было, покуда глаз хватал, как то здесь, то там льнули к ним, словно дети к матери, многочисленные заимки. А вот за тем увалом, верстах в трех отсюда, разбросился своими домишками аил алтайца Сурубашкина. Точно с разбегу наскочил на гору, да дух заняло – не добежал до вершины, и остановился на полдороге: «хорошо и тут».

День был, после вчерашнего дождичка, ясный, солнечный. Все блестело необычайно свежими, сочными красками, точно сегодня законченная, еще не успевшая подсохнуть, картина. И гладь успокоенной здесь реки с отраженным куполом голубого неба да зеленеющими берегами, и величественный массив Ажей – гор с игрушечными заимками свободолобивых староверов – все это, млея на солнце, словно замерло в сладкой истоме, словно молилось без слов, одними, чуть внятными, вздохами и благоуханием каждой былинки и травки. Мы стояли на берегу и любовались.

- А не худо бы поесть да чайку напиток, - сказал один из нас.

Крикнули рабочим:

- Эй, на плоту! Те зашевелились, высыпали на берег и стали направлять костры да котелки настораживать. Но в это время к нам подошел господин в форме лесничего и, познакомившись, пригласил к себе.

– Ну, как? Не скучаете здесь? – спросил я.

– Привычка, знаете... А потом, дела так много, что скучать некогда. Почти все лето в седле: участок огромный, а везде надо побывать там пожар, там порубка, здесь лес продать надо...

-Кабинетский?

- Да...

- Кусочек добрый.

- Чего лучше. А потом у меня маленькое хозяйство: коровы, лошаденки, огород. У меня и дыни, и арбузы, и всякая всячина. Вот сегодня «помочь»: траву кошу, сено на зиму заготовляю. Не желаете ли поглядеть? Картина для вас, горожан, эффектная... Палаша, живо самовар! – крикнул он пробежавшей девке.

– Чичас... - вильнула хвостом, убежала.

Невдалеке, меж редкого молодого соснячка, пестрели яркими цветами группы мужиков и баб – местных черневых татар. Большинство их стояли или, растянувшись, валялись в тени, но, завидя нас, зашевелились, вскочили и с ожесточением принялись махать косами.

- Лодыри. Пока стоишь – работают, отошел – кончено дело... А вечером все придут водку пить да угощаться; кто вовсе не работал и тот придет...

Подошли вплотную.

– Помогай Бог!...

– Пасибо, пасибо! – все враз крикнули. Мужики в белых холщовых штанах и рубахах с кумачовыми выпушками на плечах и под мышками, а бабы либо в ярких ситцевых, либо в холщовых, вроде рубах, платьях. Смуглые, в большинстве чумазые, неряшливые, с черными глазами и волосами, высокие, сильные – они были красивы под лучами солнца и пестрели своими белыми, желтыми, голубыми и красными нарядами, как цветки среди буйной, густой травы.

Постояли, полюбовались. А через четверть часа сидели за самоварчиком и о том о сем калякали.

– А вот не угодно ли? Яблочков сибирских покушать... только, извините, всего два осталось, - предложила хозяйка и вынула из шкафа настоящие яблоки. Мы ахнули:

- Как!.. Неужели?!.. Сибирские?!

Мы о сибирских яблоках знали только понаслышке. А некоторые сибиряки сибирскими яблоками зовут обыкновенную картошку. Попробовали. Вкусно.

– Вот с работами мимо пойдете – загляните, - сказал лесничий, - это под САЙДЫПОМ, верстах в пятнадцати от Би, у Глаголева.

– Непременно. А кто такой Глаголев?.. – Старик очень почтенный. Бывший чиновник. Петр Николаевич, товарищ наш, человек немецкой складки, учинил лесничему форменный опрос относительно Глаголевского сада и записал в книжку. Так как мы угостились преотменного вкуса и крепости медовой брагой, языки наши как следует поразвязались, и мы болтали без умолку, подтрунивая над Петром Николаевичем. А тот потел, фыркал, косясь на нас через пенсне убийственным, с лукавой улыбкой, подслеповатым взглядом, и пунктуально, шаг за шагом, снимал опрос. Когда он дошел до собак и, при общем хохоте, стал записывать их клички, мы поняли, что пора идти спать. Да кстати и брага в кувшине усохла изрядно.

II

День проходил за днем, мы продвигались с работами по версты четыре в сутки. С каждым шагом перед нашими глазами разворачивались все новые и новые картины, одна другой лучше, красочней. Когда идешь по незнакомой горной реке, никогда не угадаешь, какую еще панораму она откроет тебе... Ну. Хотя бы вон тот зеленый увал, спустившийся в реку, как голова допотопного зверя, поросшая, словно гривой, остроконечным пихтачом. Смотришь и по аналогии рисуешь себе зеленеющую цветами и травами поляну, виденную раньше вот за таким же увалом. Подошел, заглянул и ахнул! Опять новое, опять неожиданно-прекрасное, еще не виданное.

Горы свесились тут своими оголенными каменными глыбами и отвесной стеной ушли в воду, а река, торопливо обогнув «носулю» увала, бросилась на эту каменную грудь и, ударившись, рассыпалась белой пеной, захохотала, заискрилась под лучами солнца и понеслась дальше, волна за волной, опрокидывая по пути оборвавшиеся с утеса камни. А утес стоит да стоит, улыбается добродушно многочисленными очами

пещер и вымоин, да, словно брови, хмурит он на челе своем морщины, подернутые мохом времени.

А дальше опять аил, за ним покуривающая сизым дымком заимка... Вечереет Солнце вот-вот спрячется в горах. Понесло холодком. Запахло рекой и пряным запахом хвойного леса. Плот наш то еле двигается по гладкой поверхности вод, то, попав на стрежь, несется как бешеный.

– Как этот бом прозывается? – спрашиваю лоцмана.

– А кто его знает... Бом, да и бом... Быдто прозвища нету...

- Ну, как нету!.. – слышится с гребей.

Говорит бородатый человек в плисовой рубахе, шляпа набекрень. Пришел «с Расеи» за счастьем в Сибирь.

– Второй год здесь толкаюсь, по Бии, к татарам поприсмотрелся... Они народ любопытный, у них, мотри, кажинному ручейку, кажинной балочке прозвище дадено: камень, к примеру, и весь-то с кулак – у них прозвище: «аир таш»; скала ушла в поднебесье, да козырем верхушечка натулилась – у них опять кличка: «карлачуязы» - ласточкино гнездо, значит. Они, брат, все примечают, любят земельку свою, всему названье дают... Как в святцах...

И, вынув из кармана горсть кедровых орехов, погрыз-погрыз да еще сказал:

- А то и песню сложат хорошую... Едет-поет, идет-поет... Что видит, про то и поет: река – про реку, девка – про девку, орла высмотрит – про орла песня сложена... Доброй души люди, что и говорить...

- Что и говорить, - подхватил другой дядя, сибиряк, - с таким народом жить можно... Ничего...

А лоцман спросил:

- Ну, а как насчет Глаголева господина?.. Пойдете, што ль, по яблоки-то?.. Поутру как раз на то место потрафим.

– А далеко до него от берега-то?.. – полюбопытствовали. – Ка-а-ко далеко, ответил лоцман, - эдак, как тебе сказать – не соврать, версты четыре либо пять, не боле...

- Ой, больше... Как же лесничий добрые пятнадцать верст считает?..

– Мало чего тебе лесничий наскажет... Поди сам-от и не был там...

А я скрозь это место знаю... зашурясь пойду...

- Не врешь?..

– На вот тебе... Почто врать, мы не врем... - обиделся, посмотрел поверх наших голов на виднеющиеся вдали беляки и лоцманским, особым голосом, закричал:

- О-о-п!.. Ударь лева-а!.. Еще раз-о-ок!.. Оп!..

Плот пролетел возле самых беляков, качнулся, затрещал в связях.

– Надо иматься, однако... темнеть зачало... Чуть было на камень не натакались. Ишь взмыривает, пропастина...

И опять заревел:

- О-о-оп!.. Давай к берегу-у-у!.. Бей речно!! Бей сильно!!! Еще!! Оп!..

Плот лениво завернул к подрезистому приглубому берегу, и минут через десять мы уже сидели возле костров, кипятили чайники и сговаривались о завтрашней прогулке во фруктовый Глаголевский сад.

III

На другой день с полден мы вчетвером направились в экскурсию. Перекусили кой-чего всухомятку, да с тем и пошли; далеко ль тут: час туда, час обратно, да там часа два – к обеду вернемся.

– Так версты четыре, говоришь?

– Четыре либо пять, - откликнулся лоцман.

Поверили: человек резонный.

- Вот я вам все обскажу, слушайте: вот так прямехонько через речонку – курице по брюхо, - КУЮТ прозывается – и там заимка... Как заимку пройдешь, все вправо держись, все вправо – упруешься в гору; а как гору перевалишь, тут тебе и Глаголев господин... Его, брат, сразу узнаешь... Бородища – во, по пояс... Поди сивый стал теперича... По бороде сразу приделишь, кто таков... Ну, в час добрый ... Со Христом!..

Впереди шел Владимир, высокий, лет двадцати малый, с покатыми, как у борца, плечами и в короткой не по росту рубахе, за ним жизнерадостный, коренастый Вася с энергичными глазами и чуть пробивающимися усиками. А мы с Петром Николаевичем плелись сзади. Петр Николаевич был малый добрый, товарищ хороший, но трус, каких мало. И, кроме сего, обладал секретом нагонять тоску даже на самую бесшабашную компанию.

– Василий Петрович, Василий Петрович, - говорит он нудным голосом, - а как вы думаете, тут есть медведи?

Тот молчит, словно не слышит.

–А, Василий Петрович.. Есть?

Чтобы отвязаться, Вася кричит раздраженно:

- Есть, есть!.. Они тут еще с прошлого года вас караулят...

А вот и речка. Поискали- поискали брод – нашли, перебрались по камушкам. А Петр Николаевич – человек упрямый – пошел напрямик.. И нам видно было, как он, подобрав полы азяма, скакал поперек речки.

–Гоп-ля... Гоп-ля... Гоп!.. – и как раз угодил в омут, чуть не по пояс. Выругался, выполз на берег. Сидит, отливает из сапог воду, кричит:

- Господа, обождите меня... Я сей-ча-а-а-с...

Дождались, опять пошли. День был пасмурный. Дул ветерок. По небу бежали, торопясь к востоку, низкие облака. Пахло дождем и сыростью. Прошли версты две. А вот и заимка. Да не одна, а целых, кажется, пять. Речка, крутясь и извиваясь, опять пересекла нам дорогу, но, слава Богу, возле самых заимок через нее налажен из двух сплоченных бревен мост. Бревна ослизли, а берега высоки и круты, да и речонка пыжится тут, переливаясь по камням, как и заправская. Хоть страшно было, а перешли, кто ползком на четвереньках, благо заимочники не видят, а кто похрабрей – на ногах. Поручней не было. Заимочник до этого еще не додумался, а может, нарочно такой мост наладил: мы, дескать, ни в ком не нуждаемся. Да и то сказать: сюда, в этакую глушь, кроме урядника, никто почти из посторонних-то и не заглядывал никогда. А урядник ежели и появится за недоимкой да проползет лишний раз по ослизлым бревнам, эка невидаль! За это ему жалованье от казны идет. Итак, мы возле заимок...

ЖИТИЕ АННЫ Г. Д.

**воспоминания Анны Гавриловны Долдиной
в девичестве Сериковой, г.Алма-Ата, 2001 год**

...На заимке Чичам и в Усть-Куюте дома стояли редко, свободно друг от друга. Огород был большой и одна сторона его выходила на берег речки Малый Куют. Тут же, по нашей стороне, стоял дом Гуреевых. По другую сторону деревни стояли дома Новокшеновых, Казанцевых и других. То есть они находились по берегу речки Большой Куют. Вот при слиянии этих двух речек и стояло селение Усть-Куют, где я прожила до двадцати своих лет...

...Родители мои были родом из Тамбовской губернии села Завьялова? (Завальное) и жили на одной улице. Мама моя, Евдокия Кузьмовна Безява (Безяева), вышла замуж шестнадцати лет. Правда, регистрировать молодых раньше восемнадцати лет не разрешали, и надо было в церкви батюшке заплатить, чтобы он повенчал их. Мама (Дунька, как она себя звала) была шустрой и бойкой девушкой. Так, когда собирали кости и сдавали их старьевщику, ребята говорили: "На то поле можно не ходить! Там Дунька пробежала!" Мама росла крепкой, подвижной и выглядела старше своих лет, поэтому батюшка при венчании спокойно указал ей восемнадцать лет. Мама прожила сорок пять лет и скончалась в Усть-Куюте на Алтае зимой, когда мне было семнадцать лет. Мой отец, Гавриил Васильевич Сериков, тогда, при венчании, был старше мамы на семь лет. Родился отец на Благовещение недели Пасхи (16 апреля? старого стиля 1877 г.), прожил семьдесят лет и скончался в четверг недели Пасхи в 1947 году (27 апреля? нового стиля) в Китае в городе Кульджа...

Отец с семьей поехал в Сибирь, когда в семье было уже четверо детей: старший сын Григорий (1901 года рождения, прожил восемнадцать лет), старшая сестра Матрена (в замужестве Нина, 1903 года рождения, прожила 86 лет), братья Петро (1905 года рождения) и Николай (1907 года рождения). В Завьялове остался брат Иаков, тот родился в 1902 году и скончался в младенчестве в возрасте двух лет. Но прежде отец поездил по России с артелями строителей, железную дорогу

строил в Сибири и добрался до города Верного (теперь Алма-Ата). Отец вернулся оттуда и сказал своим: "Там, земной рай! Все, все растет в изобилии! Поедем туда!" Но, когда выписывали путевку в Тамбове, то указали место переселения не под город Верный, а селение Чичам Бийского уезда на Алтае. Направили осваивать и разрабатывать земли среди леса и гор Бийской гряды. Власть царская обещала хорошие подъемные деньги всем переселенцам, но с условием, когда они приедут в место назначения по путевке.

Помню, моя мама говорила нам, что ехали они в Сибирь на поезде в теплушках, по дороге поезд часто останавливался и подолгу стоял. На станциях мама бегала за кипятком и пропитанием. Бывало, опоздает к отходу поезда и догоняет его. Хватает руками за подножки теплушки, карабкается из последних сил и ударяется животом. Мама тогда была уже в положении. Видать, поэтому я (Аня) родилась с поврежденными пальцами на правой ноге и руке...

До Барнаула ехали поездом, а там добирались на подводах. Задержались за Барнаулом в местечке Мысы (Мызы). Отец хотел заработать на пропитание и подрядился помочь убрать овес местным жителям. Мама была в положении, но вместе со старшими Григорием и Матреной вязала снопы, а отец косил. Здесь-то, на поле и родилась я. Хотя в паспорте мне указали место рождения Усть-Куют. Это мама рассказывала нам, как она разрешилась доченькой, а отец сам принимал роды. Соорудил из снопов овса шалаш, сделал от солнца защиту и принял роды. "Родилась под сулоном!" - любил говорить мне отец. Мама недолго отдыхала после родов и снова принялась вязать снопы, а маленькую оставила под повозкой на одеяле. За работу отец получил часть овсом для лошади, а часть - продуктами. Поехали дальше и остановились в деревне Березовой. Стало холодать по ночам, и отец решил на зиму побыть в Березовой. В одном доме встали на квартиру, но не в дом, а в сарай из досок и бревен. По теплу еще отец обмазал стены глиной, соорудил печку посреди комнаты, как потом сделал это и в Кульдже, а двери утеплил крепко. Как-никак в семье ребенок был маленький. Первое время мама сидела с детьми, а отец ходил на охоту и рыбалку.

Хлеба дома не было, и мама ходила по селу, меняла вещи на хлеб или собирала милостыню. Находились добрые люди, неравнодушные к детям и подавали. О-о-ох! Как трудно тогда пришлось жить и выживать нашей семье! А отец рыбу ловил только на пропитание, зверков же с охоты обрабатывал и сдавал шкурки в лавку. Там же в лавке брал кое-какие продукты. Так и прожили зиму, потом вторую, когда нашлась Груня, младшая из нас сестра... Летом, несколько раз, отец работал на заготовке леса и строительстве железной дороги. Говорил: "Слава Богу, сила была, иногда в одиночку носил шпалы на загорбке. Другие старались вдвоем, а мне было сподручней нести одному". Десятник заметил усердие, поручил работу с топографом, когда стали укладывать рельсы на шпалы." И так прошла третья, четвертая, пятая зима. И только на шестой год поехали мы в Чичам. После этого отец получил деньги подъемные для переселенцев от государства.

Отец мой рассказывал нам потом. Как получил "подъемные" царскими деньгами, то сразу купил себе: хату, корову, коня, "голову" сахара, коробку масла и другое пропитание, материал для шитва одежды. Осталось только двадцать пять рублей. Пошел он на следующий день в лавку, а там отказались брать царские деньги. Говорят: "Теперь керенские деньги в ходу, а царские - нет!" "Ну, и пусть останутся они на память!" - сказал на это отец. Шла война большевиков. Отец уважал царское правительство. Постоянно выписывал журнал с фотографиями и картинками. Читал, хоть и по складам, и часто вырезал фотографии царя Николая и его семьи. Ставил их в рамки и вешал на стенке в доме своем. После войны с японцами возвращались инвалиды с фронта в деревню и заходили в дом Сериковых. Ругали царя и его власть, закуривали и сигаркой старались прожечь глаза царской семьи на картинках. Отец не выдержал этого издевательства, картинки снял со стенок, вытащил из рамок, свернул и спрятал под крышу дома своего. Туда же спрятал царские двадцать пять рублей.

Вскорости дом отцу пришлось продать, так как у него хозяйство было крепким, и его собирались раскулачить, а что случилось с деньгами и картинками царской семьи мало кто знает...

Отец рассказывал, как на лесоповале в Чичаме на речке Малый Куют они расчищали места под пашню от кустарника и деревьев. Тогда

питались небогато: каравай свежего хлеба, кусок сала и родниковая вода. Пей, сколько можешь впрок! И это после целого дня работы в лесу под горой Чичам.

Вот, запомнила! Брат Григорий говорил нам в детстве: "Нельзя брать, не спрося у мамы! Бог все видит!" И я всегда была правдивая в своей жизни. Помню, когда шила платья или рубашки на заказ на дому, то все время возвращала заказчику остатки ниток и материала...

Мама говорила, когда семья наша приехала в Чичам, то мне было уже шесть лет. Деревня эта стояла под горой Чичам на слиянии речки Малый Куют и еще одной речки, которая к лету почти пересыхала. От Чичама до реки Бии было недалеко, верст восемь, не больше. И дворов в селении было не больше десятка. Отец со старшими, как приехали в Чичам, стали очищать место под пашню от леса и кустов в стороне от селения за верст за пять. На пашне садили овес, зерно, картошку. Растили во дворе скотину и птицу. Держали огород с картошкой, луком, капустой, морковкой, брюквой. Летом отец готовил со старшими вырубку сушняка в лесу, завозил его на лошадях волоком к ограде. Такую бо-ольшую кучу сухого лесу! А мы? Мне уже лет десять было и вместе с ребятами пилили и кололи дрова. Летом, во время покоса, кормили себя хлебом с куском сала да свежей родниковой водой запивали. Сало у нас хранили на чердаке дома, на крючьях и при надобности куски мяса и сала отрезали.

В голодные годы войны гражданской у нас был неурожай хлеба. Богатые хозяева потравили зерно на посадку, и пшеница не взошла на полях. Мама тогда готовила, и мы питались дома пшеничными лепешками пополам с травой и еще чем-нибудь съестным.

Помню, мама говорила, у отца и других переселенцев из России в Сибирь не сразу стало крепким хозяйство. В семье все трудились, с мала до велика, не покладая рук, все время каким-то делом заняты были. Ведь когда человек трудом занят, тогда и достаток в доме будет. Семья отца имела достаток через скотину. Вот, ему дали козлушку, во время войны с немцами (1914 год), а коза через год дала двух козлят. Козу доили и кормились молоком козы. Потом отец козу продал и купил телку. Подросла она, отелилась и стала дойной коровой. Через год-другой она еще отелилась, а через десяток лет в доме отца стало скотины полон

двор. Только ухаживай, да корми их исправно! Баранов отец не держал, а все больше свиней кормил. Одна свинья была такая дородная, что давала много поросят. Отец двух поросят оставляет, а остальных продает соседям. А еще, во время войны, отцу дали жеребенка за мед со своей пасеки. Он вырос добрым конем, и звали его Карька. Карим был. Очень помогал отцу по хозяйству и выручал, когда развозил уголь, деготь, скипидар.

Помню, мама мне рассказывала, как я родилась под суслонем. Тогда шел август месяц и отец с мамой и четверо детей ехали на подводе в сторону Бийского уезда. Отцу выдали в Тамбове путевку, чтобы ехать и разрабатывать землю в горах и лесах у селения Чичам. За Барнаулом есть место Мысы. Здесь отец остановился, чтобы помочь местным убрать урожай и себе заработать на прокорм в дороге. Пшеница на полях была уже убрана, а овес еще ждал своего черед. Отец подрядился. Сам косил, а мама и старшие Григорий и Матрена снопы помогали вязать. Свяжут сноп и ставят в суслон, вот так, вроде шалаша (показывает руками). Мама говорила, тот день августа был жаркий и ясный. Время было, где-то, накануне третьего Спаса, праздника верующих христиан. Собирали, собирали овес в суслоны... А мама моя была в положении и тут... ее прихватило. Отец бросил косить, собрал снопы, соорудил из них заслон от солнца вроде шалаша и сам принял роды. Вот так я и появилась на свет Божий! "Родилась под суслонем!" - отец любил говорить. И вот когда я получала паспорт в Кульдже, то в церкви старые люди посмотрели, когда был Третий Спас в августе 1910 года и записали 10 число, но место рождения указали Усть-Куют, где я прожила до двадцати своих лет. Отец с семьей поехали дальше, но задержались в Березовой, так и не доехали до Чичама. На дворе, тогда начались холода, и ребенок в семье был маленький. Отец снял комнату, вернее сарай, в Березовой, стены замазал глиной и утеплил окна и двери, а среди комнаты соорудил печь. Мама говорит, можно было провести зиму. Так и прожили до следующего лета. А тут нашлась Груня, младшая моя сестренка и отец остался в Березовой на второй, третий. И только на шестой год отец с семьей выехал в Чичам.

Помню, мама мне говорила, мне уже было шесть лет, когда отец с семьей переехал в Чичам. А через год пришла к нам власть Советов.

Семью отца считали кулацкой, хоть он и не держал работников, как тогда говорили батраков, а свои старшие дети во всем помогали. Тогда отец получил царские подъемные деньги как переселенец и купил дом, построил сарай для коня и коровы. И еще купил земельный участок, где соорудил печь с котлом, "заводик", как отец называл. Здесь варили и жгли сосновые и березовые чурки, корневища и получали деготь, скипидар и древесный уголь. Все это развозили на коне Карьке по деревням, продавали или получали взамен зерно или муку. Тем и жила семья летом. Тогда у отца хозяйство было крепким и отца хотели раскулачить. Но собрали сход старожилов Чичама и они не дали в обиду отца. Сказали: "Свое хозяйство Сериков поставил на ноги своими руками, да с помощью своих детей. И ни разу не нанимал к себе батраков!" Однако после схода, отец разделил свое хозяйство. Тогда Матрена уже была замужем за заведующим интерната беспризорных Анатолием Николаевичем Молодцовым, а они жили в Куреево. Отец продал свой дом мордвам, которые недавно приехали в Чичам, а сам купил для Петра и его семьи дом поменьше здесь же и выделил ему лошадь с коровой. Николаю выделил из хозяйства коня трехлетку. А себе оставил корову, свиней и птицу. Отец с мамой и вместе с Николаем, Аней и Груней (Григорий к тому времени скончался от простуды в возрасте восемнадцати лет) переехали из Чичама в Усть-Куют. Село это стояло на месте, где сходились речки Малый и Большой Куюты, а ниже они сливались с рекой Бией. Здесь отец поставил дом-пятистенок у самой воды речки Малый Куют из сруба, который разобрали и привезли из Чичама на лошадях.

Помню, один раз, зимой ночью мы проснулись, когда к нам во двор забежал волк со стороны речки. У нас ограда была до самой воды, а со стороны речки забора не было. Ночь была светлая, и нам хорошо было видно. Отец засвистел, мы проснулись, выбежали в коридор и видели, как наши две большие собаки хватают волка за холки и за хвост, то с одной, то с другой стороны. А волк вертится, огрызается и убегает со двора. Добегает до воды, и по перекаату через речку в лес побежал. Отец был с ружьем, но не стрелял в волка. "А ну, как в своих собак попаду? Нет! Уж пусть бежит себе в лес!" - говорит нам.

Помню. Отец мой, Гавриил Васильевич, знал и нас приучал к тому, что в начале августа надо сено косить. Хорошо помню эти дни, они всегда были ясные и жаркие, а мы на подводах выезжали на свои покосы. Отец с Петром и Николаем (Григорий тогда уже болел) чуть свет идут косить. А мы с мамой и Груней шли ворошить скошенное сено после обеда. На следующий день сено копнили и складывали в стога. Обычно ставили меня в середине стога у жердины. Набрасывали сено, а я утаптывала его и так до самого верха жердины. А сверху жердины еще накидывали сена, чтобы сено не мокло во время дождей осенью и весной. Отец часто бросал соль горстями в сено. И один раз соль закончилась в доме. Мы с отцом на подводе поехали в город Бийск. Выехали рано утром, а добрались до города уже затемно. Рядом с подводой бежал жеребенок с колокольчиком на шее. Остановились у Дворца труда и ночевали мы с отцом под подводой. Жеребенок ходил вокруг лошади, тыкался мордой, чтобы попить молока у нее. Иногда бегал и звенел колокольчиком, будто говорил: "Я тут, рядом!" Помню, тогда я до утра не могла заснуть от этого колокольчика и звона... Отец купил соль с утра пораньше и мы отправились в обратную дорогу домой. Вот тут, на мешках, я села, приклонилась и за-аснула. Спала, как сурок, до самого дома!

В самые жаркие часы сенокоса на покосе не работали. Мама и отец располагались у подводы, а мы с ребятами шли в лес по ягоду или качаться на молодых березках. Однажды, помню хорошо, как белка, хотела перепрыгнуть с одной лесины на другую. Раскачалась, раскачалась и достала руками, схватила соседнюю лесину. А ноги запутались! Дергала, дергала ногами и... упала на пень! Повезло еще! Пень оказался старый и трухлявый, не то все ребра свои переломала бы и покалечилась...

По грибы в Чичаме и в Усть-Куюте ходили не в лес, а в гору. Через речку, против нашего дома, была гора крутая. Там лес был редкий, и грибов там было видимо-невидимо. Перейдешь через Малый Куют по перекату и собирай себе всяких грибов: лисичек, волнушек, груздей, белых или опят. Опят было много и ребята их за грибы не считали, а сшибали их палками. Мама грибы все больше солила, а мы любили кушать их с картошкой. За ягодой ходили по речке вверх, там были

кусты смородины и ягода там крупная, как виноград. Быстро набираем ведро ягоды и домой скорее! Собирали ягоду, но варенье из нее не варили дома. Сахар был дорогой, а с медом не делали. В мед как воды нальешь, так он силу свою теряет. Малину сушили и зимой пили с чаем. Кусты малины были выше роста и росли на косогоре. Вот так, склонится куст по косогору, а снизу висит ягода. Да такая рясная и крупная! Так что набирали ведро ягоды быстро, а потом по крутому склону, через пережат речки и домой. А отец с нами тоже ходил по ягоду с собакой и с ружьем. А чтобы мы не думали и не боялись медведя, отец ходил с собакой кругом нас и покашливал: "Кхе-кхе-кхе!" Давал нам знак, что по кустам он ходит, а никакой там не медведь...

Помню, моя старшая сестра Матрена вышла замуж, когда мне было лет десять. Напротив нашего огорода, за речкой Малый Куют, отдали поля интернату из села Куреево озеро. В нем были беспризорники от мала до двадцати лет. Вот они и убирали картошку, заготавливали сено на этих полях. Им нужна была повариха и наша Матрена согласилась им помогать. Месяц побыла там и заходит как-то к отцу она вместе с мужчиной из интерната. Просят согласия на женитьбу. Отец до этого знал заведующего школой интернатом Анатолия Николаевича Молодцова. Знал, что тот уже имел семью, жену Фиму, что тот большевик и во время гражданской войны раскулачил много крепких хозяйств, гонялся за бандами белогвардейцев. Не хотел отец, чтобы его дочь пошла за безбожника. Но подумал, подумал и согласился. Они всю зиму и весну жили у нас, а потом уехали в Куреево. А когда у них появился ребенок Гена, они упросили отца отдать меня к ним в интернат, чтобы водилась я с малышом. Так я и стала у старшей сестры Матрены нянькой.

После замужества Матрену записали по паспорту Ниной Гавриловной и жили они с Анатолием Николаевичем Молодцовым до 1933 года. В тот год он вроде отправился в командировку в центр России, да так и не вернулся домой. Оставил ее с ребятами на руках. У нее были от него дети Роза, Лилия и Фиала. Любимая Роза скончалась, поздно осенью 1980 года, затем Лилия умерла. Осталась Фиала с мужем, у которых жила Нина Гавриловна. Помню, Яша, мой младший сын, ездил в командировку в Семипалатинск по делам строительным из Джамбула и

на обратном пути заехал к нам в Алма-Ату. Приехал в августе, когда мне исполнилось семьдесят лет (1980 г.), и долго мы с ним говорили по вечерам. Рассказывал мне, что видел Розу и Лилию Анатольевну в Семипалатинске. Роза с семьей проживала в пригороде на Птицефабрике, у нее старший сын Николай ровесник Яши. У Лилии Анатольевны трое детей Богословские – старшая доча и два сына, и живут они с отцом вместе в пригороде Семипалатинска. А про Фиалу Анатольевну ничего, говорит, не узнал. Оттуда Яша заехал в Андреевку за Талды-Курганом и виделся с моим старшим братом Петром Гавриловичем Сериковым и его сыном Анатолием. Встретился с Петром Ишковым, сыном моей младшей сестры, который продал дом своей сожительницы и уехал в Приморский край, откуда часто пригонял легковые машины на продажу.

Прожила Нина Гавриловна трудную долгую жизнь до 86 лет и только за два года до кончины своей приняла Крещение, когда была у нас в Алма-Ате. К старости зять предложил ей перейти в дом престарелых. Но не захотела она ехать в Семипалатинск, куда ей предложили, а приехала ко мне в Алма-Ату, к сестре средней. Думала пожить у нас, но в нашем доме и своим детям да внукам негде было повернуться. Вот сейчас стало свободнее: Валентинка на своей квартире живет или на даче, Наташа уехала и живет в Томске, Саша построил себе комнату, а Галинка с Таней и Алинкой живет в другом месте. Остались мы с Валею, моей старшей дочерью, в своем доме. А тогда, когда приехала Нина Гавриловна, тесно было. Ну, приехала Нина Гавриловна, пожила в тесноте. И решили мы с ней искать пути, как устроиться в дом престарелых ей. В это же время у моей младшей сестры Груни сын Петька продал дом, в котором она жила с ним, а ее отправили в интернат. Этот Петька последние годы пригонял из-за границы легковые машины и торговал ими здесь в России. Часто исчезал и неожиданно появлялся. Один раз заглянул к нам в Алма-Ату и говорит: "Мне надо отлежаться немного, а то меня ищут бандиты и хотят убить. Они хотели у меня отобрать иномарки, которые я пригнал, но я их немного пострелял, отбил и скрылся." Думаю, пусть останется, племянник все-таки. А через неделю он уехал, исчез и с концом. Никто до сих пор не ведает где он.

Приезжает Нина Гавриловна из Текели и рассказывает, что Петька приехал из Алма-Ату весь издерганный, продал дом и срочно уехал куда-

то. А мне сказал ехать в Алма-Ату к сестре Анне. "Вот я здесь и появилась у тебя!" - закончила она свой рассказ. "Поживу у тебя, а там и в дом престарелых пойду" - говорит мне. А я себе думаю: Нина была нам вместо мамы, после ее смерти, и если идти в дом престарелых, то надо идти нам обоим. И мне ведь давно за семьдесят лет...

Пошли мы с Ниной Гавриловной в райсобес, узнали какие документы надо для этого и главное, что нет родственников, которые могут ее содержать. А у нее две дочери и сын уже умерли в Семипалатинске. Про Петьку мы промолчали. Вот мы, две старушки, собрались и поехали туда. Получили справки о смерти ее детей и поехали в Текели к родным, нашему брату Петру и сестре Груне Ишковой. В это время там только что открыли интернат для престарелых. Места хватало всем, и мы обратились туда. Хотя, сперва думали устроить себя в Алма-Ате. Там проверили справки и согласились принять Нину Гавриловну, а со мной решили погодить. Оставила я ее и поехала домой в Алма-Ату...

А вот, один раз видела сон. На небесах Нина Гавриловна водилась с детьми у озера на лужайке. В озере играет и плавает рыба, а чешуя на этой рыбе сверкает, как алмазы. Сестра с детства жила в няньках и любила детей не только своих, но и чужих. Вот я и видела ее, что она играет с детьми. Собрала цветы, сплела венки и одела их детям на голову. Играет с ними и кормит рыб. А в озере, я вижу, у рыбы чешуя блестит как бриллианты. Удивилась я и думаю: "Как это люди такую рыбу ловят и едят?" И все. Проснулась. А другой раз я видела за гробом, вроде как на небе, отца своего. Ходит он с Евангелием в руках, а читать не может, глаза совсем не видят буквы. Ему встретился мальчик. И отец просит его почитать Святое Писание, сказал при этом: "Блажен читающий и блажен слушающий! Вот, возьми и почитай молодыми глазками, а я послушаю." Мальчик взял и стал читать Святое Писание. Вот так и я прошу тебя "Почитай мне Библию!"

Помню, лет пять мы прожили в Чичаме, а потом отец построил дом добротный из бревен, крестовой - из четырех комнат. Во дворе соорудил коровник, конюшню, свинарник и сарай для птицы. Отца считали крепким середняком за такое хозяйство. И власти хотели его раскулачить. Однако старожилы Чичама встали на защиту моего отца. Говорили властям: "Он свое хозяйство поставил на ноги своими силами и с

помощью старших детей. Ни разу не нанимал себе батраков!" Но отцу посоветовали разделить хозяйство и жить с семьями детей пороздельно, а не под одной крышей. Тогда Матрена была уже замужем за Анатолием Николаевичем, и Петро женился на Раисе. Получалось, три семьи жили под одной крышей. И чтобы не раскулачили отца, не сослали с семьей, куда подальше в Сибирь, отец продал дом мордвам, переселенцам, и переехал с семьей в Усть-Куют. Здесь купили в отдельности дом для семьи Петра и нам с отцом и мамой и Груней.

Григорий тоже жил с отцом, потому что был болен с 14 лет. А вышло так. Отец отдал его в работники к соседям в Чичаме. Там он после игры в мяч с ребятами напился кваса, который взял со льда из погреба. А его после этого послали поймать лошадь в конюшне. И ждут его не дождутся. Ждали, ждали хозяева... Ни его, ни лошади? Пошли в конюшню, а он лежит без движения. Сердце схватило, и он упал, а рядом никого нет. Долго его лечили и дома и в больнице. А потом врачи сказали родителям: "Сердце ведь не заменишь? А он его надсадил." И отправили его домой. Григорий скончался в возрасте восемнадцати лет. Сердце не выдержало и отказало...

Старшая сестра Матрена (после регистрации с мужем – Нина) уехала в Куреево, что стоит на Бии. Там мужа назначили заведующим школы интерната для беспризорников и дали жилье в школе. Отец себе купил сруб дома в Чичаме и на лошадях волоком перевезли бревна в Усть-Куют. Поставили дом на берегу речки Малый Куют. В Усть-Куюте отец арендовал землю, где соорудил "заводик" с котлом и печкой. Здесь летом вместе с Петром и Николаем они выжигали уголь древесный, гнали деготь и скипидар. Уголь развозил Петро по деревням, продавал или обменивал на зерно. За дегтем приезжали из разных селений, а вот скипидар отец отвозил в город Бийск и сдавал в аптеку. На полученные деньги в городе отец брал соль, мануфактуру, сахар и другое.

А зимой отец все время проводил на охоте и изредка ловил рыбу для своего стола, но не на продажу. Вот когда была большая вода на реке Бии, то братья Петро и Николай заготавливали лес в верховьях, сооружали плоты и сплавляли их до города Бийска. На один из плотов ставили подводу с лошадью. И как только сдавали плот, получали деньги, то возвращались домой на подводке. Помню один раз мы с

девчатами шли из церкви на Пасху, несли куличи и свяченые яйца. Дошли до берега Бии, а тут плот стоит с нашими ребятами. Ну, мы разложили перед Петром и Николаем угощение праздничное. Они поели, поблагодарили нас, с собой взяли в дорогу и дальше погнали плоты по реке Бии до города.

Помню, отец мой не любил скверных слов. Самое плохое ругательство я слышала от него, это "У-у-у, непутевая!" И все. А один раз он наказал старшую сестру Матрену. И так наказал! Аж до потери сознания бил! Пока мама не отобрала ее у отца. А было это из-за того, что на улице она услышала, как брат Григорий матерно ругает кого-то. Так она пришла домой, пожаловалась отцу и повторила те слова, которые говорил брат. Отец не мог стерпеть жалобу и ругательства, да еще от старшей дочери. Какой пример она подала нам младшим братьям и сестрам? Вот за это отец и поколотил крепко ее.

Помню, мама моя вела все хозяйство в доме: и скотину со свиньями накормить, и птицу напоить, и яйца собрать, и еду приготовить. Конечно, и мы с Груней на кухне помогали, но больше всего мне нравилось готовить еду, а Груня чаще с отцом была. То он ее за лошадьми пошлет, пригнать с выпаса, то возьмет с собой, когда корчевал в лесу пни для топки заводика. Мама была небольшого роста, но таскала большие ведра с похлебкой для свиней и один раз надсадила себя.

А тут, в Усть-Куюте, к свадьбе Петра готовили самогон в бане. Хлопочет она, хлопочет у плиты в доме, варит, жарит, парит, а потом бежит через двор до бани, посмотреть как там самогон. Готов ли? А заодно увидеть хотела: не пьют ли самогон сыновья Петр и Николай. Простынет она на дворе, погрееется у печки и снова бежит к бане... И так не заметила, как простыла. Ездили к врачу, и он ей сказал, что почки и печень простудила. Думали, пройдет само собой, и лечили дома. Потом решили везти в больницу за 20 километров, когда стало ей уже плохо. Помыли, одели, приготовились ехать поутру вдвоем с отцом. Отец подошел к кровати, приподнял маму с подушки и хотел нести на улицу на подводу. А мама помолилась и сказала: "Господи прости мою душу грешную!" Резко дернулась вперед, чтобы встать, и... опустилась на руки отца, и на кровать, уже бесчувственная... Я лежала на печке и все это видела. Как за-акричу, как заплачу во весь голос! И осталась без памяти,

рассудок потеряла. Мне потом рассказывали, что мне не могли зубы разжать и дать воды. Кое-как меня откачали, напоили, и сердце отпустило, а то совсем не билось. Такой же приступ с сердцем у меня был, когда хоронили маму. Я не могла стоять у края могилы и кричала: "Мама! Родная! Самая любимая моя! Возьми меня с собой!" Лезла к краю ямы, хотела обнять гроб, который уже опустили вниз. Потеряла я сознание и меня домой отвезли на телеге. Мне тогда было лет семнадцать, а маме лет сорок пять. Смерть мамы я тяжело переносила. Много дней лежала на печи и по ночам плакала и молилась: "Господи! Зачем ты оставил меня? Забери и меня на небеса! Лучше бы я умерла, чем мама!"

А чтобы я меньше убивалась, плакала да переживала, отец давал мне работу не только на кухне. То посылает за скотиной присмотреть, то сходить на речку за водой на перекат, где не замерзает вода. Хоронили-то маму зимой и подальше от селения. Хотел отец отвлечь меня от горестных дум. Помню, один раз, мама пришла ко мне во сне. Обняла меня, вот так, положила руку на мою голову и говорит мне: "Не надо, доченька, так переживать из-за меня и убивать себя! На все воля Божия. Положись на Господа Бога и живи!" Проснувшись я, а на душе легко, как будто с сердца камень сбросила! И с тех пор перестала я плакать за маму. И не стала думать о том, что уйду в монастырь, чтобы посвятить свою жизнь служению Господа Бога. Зимой молилась часто дома. Летом, иногда, уходила в лес, забиралась на мою березку с развилкой, подальше от волков. И молила Господа, чтобы он дал маме царствие Божие и простил все грехи ее.

Через год после смерти мамы отец женился на Лизавете и поехал на стройку железной дороги под Алма-Ату. Как-то через год или два, приходит от него письмо в Усть-Куют. Приглашает приехать к нему. Хвалит места, где он живет, в Жаркенте у границы с Китаем. "Рыба здесь есть, овощи сами растут, фрукты, яблоки и другое растут в изобилии как в раю!" Однако попали они с мачехой туда случайно. Ехали-то в Алма-Ату, да в дороге разговорились с одним из мужчин в поезде. И тот говорит: "Да куда вы едете? Там, в Алма-Ате, нет ни рыбы, ни садов хороших! А вы, я вижу, сети везете?" Ну, отец ему поверил и сошли они с поезда вместе с ним на станции реки Или. Там уже пароходом до

Жаркента добирались. Говорили, дорогу будут строить в сторону Китая, и жить можно будет там. Засобиралась я к отцу, как письмо получили.

А Николай с женой и Груня не захотели туда ехать. Стала я уговаривать Петра с женой, и они не желают. У них недавно родился второй сын Анатолий. Сам Петро только что вернулся после службы в Армии. Долго не писал жене Раисе, и она пошла жить к одному мужику. Когда приехал Петро домой, Раиса продолжала встречаться с этим... В один из вечеров Раиса сказала Петру, что пошла по делам к соседке. И ушла. А Петро со зла взял топор, оставил дома детей одних и следом пошел за женой. В общем, застал их обоих на месте прелюбодеяния! Хотел Петр порубать топором обоих, но вовремя остановил себя. Голос изнутри спросил его: "Нужна ли тебе тюрьма за убийство? Кто детей будет на ноги поднимать? Или они будут сиротами расти?" Поругал, поругал их Петр, бросил топор и побежал к детям. Жена Раиса с того места ушла к своим родителям, они же жили в соседней деревне Чичам.

Все это Петр мне рассказал, когда я пришла уговаривать его, чтобы ехать к отцу в Жаркент. Говорила ему, конечно, это позор для семьи измена Раисы, но детей без матери одному будет трудно вырастить. Да и новая жена, какая будет неизвестно. Дети не должны при живых родителях быть сиротами. Ругала я и Петра за то, что он из Армии писал письмо, в котором говорил: "Жить - живи, но детей не заводи." Говорила ему: "Прости ты ее и она тебя простит. Продайте дом, хозяйство, соберите все необходимое и поедem к отцу!" Всю ночь мы с ним проговорили. А наутро он поехал и привез к детям Раису. В эти же дни они продали свой дом, кое-что из хозяйства. Вместе мы на подводе добрались до города Бийска и там продали лошадь с подводой. На станции купили билеты на поезд до Алма-Аты.

Но вышли из поезда на станции реки Или и вместе с другими переселенцами погрузили вещи и сами сели на баржу с пароходом. Против течения реки трудно было пароходу тащить баржу. И тогда мужики на берег сошли и за веревки бечевой, как бурлаки, тянули баржу со своим скарбом, женщинами и детьми. Только на третий день остановились у пристани Коктал, в двух километрах от Жаркента. На телегах нас привезли до городка и скоро мы нашли дом, где жил наш

отец. Он не мог встретить нас на пристани из-за своей болезни. Но когда увидел меня и Петра рядом с собой, то повеселел и бодро стал выглядеть. В то время мне было лет двадцать, но в Жаркенте с работой трудно было. Меня взяли рассыльным курьером во Дворец труда. Носила я письма и повестки на собрания актива, приглашала из погранотряда, трудовой колонии, типографии, сельского совета и еще откуда-то. Давали мне листок с фамилиями, кого надо пригласить на собрание. Идти было близко от Дворца труда до сельсовета и типографии, дальше идти до трудколони, и совсем далеко было шагать, приходилось, до погранотряда. Каждый, кому надо было, расписывался на листке с фамилиями, кого приглашали, и я приносила листок в сельсовет. Некоторые активисты не являлись на собрание и тогда, я еще раз, носила им повестки. Заседания проходили часто и многие на них не являлись. Но мне из-за этого ничего не было.

В этот год зима была лютая. А отец писал в письме "здесь зимы не бывает". Вот я и оставила добрые валенки в Усть-Куюте, а приехала в сапожках. Побегаю, побегаю по городу с повестками и бегу в столовую чаем погреться. Обычно беру чай и кисюшку (чашку) риса свою. Так как я оплатила повару за целый месяц вперед, то она всегда оставляла мне что-нибудь поесть. Мясное кушание я не брала, так как в эту зиму много скотины подошло без корма зимой. Ее резали и отдавали в столовую Дворца труда. Я раз попробовала мясо, а там одни кости да жилы. Из-за мороза дохла скотина. Да и людям тогда в тридцатом году было нелегко!

Как-то увидел председатель сельсовета, как я, бегаю по морозу, в сапожках и сказал завхозу: "Выдать валенки!" Валенки быстро выдали! Дали, да большие! А я газеты наматаю на ноги и туда, в валенки их! Стало ногам теплее и теперь, в столовую, я реже бегала, чаем греть себя. Так и прошла эта зима.

Вот, один раз, разговорилась я с тетей Полей, она работала уборщицей тут же во Дворце труда, про веру в Бога. Я узнала от нее, что верующие собираются в одном доме и читают, разбирают Священное Писание. Пошла раз и я с ней. В обычном доме увидела несколько человек, были и знакомые мне люди, подошло еще и стало больше двадцати человек. Один из них, пресвитер общины, открыл собрание, прочитал молитву и главы из Библии. Потом пели духовные песни. На

душе у меня было радостно! Как будто пообщалась с Господом Богом! Удивилась тому, что комитетчики, большевики не преследуют людей за веру?

Перезимовали мы с отцом в Жаркенте и ближе к лету заговорили в общине верующих о переезде за границу, в Китай в город Кульджу. Когда я сказала отцу, что община уезжает из Жаркента, так как за веру стали притеснять людей, то отец и сказал: "Поедем и мы вместе с ними. С этими безбожниками большевиками нам не ужиться!" Отец с мачехой собрали свой скарб, договорились с проводниками через границу, сели на подводу и скоро уехали. А мы с тетей Полей собрались идти через границу на пару дней позже. Она ехала верхом на лошади, а я рядом с небольшим узелком. У границы проводники взяли с нас деньги и указали дорогу через речку Хоргос. Речка была неширокая, но глубокая. И когда я шла вброд, то в середине речки вода дошла мне до подбородка. На всякий случай я держалась за хвост лошади. На той стороне речки, когда мы вышли из воды, стояли подводы с китайцами, а пограничников не было видно. Да и что было брать с нас, ведь богатых среди нас, перебежчиков, не было.

К вечеру того же дня мы с другими переселенцами приехали в Кульджу. К нам подошли люди, хозяйева, кому нужна была прислуга. Одна из хозяек, жена ветеринара Филиппова (узнала потом), пригласила меня к себе на все лето. Надо было ехать в горы на дачу вместе с их семьей, готовить еду и справляться по домашнему хозяйству. Я была одна, с отцом и мачехой еще не встретились, и мне было все равно где работать, тем более жить было негде. Сам Филиппов все время на два-три дня уезжал по табунам скотоводов и дома, кроме хозяйки, остались дочь лет тринадцати и сын лет пятнадцати. На первое время продукты из города привезла хозяйка, а потом в город ездил работник Иван или муж привозил с собой. Иногда пищу готовили вместе с хозяйкой, но обычно готовила я, а они гуляли да читали книги.

В один из дней с утра хозяин собрался и поехал в Кульджу. Позавтракали. Хозяйка взялась подшивать платья, а я латать дырки на чулках и носках, которые достала из сундука с разрешения хозяйки. После обеда тем же самым занимались. Захотелось хозяйке ягоды и она послала меня с дочкой, а сын вызвался показать, где растет земляника,

малина и смородина. Пошли и недалеко от дачи в лесу на косогоре быстро набрали ягоды и к ужину вернулись назад.

Все бы ничего, но у меня, ночью, расстроился желудок, и мне надо было вставать и идти на двор. Ночь была темная, и я справила свою нужду недалеко от дома. Думаю, утром встану пораньше, перенесу и закопаю где-нибудь подальше от жилья. Утром так и сделала: взяла лопатку, унесла и закопала свое "золото". А днем подходит ко мне хозяйка и спрашивает: "Ты перебирала вещи в сундуке?" "Да, - отвечаю, - перебирала. Взяла носки и чулки, зашивала." "А золота там не видела, в сундуке?" - еще спросила она. "Нет - говорю. - Не было там никакого золота! Не видела я его и мне оно не нужно!" "Признайся, что взяла золото! - повысила она голос.- Я считала тебя порядочной, а ты еще и воровка! Верни золото, а не то... а то я тебя сдам китайским властям. Они будут пытаться тебя, иголки загонят под ногти и в пятки. И ты тогда признаешься!" А потом она чуть успокоилась и говорит: "Ты ведь ночью вставала и прятала золото?" И со зла добавила: "Пусть украденное золото будет крышкой на твоей могиле! Бог тебя накажет за воровство!" И опять давай меня страшить... Я дождалась, пока хозяйка замолчит, и объяснила ей, какое "золото" поутру я переносила и хоронила подальше от жилья. Но она мне не поверила и пригрозила: "Приедет хозяин и отвезет тебя китайцам!" Всю ночь я проплакала. Молила Господа Бога защитить меня от неправды и притеснений. Вдруг подумала, может, сын ее взял золото или хозяин с собой в город увез из-за боязни, что я украду? После таких мыслей я немного успокоилась и заснула под утро, когда решила себе: "Уйду я от них завтра!"

На следующий день вернулся из города хозяин, и мы узнали, что для дела в городе он взял с собой золото. Хозяйка стала просить у меня прощения, забыть все ее грубые слова и ее угрозу сдать меня китайцам. Но я ответила спокойно: "Бог дал мне силы выдержать все ваши угрозы и неправду, я столько слез пролила и не могу после этого быть у вас в прислугах. Найду место у порядочных хозяев!" "Какая же я непорядочная?" - стала оправдывать себя она. - Почти три месяца жили в согласии и только..." "Ну, нет, - говорю ей. - Теперь я увидела, как человек из-за золота стал мне угрожать, хочет на пытки китайцам отдать как вора. Из-за этого и неправды вашей, я не буду жить под одной

крышей с вами!" "Ну, и иди без денег,- она мне говорит. - Не дам я тебе жалования! Без работы и денег ты долго не проживешь!" А я ей говорю: "Нет, прислуга везде требуется, и я найду место у порядочных господ. Ну, а мои деньги пусть будут на вашей могиле крышкой! Вы же так мне желали! Бог вам судья и, если сможет он вас простить, простит, а я простить не могу!"

После этого случая, через неделю, хозяин вернулся с семьей в город и я вместе с ними. Но я сразу устроилась в прислуги к другим господам по фамилии Дубина, которые бывали на даче за городом. А деньги Филиппов прислал мне со своим работником, жалование за три месяца 600 рублей. На эти деньги я купила швейную машинку. Подучилась шить платья в мастерской и потом брала заказы на дому от соседней, от жен китайцев, уйгур, русских из советского консульства. Фельдшерница, которая часто бывала у Филипповых на даче, как-то сказала мне: "Как ты хорошо придумала купить швейную машинку! Ты теперь не прислуга, а хозяйка! Сама шьешь платья и имеешь свои деньги. Молодец, что купила машинку, сама и стала хозяйка!"

Другой раз золото коснулось меня года через два после гибели вашего отца Ивана Лукиановича. Тогда мой отец Гавриил Васильевич договорился продать наш дом на углу улицы Колодезной, а купить за речкой Пиличинкой в Новом городе. Как-то поздно вечером стучит в калитку сосед Лисин Гришка, выпивший был, и предлагает за дом наш уплатить золотыми вещами вместо денег. Но я ему сказала, что за дом возьму только деньгами. "И приходи - говорю ему - завтра со свидетелями, а золота мне не надо. Не знаю, сколько оно стоит, и продавать его у меня времени нету. В доме, вон, пятеро малых детей! Приходи завтра, и тогда поговорим." Сказала и отправила его домой. Он жил у Дрепаковых, через общую ограду. Через некоторое время он стал трезвым, пришел к воротам и стал требовать: "Отдай мое золото!" Я вышла из дома и напомнила ему как было дело, когда он хотел наш дом купить за золото. И про свидетелей ему говорила. А он разругался... и кричит: "Не отдашь золото? Подожду твой дом! И твою семью!" Тут вышли соседи, что рядом и напротив жили, и увели его домой.

А в это время дома, у окна, лежал больной отец, ваш дедушка. Как услышал ругань, да угрозу "подожду дом и семью", расстроился и его

хватил сердечный приступ. В четверг на недели Пасхи, тут дедушка и скончался от разрыва сердца. Вот тебе и золото!.. Потом уже я узнала, что Лисин спрятал свое золото в сене у коровы, а дед Дрепаков нашел его, когда кормил корову, и перепрятал. Промолчал и никому ни слова. И только после похорон дедушки вашего сказал мне Дрепаков, что отдал Лисину золото. Вот так...

Помню в любви и согласии жили мы с вашим отцом, Иваном Лукиановичем. Вот, иногда, приносит заработок и спрашивает: "Может, на эти деньги купим пшеницу, муку или стекла?" А я ему отвечаю: "Я тоже хотела об этом тебя спросить!" Оба хорошо знали, чего у нас в доме не хватает и мысли наши часто совпадали. А тут, приходит домой с большого заработка, получил большие деньги. Радостный и довольный он говорит мне: "Вот, я тебе золота купил!" Мы теперь не хуже других жить будем!" И показывает золотые царские деньги, золотые украшения для меня. Я, как увидела золото, испугалась и говорю ему: "Ты, зачем его купил? Ты ведь знаешь, что золото в семье не нужно!" А он мне говорит: "Такое золото можно всегда продать и купить всего, чего пожелаешь!" "Так я же цены этому добру не знаю! Почему его продавать надо? И нас же всегда обмануть смогут. Лучше бы ты купил отрез материала для костюма себе и ребятишкам на рубашки и платья. Или материал, из которого я всегда могу сшить что-нибудь." Подумали мы, подумали и я говорю ему: "Отнеси-ка ты золото туда, где ты его купил. Возьми деньги, и мы возьмем то, что надо для детей своих и для себя!" "Вот, раз в жизни хотел озолотить тебя! А ты-ы!" - смеется он и соглашается со мной. Мы с отцом, оба, крепко любили вас, своих детей, и поэтому легко расстались с золотом. Правда это!

Помню, как почти через тридцать лет я встретила со своими братьями Петром и Николаем. Мы же с отцом ушли в Китай в Кульджу, а они остались здесь в Сибири, когда мне было лет двадцать. О многом мы с ними переговорили, когда я приехала в Усть-Куют из Джамбула, где работала еще на "Швейнике". Много узнала о братьях.

Так во время Отечественной войны Петр служил минером. После каждого боя на освобожденной земле он с другими искал мины, бомбы и взрывал их в стороне от солдат и селений. Один раз мина взорвалась у него в руках, и левую руку выше локтя перебило так, что она болталась

как плеть и ничего не чувствовала. Врачи сказали: "Отрезать не будем, а будем лечить!" Загипсовали и положили в больницу. До-о-олго скитался он по лазаретам и разным больницам, и лечили его до конца войны. А потом по состоянию здоровья отправили домой. Спасибо врачам, что не отрезали руку! Ведь кости срослись, мясоросло, и рука работала во все оставшиеся дни его жизни. Вспомнил он, как отец держал пасеку и собирал мед, сам подучился немного и до последних дней работал пасечником на колхозной пасеке. Правда рука раненая беспокоила иногда, но помогала работать, как и здоровая.

Брат Николай служил на войне водителем машины, а потом водил танк во время той войны. Два раза попадал их танк под снаряды немцев, даже танк загорался. В первый раз от пожара только одежда крепко погорела, но все люди остались живы, хоть и пораненные. Во второй раз Николай еле вывалился из танка, как осколком от снаряда был ранен в пятку. И начались у него скитания по госпиталям, да по больницам. Подлечили ему ногу и отправили из Армии домой по состоянию здоровья. Вылечили не совсем, и потому всю жизнь беспокоила его рана в пятке. Иногда так трудно было терпеть боль, что он просил врачей ногу отрезать. Но врачи облегчали ему страдания лекарствами, но не советовали, не давали согласия делать операцию. Так Николай и прожил с болью в теле и в душе, но со своими ногами...

В другой раз приехала Ксения, жена брата Николая к нам в Алма-Ату и поведала мне о его кончине так... Сижусь я у его постели, а он тяжело хворал и долго не вставал, лежал чаще с закрытыми глазами, шептал. А тут открыл глаза и говорит мне: "Отец пришел за мной. Вот, только спустились, как на парашуте, два ангела в белых одеждах и один из них отец. Вот, они стоят у окна, возле шторы!" Думаю, мерещится ему, посмотрела, куда он показал и не вижу никого, конечно. А Николай продолжает говорить: "Отец сказал, что Господь Бог услышал твои молитвы, хочет избавить тебя от земных страданий. Хватит, помучился! Идем с нами! Я тебе место выхлопотал!"

Уже не знаю, как быть мне, верить или нет тому, что он видит и слышит. А у меня молоко на печи зашипело, видно сбегать стало из кастрюли. Я побежала, посмотреть на кухню... Возвращаюсь, а Николай дух испустил, лежит, как лежал, но не дышит. А я видела и слышала,

последние дни Николай часто молился, и мне говорил про свои грехи в жизни. Много их было у него. Неужели Бог простил ему все? Ведь он меня чуть до смерти не довел! Хотел повеситься из-за старой боли в ноге. Видать и добрых дел у него было не меньше, только он про них не говорил мне, Ксении. Верю теперь, что ангел отца и ангел небесный помогли Николаю, его душе обрести покой на небесах. Без мучений он принял смерть. В жизни Николай был на войне танкистом, дважды горел в танке и во второй раз осколок от снаряда попал в пятку. Врачи не смогли убрать осколок, и Николай просил их отрезать ногу, так нестерпимо сильно болела она. Но его уговорили родные и врачи не резать ногу, и он мучился до самой кончины, хромал и работал...

Помню, в семье моей старшей сестры Нины Гавриловны был мальчик Гена и она попросила мою маму отдать им в няньки меня. Муж ее, Анатолий Николаевич, работал заведующим школы интерната в селе Куреево озеро Бийского уезда. От нашего Усть-Куюта до Куреево было не больше десяти километров. Водилась я с мальчиком и помогала на кухне и по хозяйству. А было мне тогда не больше двенадцати лет, и жила вместе с ними в интернате. И помню хорошо как пионеры в галстуках и комсомольцы с флагами ходили по улицам деревни и митинговали. А в столовой интерната перед едой они пели гимн Интернационал будто молитву. Помню, проводили зимой большое собрание перед портретом Ленина, митинговали и плакали. В тот день стало известно, что скончался вождь пролетариата В.И. Ленин...

В школу я с детства не ходила, отец не пускал и сказал: "Пусть дома учиться!" И вот, у сестры я грамоте обучалась по азбуке, по разрезанным буквам и словам. А потом уже, как старше стала, так отец разрешал брать и читать Библию. Вот и все мое учение!...

Моя старшая сестра Нина Гавриловна не была крещеной в церкви. Вот я ее и уговорила принять Крещение на собрании верующих христиан баптистов в Алма-Ате, когда ей было уже за восемьдесят лет. Перед Крещением на исповеди ее спросили: "Как будешь жить теперь после принятия Крещения?" И она сказала: "Буду жить по Святому Писанию, по слову Божию." И еще спросили ее: "Что же ты будешь делать?" И ответила она: "Буду посещать собрания в церкви, и вносить посильную

лепту (деньги) во время богослужения!" "Хорошо, одобряем, и дай Бог вам доброго здоровья!" - сказали старшие братья и приняли в общину...

Знаешь, когда я ездила в Андреевку под Талды-Курганом, то там у меня заболела нога и ходила я по гостям с палочкой. Левая нога сильно беспокоила. Вот, Петр съездил в лес, привез муравьиную кучу в полиэтиленовом мешке и залил кипятком в корыте. Когда вода остыла немного, меня посадили в это корыто и обложили ноги запаренными муравьями. На следующее утро, чувствую, нога левая перестала меня беспокоить. Тянусь за палочкой, чтобы встать, опираюсь на больную ногу и... встаю! Спасибо муравьиной куче! Так что я из гостей возвращалась домой уже без палочки, совсем здоровой! Спасибо и брату Петру, что придумал для меня исцеление! Правда, после этого я и забыла, как беспокоила меня боль в ноге.

При встрече вспоминали с братом жизнь в Чичамае, тогда, в двадцатые годы, в поселении было не больше десяти дворов. Занимались все в основном земледелием, собственным хозяйством, скотиной и лесопилением. Раньше на этих землях селяне растили скот, и земля в округе была богато удобрена. Так что при посадке помидор, арбузов, капусты ложили на грядки из навоза землю или глину, делали лунки и садили туда. Помидоры не успевали краснеть и сорванные, доходили, доспевали дома, на подоконнике. Мой отец с Петром валил лес из сосны и пихты, распускал на доски для дома, а вот осину брали для изгороди и поскотины. Бревна распускали на столбах с перекладинами. Отец брал за большую пилу сверху, а Петро - снизу и работали, пока сил хватало. За досками и брусами приезжали хозяева не только из ближних деревень, но и из города Бийска. Тогда строили много домов для переселенцев и местных.

Вспоминали, как из Чичамае приехали в Усть-Куют, где жило тогда не больше двадцати семей. А прожили там пять лет, и через год после кончины мамы Евдокии Кузьмовны отец с мачехой уехал в Жаркент строить Туркестанскую дорогу. Только через два года отец прислал письмо и приглашал, очень хвалил то место, где они живут. "Райское место" пишет, почти зимы не бывает, и фрукты-ягоды сами растут. Вот я с семьей Петра собралась, и поехали мы к отцу. Год прожили, а потом стали власти притеснять людей за веру христианскую и мы разъехались:

Петро с семьей остался в Советском Союзе, а мы с отцом ушли в Китай. Вот с тех пор и не виделись, и было нам с ним о чем поговорить. Говорили и о тех днях в Усть-Куюте, когда отец со старшими на речке зимой в проруби ловил налимов, щуку да хариусов, замораживали их и хранили на крыше дома. А на Рождество Христово делали запас мяса гусиного штук пятьдесят, а сала соленого хватало до самого лета.

Вспомнила я и такой случай. В округе нашего села ходили волки. И один раз у соседней погибла корова, когда убегала летом от волков и прыгнула через изгородь. Хозяева сняли шкуру с коровы, а тушу отвезли в лес на съедение зверям. Она же сдохла, когда застряла на изгороди. "Зачем они так сделали?" - спросила я у отца. Он мне ответил: "Потому что корова сдохла и мясо ее нельзя кушать." "Значит и зайцев нельзя кушать. Ведь они сдохли, когда попали в петлю или капкан, которые ты поставил?" - спросила я снова у отца. "У-у, непутевая!" - после долгого молчания сказал мне отец. Помню, после этого разговора с отцом у нас на столе реже стало появляться мясо зайца.

А вот, когда Петру было лет пятнадцать, а мне десять лет, в Чичаме отец наш был старостой. Тогда "белых" выгнали со всей округи в Алтае и только в одной волости села Куреево озеро власть держали "белые". В один из дней собрали народ и стали решать: с кем идти и против кого воевать. На собрании отец встал и сказал: "Селяне, если "красные" шубу захватили, то удержишь ли ее за воротник?" Нашлись люди и доложили об этом в Куреево, а на завтра приехал от них посыльный с приказом прибыть отцу к ним. Отец упробил нарочного, чтобы он разрешил до утра побыть дома, а утром он прибудет. Дал слово "никуда не убегу". И ему разрешили. Тогда отец послал Петра в ночь за подмогой к "красным", которые стояли в Сайдыпе, километров сорок от Чичама. На коне без седла Петро махом долетел до отряда "красных". Рассказал им, как добраться до Куреево и они верхами под утро напали на дома, где ночевали "белые". Немного постреляли их, посекали и арестовали атамана. Наутро, когда отец с дочкой Груней приехал в Куреево сдаваться, то увидел Петра в буденновке рядом с командиром отряда "красных". Втроем они возвратились домой. И отец сказал всем: "Этот день для меня будет вторым днем рождения. Помните это и уважайте власть Советов!" С тех пор отец стал больше доверять "красным" и

считал их за братьев. Одно только его смущало, что они идут против веры христианской. А отец был истинный христианин.

Вспомнили, как года два пожил отец в Усть-Куюте спокойно после кончины мамы, а потом собрался и подрядился строить туркестанскую железную дорогу на Алма-Ату. Уехал он с мачехой Лизаветой вдвоем в Жаркент, где была тогда стройка. И пишет оттуда письмо: "Приезжайте! Здесь все растет изобильно как в райском месте! И морозов, таких, как в Сибири, нету!" Жена Николая сразу сказала: "Не поедем мы жить среди азиатов. Останемся на Алтае." Груня не влюбила мачеху с первых дней, как она появилась в нашем доме, и теперь она не хотела ехать в Жаркент. Уговорила я Петра с женой ехать к отцу. Собрались быстро. Что не надо - продали и на подводе поехали в Бийск. А там Петро продал подводу с лошастью, купил билеты на поезд и мы поехали к отцу в неведомые края.

Одну зиму прожили мы с отцом в Жаркенте, а на следующее лето перебрались через границу с Китаем и оказались в Кульдже. Отец с мачехой купили за городом землянку с пасекой и туда уехали. А я первые три года работала и жила в прислугах в советских семьях из консульства: варила еду, подавала и накрывала на стол, чего-нибудь шила и штопала из одежды понемногу. Занята была целыми днями.

В первой семье по фамилии Юрловы была в прислугах не больше года. Они были из Тамбова, как и мой отец, и имели двоих детей подростков. Хозяйка часто, когда я шла домой от нее, давала мне мармелад в круглых железных банках. К чаю, вечером. А я тогда жила на квартире с Нюрой Кизиловой и ее ухажером. На другой день прихожу домой и собираюсь пить чай с мармеладом, а его нет на месте, банка пустая!? Вижу, Нюрин ухажер смеется. Нашел мармелад и съел сладости.

У тех же Юрловых я заболела и у меня была высокая температура. Знаю, что я сначала простыла, когда после бани спала у холодной стены, а Нюра с краю кровати. Когда я стала бредить в жару, то хозяйка пригласила врача, и тот осмотрел меня. Потом, я слышала, как он сказал хозяйке: "Если температура у нее не спадет, то значит тиф у нее." Врач ушел, а у меня стало рот кривить, лицо корежить, судороги пошли... Когда я хотела поправить свой рот, то кто-то, как будто, отбрасывал, отдергивал мои руки в сторону и не давал поправлять лицо и рот. Хозяйка посадила рядом со мной сиделку, вторую служанку, а я ей

сказала, чтобы она попросила братьев и сестер в церкви помолиться за мое исцеление.

Я верила, что молитва общая поможет мне выздороветь. Какое-то время я была без памяти. И служанка мне потом рассказала, что я была в припадках: руки и ноги тряслись, рот и лицо дергало, а тело било об пол, когда я упала с кровати. И когда она пришла из церкви, после общей молитвы, то я тогда спала крепко. Видать во время общей молитвы братьев успокоилось тело мое. После сна я почувствовала облегчение. И на следующий день мне стало казаться, будто я и вовсе не болела. С утра я встала, и пошла заниматься хозяйством. Хозяйка как увидела меня на ногах, так просила лечь и ничего не делать. Придержала меня сзади за плечи и отвела на кровать. Она вышла, а я снова встала и продолжила работу по дому. Вот, так. Молитва братьев и сестер в церкви исцелила меня от страшной болезни от тифа! Слава и хвала Господу Богу, что он услышал меня и общую молитву братьев и сестер по церкви и исцелил от моих недугов! Сказано: "По вере вашей дано будет!"

После болезни тифом врач советовал мне сменить климат. И я из Кульджи на лето поехала к отцу своему на пасеку. В горах у него была коза, и ее доили. Я пила козье молоко с медом и до осени, за три месяца, стала чувствовать себя почти здоровой! Вернулась в город и поступила в швейную мастерскую учиться шить платья. Хозяйка мастерской не брала денег за обучение, а давала заказы, и мы шили женские халаты и платья. К тому времени я умела работать на швейной машинке и училась правильно делать выкройки. За мою работу хозяйка не платила мне жалование, но разрешила жить при мастерской. Со временем я стала шить платья сама и ушла на квартиру. Там стала принимать заказы на дому и скоро заработала денег столько, что смогла купить себе свою швейную машинку!

Помню, на первом году жизни в Кульдже, я от советских Юрловых перешла к бывшему бухгалтеру в консульстве Дубине. А все потому, что пришел пресвитер общины христиан в городе Куделя Иван Кузьмич и говорит: "Переселенцам из России не разрешают работать у советских." Вот я и перешла в прислуги к Дубине. Тогда я была еще одинокой. Отец с мачехой жили на пасеке в горах, поэтому мне было все равно где работать. Усадьба у Дубины была в Новом городе большая, обнесена

высоким забором, охранялась тарбагатайцами, которые по приказу господ готовы были любого убить. Дом двухэтажный и много пристроек: конюшня, коровник, разные сараи и комнаты для гостей. Собирались господа, и мы с хозяйкой готовили, бывало, больше двадцати блюд из разного мяса, из овощей, из рыбы и обязательно фрукты ставили на стол. Как прислуга, я часто чистила посуду из алюминия и меди до блеска, чтобы было как зеркало, аж смотреться можно бы было. Жена хозяина, бывало, зайдет на кухню, посмотрит на мою работу и пальцем проведет по кастрюле. Алюминий всегда оттенок дает, хоть я кастрюлю и вытирала полотенцем чистым-пречистым. Хозяйка была довольна...

Хозяина звали Яков, а ее Анастасия, или Надежда, Филипповна. Она обычно, как выйдет на двор усадьбы и кричит: "Яков!" - будто она не мужа зовет к себе, а своего работника. О-ох, она мне не нравилась, хоть и доброго для меня много сделала. Она не давала мне дыню кушать, так как знала, что я уже болела лихорадкой. Вместо дыни, напекет мне яблоков или пирог с яблоками, а сверху сахару насыпет и в печку русскую на жар ставит. Пироги выпекутся, сла-адкие становятся! Она и говорит мне: "Вместо дыни кушай яблоки да пирог!" Конечно, когда я заболела, то она готовила еду и для себя и для меня. Но я скоро выздоровела, когда в собрании верующих молились за мое исцеление! И опять стала прислугой работать. Ни хозяин, ни хозяйка нигде не служили. Его выгнали из бухгалтеров в консульстве, когда власть сменилась. Теперь у него было много скота в горах: коровы, лошади и бараны. А еще в городе у него было много лавок с товаром, где работали его приказчики. Это я была у него после дунганской войны (1933 год), и мне было тогда года двадцать три. Хотя, когда жена Дубины принимала меня на работу, то сказала, что я старше своих лет выгляжу. А я ей ответила, что выгляжу старше, потому что много пережила в своей жизни. Вот, на Алтае горевала за старшего брата Григория и маму родную, когда они скончались, и за семью Петра, когда они с женой чуть не разошлись. А после кончины мамы чуть сама не умерла от переживаний и сердечного приступа.

Усадьба у Дубины была большая, машины свободно заходили через ворота и свободно выезжали. Как заходишь в усадьбу, то по правую руку была ограда большая. А по левую руку Господский дом в несколько

комнат и зал, где гостей принимали. Там же обедали приказчики и работники наемные. Дальше была пристройка с комнатами для рабочих и хозяйственные сараи с конюшней и коровником.

В некоторых лавках Дубины продавали соки и сиропы фруктовые и ягодные. Обычно обеды и ужины с завтраками я готовила одна, а за продуктами в город ездила хозяйка и работник Иван. Он же рубил мясо, заготавливал дрова и уголь для кухни. Хозяйка приглашала по праздникам в гости старых знакомых из врачей, учителей и других господ, которые выехали из России после революции. На столе все больше были блюда из мяса, гуси жареные утки и рыба печеные, салаты разные, фрукты, арбузы и чай. Вино не пили господа, а общались и веселились от души!

Работник Иван жил в доме Дубины давно. После смерти хозяина Иван жил долго работником у жены Дубины на пасеке. Один раз я не утерпела и наелась вкусной дыни. Получилось расстройство желудка. Дыня была малярийной. Этот Иван принес мне лимонной кислоты и вылечил от поноса. А после смерти жены Дубины, все их богатство перешло к Ивану, кроме баранов и скотины, которых пасли тарбагатайцы в горах. Иван жил на пасеке, а в доме Дубины поселились тарбагатайцы, вроде как у себя дома. Потом Иван продал пасеку, хозяйство Дубины и уехал в Алма-Ату. Все это он мне рассказал, когда мы с ним случайно встретились здесь, в Алма-Ате, там, где меняют газовые баллоны, возле бани рабочего поселка. Надо же, встреча!

Помню, в Кульдже, когда мне уже исполнилось двадцать пять лет, зимой мы познакомились с Иваном Лукиановичем и поженились. Тогда я уже могла выполнять заказы на дому и шить платья. А еще научили меня соседи, Дрепаковы, делать и продавать дрожжи, когда мы жили с ними вместе. Вот этим мы и жили первое время. Прожили мы с ним в мире и согласии восемь лет. Он погиб от ранений на фронте, когда устанавливали народную власть в Китае. Ранили перед Новым годом, а скончался ваш отец перед Рождеством в 1945 году. К тому времени не было еще Яши, а он нашелся уже без отца в мае того года. И всего детей у меня было пятеро: старшая Валя, средние Зина и Нина и младшие Коля и Яша. Страшно было жить после войны, ведь Вале был восьмой год.

Помню, как Валя моя пострадала, когда я была в положении. Было это так. Соседка по дому в Кульдже уговорила меня с Иваном вместе сходить в церковь на собрание. Недалеко от церкви на речке Пиличинке носились уйгуры на конях и таскали тушу козленка. Отбирали тушу козленка друг у друга, играли в кокпар, так по ихнему называли скачки. Шли мы вдоль арыка по краю дороги. Отец и соседка шли сзади меня, а я чуть впереди. Вдруг, по дороге едет арба с оглоблями. И один из конников резко повернул коня, чтобы не угодить на оглобли. И тут мы идем! Он ка-ак толкнет меня ногой в стремя по животу и так сильно, что я перелетела через арык. На какую-то минуту я потеряла сознание, но Иван и соседка, что шли сзади, помогли мне подняться и мы пошли в церковь. Видать поэтому дочь Валя родилась слабой и худенькой, с поврежденной верхней губой. И долго я ее выкармливала, чтобы она поправилась и стала здоровым ребенком.

Ваш отец не любил курить. Вместо табака в карманах у него всегда были изюм, орехи или семечки. Вот придет он с работы домой, из карманов выложит изюм, орехи и семечки, а вы быстро поклюете изюм и семечки, а орешки достаются ему. Не по зубам были орехи для вас, а ему они были в самый раз.

И вот, еще вспомнила. Тогда у нас была дворняжка и звали ее Каштанка. Собака часто играла с Зиной. Один раз зимой Зина соорудила упряжку и запрягла собаку в санки. Взяла железную банку на три литра и поехала на маслозавод в лавку. Привезла оттуда масла и жмыха. Вы тогда очень любили кушать жмых. Отвязали санки от собаки и занесли масло и жмых в дом. А в это время к нам в ворота заглянул соседский мальчик. Каштанка ка-ак прыгнет, и лапами на грудь ему встал, чуть за нос его не укусил. Тут я крепко схватила собаку за морду, и оттолкнула ее от мальчика. Мальчик тут же убежал. А то, я сильно испугалась за то, что Каштанка покусает мальчонку, и потом греха не оберешься с его родителями!

Знаешь, в тот год в Кульдже шла война между китайцами и мусульманами, дунганская война была. Мы тогда жили у Ватулкиных на горках. После сочетания с Иваном Лукиановичем мы не имели своего дома. Мусульмане по улицам города кричали "Аллах, Аллах!", бежали с ножами, саблями, топорами и убивали всех, кто был на стороне

китайцев... Потом я видела на горках в большой яме тела китайцев, казахов и русских с изуродованными и обрубленными ногами и руками. Страшно было видеть все это, опасно было жить и выходить днем из дома. И мы сидели взаперти. С неба стали стрелять китайцы из самолетов в толпы уйгуров и дунган.

Один раз я полезла на крышу за сеном, чтобы дать корму корове. Не заметила, как появился надо мной самолет и из него бах! бах! Слышу я это, и сразу бросилась вниз головой с охапкой сена с крыши. Слышу вжик! вжик! рядом пули просвистели, но не в меня, а в сено попали! Видать не судьба была пулям попасть в меня! И слава Богу!

Отец ваш, Иван Лукианович, ревностно верил Господу Богу! Часто посещал церковь - собрание христиан баптистов в Кульдже. Я ходила на собрание утром, а отец - после обеда. Надо же было кому-то сидеть дома с детьми. Но вот принять Крещение отец, ну никак, не захотел до самой своей гибели. И вот почему...

Когда мы сочетались с ним на собрании, то решили строить дом. Закупил он материалов и бревен, досок и гвоздей, стекла и камыша. Завез глины, чтобы обмазать стены дома и печку сложить. Получил разрешение на стройку, когда съездил в Урумчи. Участок земли договорились купить у соседей Дрепаковых и Моловиковых на углу улицы Колодезной. Отец передал деньги Лене Моловиковой. А тут, пришел сосед Моловиковых с другой стороны (кузнец Федоров), взял у нее деньги и вернул отцу. Сказал вроде: "Эту землю я покупаю. Нам с Дрепаковым места мало, чтобы чинить брички и телеги." Отец расстроился, плакал аж, и говорит: "И куда мне девать материал? Ведь столько денег потратил, а теперь и места нет на стройку!" Тогда взяла и пошла я к Дрепакову. Долго, долго говорила с ним, Он не соглашался долго, а потом сказал: "Стройте себе дом. Я не буду требовать эту землю." И отец, обрадованный, вместе с дедушкой вашим, скоро, за лето, построили дом. Небольшой такой, всего шесть на четыре метра. Внутри поставили печку с плитой и лежанкой посреди комнаты, а во дворе сложили русскую печь с помощью отца. Но, из-за того, что кузнец был проповедником в общине верующих, а не давал строить дом нашей семье, отец не желал быть с ним в одной общине. Из-за этого отец не мог заставить себя принять Крещение. Просила я его простить кузнеца, но он

мне говорит: "Не могу простить! Сердце не позволяет!" Так и ушел из жизни без крещения. Но сказал последние слова при смерти: "Молись за детей и за себя! Здесь на земле не свидимся, но у ног Христа свидимся!" Да. Верю!

Знаешь, вот, как и сегодня, был теплый август в Кульдже. Тогда тебе было шесть месяцев. Дома было тепло. Дедушка приехал с пасеки, меду привез, и был дома. А я тебя, Коля, покупала, запеленала и положила в кроватку. А сама пошла к русской печке, хлеб сажать на жар. Пока пекла хлеб, ты поднялся на ноги, схватился за край кроватки и раскачиваешь себя, подпрыгиваешь. Дедушка дово-олен, ему интересно стало, и он подсел поближе к кроватке. Сел на табуретку и помогает тебе качать кроватку. Ты покраснелся, вспотел весь, а двери и форточки в окне были открыты. Я, скорее, тебя остановила, попросила деда отойти подальше, протерла тебя пеленками и опять уложила. К вечеру, смотрю, у тебя температура поднялась, ты кашлять стал и плакал всю ночь. Утром взяла я тебя на руки и в советскую больницу пошла к врачу. Приняла меня русская врач, горло осмотрела, послушала дыхание и все время говорила: "Русичок! Такой хороший! Такой крупный, беленький и глазки голубые!" Потом мне выписала лекарство (аспирин, вроде) и сказала: "Неделю пейте и не простывайте, а потом приходите здоровыми!" И я давала тебе пить лекарство каждый день. Температура у тебя упала, перестал ты и кашлять.

Через неделю пришла я в больницу, а врач женщина уехала в Советский Союз. Принимал врач мужчина, татарин или уйгур не помню. "Дайте мне еще лекарство" - прошу у него и показываю рецепт. "Это хорошее лекарство и нам помогло!" – говорю. И рассказала ему все, как было с тобой. А он говорит мне: "Если всем давать хорошее лекарство, то аптеки не хватит!" Я тут и говорю ему: "Вам, что, важнее аптеку сохранить, а не людей вылечить?" Повернулась и пошла домой. Пришла домой и вспомнила, что у соседей Аксариных на квартире живет женщина и работает в аптеке. Пошла я к ним и попросила лекарство по рецепту. Спасибо ей! Она не отказала! В этот же день принесла аспирин. Вот, так я тебя и вылечила от простуды! А с дедушкой не оставляла я больше ни тебя, ни Нину и ни Яшу. Чаще всего с вами была и нянчилась

старшая моя доченька Валентина. Она была моей первой помощницей, молодец, со всеми справлялась...

Помню, как помогла нам общая молитва верующих на собрании, когда родилась средняя дочь Зина. А появилась она на свет с закрытыми глазами и неделю их не открывала. Вот я и попросила братьев и сестер в общей молитве обратиться к Господу Богу, чтобы Он дал исцеление моей доченьке. Мы с Зиной были дома. Когда братья и сестры в молитве преклонили колена в церкви, тогда и у доченьки моей глаза открылись! И видела она с тех пор и до сего времени хорошо и на глаза не жаловалась. Только потом у нее учеба в школе не заладилась. Училась два года, писать и считать умела, а дальше отсоветовали учителя ходить ей в школу. Так и живет с теми знаниями, зато, не в пример другим, хвалят за хорошую работу.

А вот старшая дочь Валя хорошо училась и в девятом классе в Кульдже взялась учительствовать в школе начальной "Победе", что была недалеко от нас и от консульства. Один раз за грамотное писание всем ученикам она поставила "колы". Был у нее разговор с директором школы и ей не советовали быть такой строгой. А тебя, Коля, она колотила, когда ты допустил пятьдесят пропусков на уроках в школе. Просто прогулял в пятом классе. А ты еще ей говорил: "Все равно в Советском Союзе заставят учиться в пятом классе во второй раз!" это когда мы собирались выезжать из Китая на целину в Казахстан. Но в Кара-Тюбе в песках под Уральском тебя приняли в интернате в шестой класс. Зря боялся!

Вот, один раз, заболела я и у меня поднялась высокая температура. Недалеко от нас жил врач немец и я его пригласила. Пришел он к нам, взял яйцо, разбил его, убрал желток и вылил белок в стакан. Сверху посыпал какой-то порошок, взболтал ложечкой, взбил и дал мне выпить. Через некоторое время температура у меня упала, стала я чувствовать себя лучше и выздоровела.

Этот же немец (он жил у Захаровых возле кузницы за углом от Моловиковых) вылечил отца вашего Ивана Лукиановича. Отец поел арбуза, а он оказался малярийным. Я не стала кушать этот арбуз, хоть отец и уговаривал меня испробовать. Видит, что я отказываюсь, взял да съел остатки. А я чуть-чуть попробовала и, чувствую, у меня заболела голова, ломота в висках. Я отцу и говорю: "Не ешь, а то заболеешь!" А он

мне ответил: "Арбуз сладкий, вкусный! Ничего-то мне не будет, не такой я слабый, чтобы болеть!" А потом, к вечеру ближе, его заморозило так, что я его накрыла шубой, а лихорадка не проходила. Всю-ю ночь его трясло! Спозаранку я пошла к этому врачу немцу и пригласила к себе домой, рядом же жили. И вот он вылечил отца таким же яйцом с порошком собственного изготовления. Благодарность ему и спасибо!

Но потом этого врача немца арестовали китайцы. Он хорошо знал китайский язык, научил китайскому приемного сына Сашу Захарова и он стал переводчиком. Вот их и признали шпионами, схватили и увезли куда-то. Старика врача, говорят, выслали в Германию, так как считали его подосланным от немцев. А Сашу посадили в тюрьму, отправили на рудники вредные (урановые), а там он сгинул без вести...

В Кульдже, в нашей общине, был пресвитер Кузьма Трифонович Попов, а брат его Василий Трифонович был благовестником, проповедовал в местах за городом. Как активного проповедника веры христианской пресвитера посадили в тюрьму. Власти считали его врагом, что он работает на американцев. Недолго его там продержали и выпустили на свободу. На нашем общем собрании говорили тогда, что Попов, вроде бы, согласился работать на советских. А та часть общины, кто держался американцев, потом выехали в Австралию. Мы же, кто держался Попова, собрались вместе, получили разрешение в консульстве Советского Союза и выехали на целину в Казахстанские степи и пески.

В общине христиан служили пресвитерами Куделя Иван Кузьмич, Дерябин Петр Фомич, Попов Кузьма Трифонович, а хором руководили Таранов Григорий Павлович и Греков Павел Андреевич. Первые русские баптисты бежали в Китай в тридцатые годы и мы с ними, уходили от преследований и попали в Кульджу. Первое время собрания проводились в арендованом доме, а затем построили своими силами молитвенный дом на речке Пиличинке. Избежав гонений на родине, старшие братья общины не смогли избежать скорбей на чужбине. Без суда и следствия они томились в китайской тюрьме по несколько лет. Будучи старшим пресвитером, Иван Кузьмич Куделя был дважды заточен в китайскую тюрьму в 1938 и в 1941 годах, так и не вернулся в общину.

После отъезда И.К.Кудели из Кульджи, пресвитерское служение в общине нес К.Т.Попов, а во время заключения его в 1948 году и до 1954

года пресвитером общины был П.Ф.Дерябин. Большинство баптистов из Кульджи в 1947 году приняли советское гражданство и вернулись на родину во время освоения целинных земель.

Старшие братья успокаивали членов общины, что на целину переселяться будем все вместе. И правда, наши пожитки и сундуки грузили в машину, а потом на баржу на пристани реки Или и перегружали в вагоны братья из общины. А то бы нам, мне с детьми, не совладать было одним со своими пожитками и сундуками! Перед этим соседка Лена Моловикова ходила к консульству и проверила список людей, кому разрешили ехать в Советский Союз. Доходит до нашего дома и кричит с улицы: "Нюра! Тебя повесили!" А я себе думаю, куда это меня повесили и зачем, если я дома? А потом уже сообразила, что нас записали среди тех людей, кому позволили ехать на целину. Конечно, радости было у нас у всех! От того, что в Россию едем, встретимся с родными!

В это время бабушка Захарова брала у меня дрожжи и лечилась от головной боли: один стакан молока и один стакан дрожжей. У нее и голова болела и она падала. Через месяц приходит ее дочь Ольга и благодарит меня за то, что я помогла вылечить ее маму. Вот так. А я и не знала, что дрожжи могут лечить!..

Помню. У вашего отца был сродный брат Василий, который любил выпивать. И вот один раз он так избил свою жену, что сломал ей два ребра. Она пришла ко мне и жалуется на Василия. А я ей и говорю: "Пригрози ему, что возьмешь ребенка с собой, а его выгонишь из дома." Услышал такое мой Иван и спрашивает меня: "А если бы я такое допустил и избил бы тебя? Как бы ты поступила со мной? Так же?" А он говорил мне раньше, до сочетания нашего, что выпивал хлеще братьев своих. Но вот женился на мне и забыл пить, потому что обещал мне при венчании в церкви, что "только смерть может нас с ним разлучить". Я ему и говорю: "Пришел бы ты домой пьяный, я бы ворота заперла накрепко и и-иди туда, где напился водки! Не пу-устила бы домой! Ведь у нас четверо детей! А ты такое говоришь!" А потом ка-ак заплачу! Реву и остановить себя не могу. Представила себе его пьяным, да еще бить бы меня стал и ребра сломал. Что станет тогда с детьми? А я еще в положении была пятым ребенком. Пла-ачу! Он стал меня утешать и

успокаивать. "Да я никогда этого не допущу! Пошутил я! Проверить тебя хотел и себя тоже. Вот глупая, успокойся!"

Он почувствовал мои слезы горькие и то, что я люблю его крепко. Тогда он говорит мне: "Знаю теперь, дети наши не будут сиротами, если я умру! А без тебя, дети останутся сиротами. Если я, даже, приведу другую в дом. Детям нужна ты!" А не почувствовал бы он мои слезы, не поверил бы, что я люблю его крепко, то сказал бы (это я сейчас, в старости, так думаю): "Ну и что? Закроешь ворота? А я пойду к другой или продолжу пить с друзьями!" Но не сказал он этого. Значит, отец крепко любил меня! Так же, как и я его! Вот поэтому, я думаю, мы жили с ним в мире и согласии...

А я, к тому времени, готовила пищу хорошо и продавала дрожжи для теста. На дому шила платья женщинам и рубашки детям. Готовила и пекла сама любую еду. Даже, не поверишь, русскую печь сложила под окном дома! И отец сказал мне: "Прости меня! Только ты не принимай заказы на шитье дома. Хватит тебе домашних хлопот и торговли дрожжами. Занимайся больше детьми!" Успокоил меня и больше мы не говорили про это. Жена Василия давно ушла к себе, и мы дома одни. Отец кидается ко мне, обнимает и целует меня. Но я ему говорю: "Ты же знаешь, я не люблю целоваться!" А он мне: "Зато я не могу жить без целования!" Схватил и давай барахтаться со мной по кровати. Целует и приговаривает: "Успокоишься ты или мне еще целовать? Успокойся, не то зацелую!" Ну, как тут злиться будешь да плакать!? Какие могут быть слезы?" И-и отошло у меня от сердца и на душе у меня радостно и счастливо! "У-у, непутевый!" - только и сказала ему, вспомнив ругательство моего отца Гавриила Васильевича. А ребята в это время со двора зашли в комнату, и он схватил их, барахтается и катается с ними по полу. Смеются все, веселятся, а не знают, что я ревела и горько рыдала только что. Да-а, и такое в нашей жизни было!...

Помню те дни, когда была война в Кульдже (декабрь 1944 года). Враги народной власти сидели в засаде в казарме и стреляли по нашим бойцам. Там-то, во время перестрелки и ранили отца вашего. Мужчины его возраста с семьями и детьми не пошли воевать, а он пошел, решил за старшего брата Гавриила отомстить китайцам. Я его уговаривала, уговаривала не ходить. А потом говорю: "Если охота умереть тебе, то

иди, ищи смерть!" А он ответил мне: "Я уже был на фронте десять лет назад, пули летели везде, а меня не тронули. В меня не попадали. Если Бог сохранит меня, то будем жить и дальше." "Бог не допустит смерти моей и меня не убьют" - добавил он. А я ему говорю: "Бог береженого - бережет! А если ты идешь на пулю, так кто тебе поможет? Хочешь умереть? Иди! Ищи на свою голову приключения И смерть тебя найдет." А я, еще до этого разговора, плакала и не пускала его воевать: "Тебе, - говорю - детей не жалко!? Ты, видать, меня разлюбил! Ты хочешь умереть? Идешь на войну, рвешься туда! Но ты же дал обещание мне "только смерть тебя разлучит со мной". Вот и идешь поэтому воевать!" Вот так я ему говорила. Знаешь, когда нас сочетали браком в церкви, то он дал мне обещание: "Только смерть нас разлучит!" Вот я и говорю ему, что он ищет смерти. А в сердце я уже чувствую, что-то стало не совсем мне его жалко после таких разговоров...

Помню хорошо сон, наверное, перед этим разговором он мне снился. У меня душа вещевала, обливалась слезами и кровью, о том, что я останусь одна с детьми. ...Вижу дорогу, упирается в болото. Стою я возле болота и кругом меня кочки да кочки. А мне на ту сторону болота надо перейти. Другого места для перехода нету. Вот, я иду и прыгаю с кочки на кочку. А там, далеко, видно берег и дорогу. Закончились кочки, и передо мной оказалась кругом одна вода. Думаю, как же я дальше пойду? Вдруг подходит ко мне человек в простой одежде, берет за руку и говорит: "Пойдем со мной." И вот, мы пошли вместе по воде, будто плывем поверху. Идем по воде и не тонем! Перед нами появился берег болота, мы вышли на него. Недолго шли мы вместе по чистой воде. На берегу стоит повозка без коня, просто повозка. Он меня посадил на нее и сам сел. Немножко мы с ним проехали, хотя вижу, повозка без лошадей, а едет. Куда едем? Не знаю. Никакой путевки нету у меня: куда ехать. Вдруг повозка останавливается и человек сходит с нее, а мне говорит: "Ты дальше поезжай одна, а я сойду". Встает, а я кинулась в ноги к нему. Упала на колени, заплакала и прошу: "Ангел Божий! Как же я одна поеду и без лошадей? Ангел Господний, не оставь меня!" - прошу и обнимаю, вот так вот, обеими руками его колени. Он был не в белой одежде, в простой. "Бог тебе поможет!" - ответил человек. Встал и пошел от повозки... Он исчез, а повозка по-овезла меня дальше. И поехала я сама,

одна на повозке. Куда поехала? Не ведаю, а в душе уповаю на Господа... И пробудилась я ото сна. Во сне громко говорила. Проснулась и думаю: правда, это было со мной или привиделось? ...

Теперь, в свои девяносто с лишним лет, понимаю, что по кочкам я прыгала с места на место, в своей жизни, пока была молодой. Потом встретила Ивана Лукиановича - он же ангелом был? Во сне явился мне человек. В жизни это Иван и есть Ангел Божий. Господь это его ко мне послал. А что? Мы с ним жили душа в душу: не спорили никогда, в согласии воспитывали своих детей. Но жаль немного, всего восемь лет, прожили вместе мы. Его не стало, и я опять одна осталась, только с детьми. Я сама определяла этот сон. Человек этот был от Бога ко мне послан. Иван был скромный, не обижал меня никогда. Я вот никакая, а он... Даже когда корова упала в погреб, на ящик со стеклом, то он не ругался на меня. Он сказал мне: "Я бы за это стекло мог купить две таких коровы, как эта! Но, видать, не судьба мне стекольщиком быть!"

Отец ваш зарабатывал и все до копейки приносил домой. Одно время он работал на мельнице, когда ее строили на речке Аримбак для Нужиных. А потом строил мельницу на той стороне речки Пиличинки, где дом молитвы нашей общины был. А еще строили мельницу на маслозаводе, где делали масло подсолнечное и жмых и продавали его. Там же он красил, стекла ставил в окна, каменную работу выполнял. Сначала туда устроился его знакомый, снял работу, а потом уже Ивана пригласил, взял в артель. Тогда он неплохо заработал и купил дрожжи, стал работать "арбакешем" - извозчиком. Возил людей из города в казарму, на аэродром или еще дальше на пристань реки Или, через весь город. А война началась, и он продал и коня и дрожжи. Почему? Вот он возил китайцев до казармы. "Довезешь их - говорит он, - а они сходят и ничего не платят? По- хорошему то, когда садятся на дрожжи, то не платят, а когда сходят, то должны платить. А они ничего не платят! И чего это их даром возить! Лошадь и дрожжи я продам, а куплю пшеницы и муки. Возьму стекла и буду окна стеклить!" Ку-упил два мешка муки и ящик стекла. Поставил ящик в погреб под сеновалом, а муку ссыпали в большой плотный ящик, там ее всегда хранили. Туда же я высыпала муку, которую дали мне китайские власти, когда отца не было уже в живых. Погиб он от ранений на фронте.

Это уже после войны, пришли как-то китайские власти и говорят "Хо, Хо!" Хорошо, мол, живешь! Детей четверых воспитываю, сама в положении была. А потом привезли от них хорошую муку, крупчатку. Так после этого, приходили ко мне домой жены других китайцев, грозили: "Вот, придем и всю муку заберем себе! Тебе всё дают, а нам кушать нечего. Заберем и разделим!" Но власти повесили на моих воротах листок бумаги и предупредили, чтобы не трогали нас никто. Накажут. После этого жены китайцев обходили наш дом.

Через какое-то время, опять пришли люди от власти, проведать и проверить, куда я расходовала муку и деньги, которые они мне дали. А я купила телку добрую и породистую. Потом она отелилась и нам давала много молока. Купила материал и пошила вам, детям, одежду: платья, рубашки и штанишки. Вот они говорят по-китайски между собой, а я понимаю, что одобряют меня и часто говорят: "Хо! Хо!", вроде того, что я молодец, хорошо сделала. И потом выписали мне еще денег и пшеницы. Так я, на эти деньги, купила дрова и уголь, целую арбу яблок, которые высушила, а еще сделала сок, который мы пили потом всю зиму.

Эту породистую корову пришлось продать, когда мы собирались на целину в Советский Союз в 1955 году. Пришел один покупатель, оценил корову и предлагает три тысячи рублей. Это бо-ольшие деньги тогда были! Так, мы свой дом за такие же почти деньги продали! Но я отказала ему. Потом приходит другой покупатель и дает за корову сразу три тысячи шестьсот рублей. Я подумала немного и дала согласие. На эти деньги я купила материал "бостон" для костюма, батиста и шифона для платьев, красного. Из него потом я сшила платья своим дочерям Вале, Зине и Нине. Но сказали нам в консульстве, что китайские деньги можно будет обменять в Союзе Советском, и я не стала покупать много вещей.

Деньги мы обменяли после того, как приехали в пески Кара-Тюбе Уральской области. Тут назначили меня пасти быков да коров в совхозе Ак-Козе. Пойдешь, бывало, за быками, а там колючка и шакалы воют. Пу-устыня! Глазом поведи и никого не увидишь! Травы нет, кустов и деревьев тоже нет. Одно дерево карагач умудрился вырасти на краю поселения и такой большой, а ничего больше. Был водоем от дождевой и снеговой воды по весне и осени, а летом все высыхало. Воду для питья

брали в роднике, мутную. Там, внизу от селения, у русла речушки, которая в летнее время тоже пересыхала.

Троих своих детей (Валю, Нину и Колю) направила учиться в интернат в Кара-Тюбе, райцентр. Дома в Ак-Козе, мы жили с Зиной и Яшей, который в выходные дни бывал дома, а целую неделю учился в местном интернате. К Яше я часто ходила. Наварю ему, приготовлю покушать и несу. При мне он покушает, и тогда я домой иду. Ходила один раз и к вам в интернат Кара-Тюбе по пескам. Там, дорога идет проезжая, и я по ней пешком шла. Ехали по пути на подводах или машине, приглашали довести до райцентра, но я отказывалась. Люди были в песках незнакомые, и кто знает, куда они могут меня увезти? Так и дошла я к обеду в Кара-Тюбе. Повидалась с Валею, Ниной и с тобой. Поговорила с учителями и директором интерната. Успокоилась и домой пошла, хоть и просили остаться на ночевку. Когда подходила к Ак-Козе, то уже темно было, но видно еще дорогу. Зашла домой, а Зина одна сидит и переживает за меня, чуть не плачет. Слава Богу, что обошлось все благополучно! Ведь скучало мое сердце по детям и беспокоилось, а теперь на душе легче стало!

Помню хорошо, никогда мы с отцом вашим не ругались. А тут во время войны я его не пускала воевать. А он идет на войну, как будто кто его тянет туда. Мне делалось обидно. Живет со мной в согласии, а уважать меня не уважает, значит? Не любит, может? Было любил меня, а тут разлюбил? Больше ничего не могла я себе придумать. Иногда ся-ядет на углу дома, на улице. Си-и-дит и не разговаривает со мной. Не знаю, какая причина у него была, и какие думы одолевали его голову?.. Отец ваш уйдет на работу, а я все плачу и плачу за работой швейной своей. Работаю и переживаю, как мои деточки без отца будут жить?

Вот пришел он как-то домой и захватил меня в слезах. "Что это ты расплакалась?" - говорит мне. Я как за-аплачу еще сильнее, и говорю ему: "Знаешь что? У меня такое предчувствие на сердце, что ты меня должен оставить вместе с детьми. А как я буду с ними одна жить?" "Да брось ты такое говорить! Откуда такое увещание в душе твоей?" - ответил он. "Я - говорит - не болею, ничего плохого не делаю, а ты меня уже хоронишь. Придумала себе заботу!" "Я не придумала себе заботу! - говорю.- Вот. У меня мама не болела, ничего себя чувствовала, а у меня в

душе, вот такое примерно увещание было: мы без мамы останемся. Я год плакала. Пряталась ото всех, чтобы меня никто не видел, как я плачу за маму. А как мама умерла, так я чуть тоже не скончалась. Был приступ сердца. Еле отходили меня. И долго еще я горевала по маме, но потихоньку отлежалась и, потом, как рукой сняло, слез больше не было, хоть я и переживала еще."

"Вот и теперь, - говорю Ивану, - такое же у меня увещание!" А потом, утром рано, рано, после того как мы с ним говорили допоздна, встает он и говорит мне: "Знаешь, я сегодня ночью такой сон видел. Не знаю, говорить тебе или не говорить?" А я ему: "Говори, говори! Мне не все равно! Я буду знать, хоть какой сон у тебя был! Хоть бы определить, что тебя и меня ждет впереди!" "А вот какой сон! Только тут определять ничего не надо." И начал рассказывать мне свой вещий сон. "Вот, мы шли где-то, по дороге, с тобой и ребята наши с нами. По полю потом, вроде шли. А потом, я смотрю, впереди нас стоит избушка. И я тебе говорю: "Ты иди с ребятами одна, а я зайду в избушку. Там, вроде, мой брат Гаврюшка живет." Он погиб во время дунганской войны лет десять назад. Открыл только дверь в избушку, а Гаврюшка там сидит. Я ему и говорю: "Вот, я и пришел к тебе!"... И проснулся.

"Ну, как определишь ты, что это такое?" - спрашивает меня. И ему я говорю: "Вот ты идешь, идешь со мной и детьми по жизни. Все хорошо. Ну, не лезь ты туда, на войну! Чтобы не встретиться с Гаврюшкой на том свете раньше времени. Тебе, видишь, сон подсказывает: "Не ходи воевать! Зачем идешь ты?" Не-ет, тебя все равно тянет туда!"... А тут, пришли люди, (от советских офицеров их было человек семнадцать), дали ему в руки винтовку и приказали идти на фронт. А он говорит им: "Я винтовку не возьму и стрелять не буду. Вера моя не дает мне права убивать людей! Но пойду воевать, чтобы отомстить за старшего брата!" "Иди, - сказали ему, - Там, на фронте, найдется тебе место. Будешь помогать воинам, патроны и снаряды доставлять на линию фронта с врагом." Со-обрался Иван, отец ваш, и пошел в отряд бойцов за народную власть..

В середине недели, после Нового года, перед Рождеством Христовым, ходила к нему еще раз и говорю: "Вот пролежишь в больнице, и война пройдет!" О многом мы с ним тогда говорили. Вдруг,

ему стало плохо, и я осталась ночевать с ним. Ночью он закрутился, закрутился и говорит: "Пуля, вроде, внутрь булькнула, в кишки. Сейчас бы хорошего доктора, он бы вынул эту пулю и мне бы легче стало." Подумала я, и пошла искать врача. Пришла к доктору и прошу: "Посмотрите моего мужа. Может его домой можно взять?" А он, посмотрел Ивана и сразу приказал везти его на стол и стал делать операцию. Распластал ягодицу ниже пояса, развалил мясо, крестом надрезал. Вот так! Ничего не нашел. Забинтовал, а зашивать не стал и направил в палату. Столько крови потерял Иван! Ужас прямо! "Ой-ей-ей! - говорю врачу. - Вы зарезали человека! Мужа моего!" Прямо в глаза ему говорю. Я в таком настроении была, расстроена. "Вы, хотя бы детей наших пожалели! Вы же угробили его! Мужа моего! Я не врач и то понимаю, что пуля попала в пояс, а вы режете ногу! А теперь, где еще будете резать? Если бы я не была верующей, то натолкла бы мелкого стекла и засыпала бы в ваши бесстыжие глаза! Чтобы ты слепой был и не погубил бы еще других раненых воинов!" Надо же, разрезал ногу, и зашивать не стал, а бинтом замотал! Вот так, кругом ноги бинт, и отправил в палату. Ну, как можно, после этого еще врачом называться ?!

Тогда, помню, пришла соседка, посидеть у постели Ивана, а я к детям пошла домой. Иду улицей, а кругом пули свистят. "Господи, спаси и помилуй!" - шепчу себе и иду. Благополучно домой дошла и тут корову надо кормить. Полезла на крышу сеновала, взяла охапку сена и слышу "вжик, вжик" две пули прямо в охапку сена попали. Я скорее по лестнице, с сеном вниз головой, скатилась под крышу. Обе пули задержались в сене. У меня какая-то надежда была, что меня не убьют. Бог не допустит! А стреляли с горок, где все дома жильцы побросали, а гоминьдановцы их заняли. И еще, с самолета стреляли, когда я ходила в лавку. Вот, бьют из пулемета хоть по человеку, хоть по курице! Я, как раз, дошла до сапожной мастерской на зеленом базаре и вижу, мне рукой машут и кричат: "Заходи сюда скорее! Видишь, бьют из самолета? Могут убить ни за что!" И только я забежала в мастерскую, дверь хлопнула за мной, как, слышу "Ту-ук, тук", пули ударили в дверь. О-ох! Успела добежать, вздохнула я и чуть не упала на землю. Самолет пролетел, и я вышла из сапожной мастерской, купила, что надо в лавке и домой скорее пошла. Ох-хо-хо! Жизнь во время войны была, не приведи Господь!

Однако у меня была вера, верила я Богу, что он сохранит мне жизнь ради детей моих! Не было тогда таких вещих снов, увещеваний, что меня могут убить, а дети останутся одни...

Помню, когда ты был маленький, и тебе еще двух лет не было. Пришла соседка Моловикова Лена и говорит, чтобы я пришла в больницу и привела всех четверых детей. Начали собираться. (Я тебе пиджак сшила, курточку одела, на голову тебе шапку отцову надела. У него была шапка, помнишь? Богатая! Верх шапки коричневый, меховой бобрик, а вот тут, сбоку, ушки с завязками. Вот так вот, завяжешь и одевай, носи пока не холодно! А в мороз ушки опускать надо.) Ну, мы быстро все собрались и пошли к отцу в больницу. Она была на той стороне речки Пиличинки, а мы жили на этой стороне. Не помню, какой-то мужчина на телеге, согласился посадить детей и меня и подвезти до больницы. Приехали мы, а он лежит на кровати и не двигается, но живой еще. Когда Иван стал отходить и последние силы терять, я расплакалась. Ревут и дети мои рядом со мной. А он, обнял детей и меня руками, молчит и ничего не говорит...

А я, до этого, ему так говорила: "Ты не хочешь жить с нами?! Иди! Я тебя не держу, я не пропаду с детьми. Я их прокормлю сама. Иди! Я тебе дам свободу! Живи, как знаешь"... В общем, были такие разговоры о детях, о семье и как нам жить придется дальше без отца... Потом он говорит мне: "Ну, зачем ты так поступила? Попросила врача сделать операцию!" "А я хотела, чтобы врач посмотрел тебя, может, нашел бы, где у тебя пуля застряла. А врач, видишь ли, только порезал ягодицу. Даже не зашил, а забинтовал, а пулю не нашел!"... Не судьба, видать, думаю и все крепче прижимаю к себе детей! Боюсь расплакаться еще... Потом собрала я вас, детей, одела и пошли мы домой в расстройстве. Осталась там дежурить у постели Ивана Лена, что жила рядом с нами... А утром прибегает Лена и говорит: "Плохо себя чувствует Иван!" Пока я собиралась, да бежала в больницу, то и время ушло... Прибегаю в палату, а врач мне говорит, что мужа перевезли в морг. "Куда?! В какой морг?" - спрашиваю. И не могу сообразить, что такое морг. А санитарка говорит, что унесли его в покойницкую: "Умер, твой Иван."... Слышу слова, но до меня не доходит. Стою, как во сне, как в тумане, ничего не вижу! Посадили меня на скамейку. Дали воды... Не помню, сколько времени

сидела, и в голове было пусто... Слышу, какой-то мужчина говорит мне: "Лучше из больницы мужа отвезти сразу на кладбище. Я же знаю, что вы живете у чужих, на Пиличинке, а дом ваш на Колодезной закрыт, пока идет война."... У меня сил больше не было. Я согласилась хоронить мужа прямо из больницы. Этот мужчина был из нашей общины и помог мне перевезти гроб в больницу. Помог собрать Ивана в последний путь и вместе с братьями и сестрами по вере отвезти его на могилки... О-о-ох!.. Как тяжело было мне с детьми, в те дни! Ведь я еще и в положении была! Но, я боялась за детей своих, за себя и не позволяла себе плакать. Держалась из последних сил... Думаю, не выдержу от горя и стану плакать, и опять со мной может быть сердечный приступ, как при смерти мамы... А дети на кого?.. И только молитвы мои к Господу Богу помогли мне тогда выстоять, перенести страдания души и сердца и выжить с детьми вместе...

Как раньше, так и теперь, в трудные дни моей жизни мне помогали молитвы и духовные песни. Вот, одна из таких моих молитва - песня.

Иисус, души Спаситель, дай прильнуть к Твоей груди
Среди волн будь мой хранитель, не оставь меня в пути.

Я Тебе лишь доверяюсь, я Тебе лишь отдаюсь

Вечно зрить Тебя желаю, быть Твоим, мой Иисус!
Благодать и примиренье лишь в Тебе Спаситель мой,
Лишь к Тебе мое стремленье. О, прими меня - я Твой!

Нет прибежища иного для меня лишь только Ты,
Не оставь меня больного средь житейской суеты!

О, храни средь бури жизни, до конца свершая путь,
Чтоб я мог достичь Отчизны и в ней вольно отдохнуть.

Ты - источник вечной жизни, жажду можешь утолить
И ручьем Святой Отчизны в моем сердце можешь жить!

Видно Богу было угодно, чтобы Иван Лукианович погиб во время войны в Кульдже. А ведь бои в городе за народную власть шли всего четыре дня. И многие русские, семейные, (а у нас тогда было четверо детей и я была в положении), не пошли воевать с гоминьдановцами. Вот так. Только с Божией помощью я смогла выдержать смерть мужа, а через два года и смерть своего отца Гавриила Васильевича. Благодаря братьям и сестрам по вере вырастила пятерых детей, работая день и ночь не жалея

сил. Не покладая рук, сидела за швейной машинкой, готовила и продавала дрожжи в Кульдже. И хватило у меня смелости решиться ехать из Китая на целину, хотя меня отговаривали в российском консульстве.

Для нас целиной стали пески Кара-Тюбинского района в Уральской области. Первое время я топила печки в бане и была стекольщиком, привезла алмаз мужа своего и окна стеклила по указу начальства. За это в трудовой книжке мне записали благодарность и выдали жалование. А потом директор узнал, что я шью хорошо, платья и детскую одежду без примерки, и разрешил мне принимать заказы и шить платья на дому. Зимой попросил меня зам директора сшить брюки и принес свои старые для примерки. Раньше я брюки не шила, но постаралась, и получилось! Когда он забирал свой заказ, то подсказал уезжать из песков Ак-Козы. "Поезжай, - говорит мне, - в Алма-Ату с детьми. Там своих детей выучишь грамоте и на работу устроишь!" Ближе к лету дали мне выписку о работе в совхозе и направление в Алма-Ату. Ведь в Ак-Козе не было школы и вы, трое детей моих, учились и жили в интернате в Кара-Тюбе. Только Зина да Яша были со мной.

После разрешения на выезд с целины, мы быстро собрались и на грузовой машине поехали на станцию железнодорожную. А там, как на грех, я послала Валю на почту, посмотреть: нет ли письма для нас? Приносит она письмо от Лисиных из Алма-Аты. Они пишут, что не надо приезжать в столицу, тут не дают прописку переселенцам. И это сбило нас с толку. Сидим на мешках, голову ломаем. Как быть дальше? А тут, на станции, встретила женщина и советует нам не расстраиваться, а ехать в Джамбул. Там у нее сестра живет. Просит заодно передать сестре чемодан с вещами. У нас выбора не было, и мы решили ехать до Джамбула, а там видно будет, как поступить...

Приехали в Джамбул, нашли сестру женщины, передали чемодан и она дала совет купить мазанку у ее знакомой. Купили дом - завалюшку у моста через речку Талас, у переезда железной дороги на камышах-сазах. Потом, ближе к осени, переехали в другой дом на Дунгановке и прожили до следующего лета. В этот же год Валя проработала на сахарном заводе и поехала поступать в институт в Алма-Ату. Поступила учиться на химика на вечернее отделение института и тут же устроилась работать на стройку. Жить-то на что-то надо было! А вы, Нина и Коля, устроились и

жили тогда в детском доме №2 у Анны Петровны Венгловской. Спасибо ей! Она хорошо вас приняла и успокоила меня, когда сказала, что дети мои будут жить "как дома", в достатке и в чистоте. Теперь уже я осталась с Зиной и Яшей. Прожили зиму и к лету собрались и поехали в Алма-Ату. Ближе к Вале. А Нина и Коля остались учиться в Джамбуле в детском доме.

Помню, когда я с семьей поехала на целину, то нас направили в Уральскую область в пески Кара-Тюбе Аккозинский совхоз. Год помучились мы там и уехали в Джамбул. Здесь я устроилась на работу в артель "Швейник". На одну зарплату мою трудно было кормить пятерых детей. Люди советовали, и я решилась отдать двоих, Нину и Колю, в детский дом. Переживала, ночами плакала за детей своих, что отдала. Но директор детского дома, Анна Петровна, хорошая женщина, успокоила меня и сказала: "Не переживайте за своих детей! Они здесь будут как дома!" И правда! Нину через год, после седьмого класса, направили в строительное училище в Туркестан. Обучили работать штукатуром и маляром. А Коля учился до десятого класса и потом приехал в Алма-Ату, куда переехала наша семья. Поступил работать слесарем-сборщиком на опытно-механический завод имени Крючкова.

А жили мы в Джамбуле очень и очень трудно! Иногда, по ночам, все думала, где бы еще и как бы денег заработать. Работала в "Швейнике" исправно, всегда делала план и даже выполняла работы больше, а платили не больше ста рублей в месяц. Ну, как тут на такие деньги содержать семью и жить в достатке?! Помню, один раз, расстроенная шла с работы домой. Задумалась о своей тяжелой судьбе. На переходе через переезд железнодорожный остановилась... Одной ногой встала на рельсу и стою в забытьи. Не помню, сколько времени стояла?.. Какой-то мужчина, в светло-сером пиджаке, взял меня за руку и перевел через переезд на другую сторону железнодорожного пути... Тут же, за моей спиной, прошел поезд с вагонами! А было-то еще темно, так как я шла с работы после ночной смены! Ну-у! Чуть-чуть бы, и со мной случилось бы непоправимое несчастье! Но, видно, Богу не угодно было, чтобы мои дети остались без мамы. Всевышний Господь спас мне мою жизнь ради детей моих! Слава и хвала за это Отцу небесному!...

В молитвах своих и мыслях всегда прошу Господа Бога избавить меня от нездоровья, дать исцеление и вопрошаю: "В чем я провинилась?" И слышу, не знаю, откуда: "Много берешь на себя!" Как будто кто-то рядом стоит и говорит мне эти слова. Да-а! Это исходит свыше!... В душе своей и в сердце своем не могу найти греха, за который меня наказал Господь? Вот, мои ноги, отказали держать меня, и стали плохо слушаться и я с 18 мая 2000 года не могу ходить. Вроде бы ем хорошо, не жалуясь, Валя старается, и чувствую неплохо себя, а вот на двор пойти - ноги не хотят. А все от того, что в тот день, меня по голове ударила дверь, которую держал Галин муж, а потом отпустил дверь, когда я выходила из своей комнаты...

Накануне дня своего рождения 10 августа, смотрела старые фотографии. Отца своего признала сразу. Вспомнила, что при жизни на Алтае, о нем говорили: "Похо-ож лицом на царя Николая!" Может быть, поэтому он собирал снимки из журналов, где царская семья и царь были. А вот Ивана Лукиановича, мужа своего, признала не сразу, но узнала! А вот, рядом с ним. Кто эта девушка? Молодая да симпатичная! Долго не могла вспомнить себя. Забыла, что, в свои 28-30 лет, я была такой! Не любила я смотреть фотографии отца и мужа после их смерти. Не хотела еще и еще раз переживать за них, вспоминать горести и печали... Ругала себя за то, что дала согласие ему идти на войну, не отговорила мужа и не убедила, чтобы он остался дома. А его поминала и в душе ругала за то, что он не сберег себя для наших детей...

Помню, как один раз, после смерти вашего отца, пришел проведать нас пресвитер общины в Кульдже Кузьма Трифонович Попов. "Как управляешься с детьми, сестра?" - спрашивает меня. "Слава Богу, - ответила я ему. - Вы, вот, пришли ко мне, узнали, как я живу и ушли. А я одна управляюсь со своими бедами. Одно я поняла, (как не стало в семье отца и бабушки, а осталось пятеро детей, мал - мала меньше) и еще сердцем и душой чувствую, **ЧЕМ БОЛЬШЕ ГОРЯ У ЧЕЛОВЕКА, ТЕМ ОН БЛИЖЕ К ГОСПОДУ БОГУ!**"... Помолчал он, посмотрел на наше место обитания. Помолчал пресвитер и сказал: "Ну, хорошо, коли так." Попрощался и по-ошел со двора. А я себе продолжаю думать: "Оно и правда, в нашей жизни, так. Пока человек живет в достатке, то он редко к

Богу обращается. А чем больше горя у человека, то чаще он общается с ним! Значит ближе к Господу Богу!"

Помню, после войны, отца уже не было, а в дом надо было привезти уголь и дрова. Тогда в руководстве Русского общества в Кульдже был Вяткин. Он записывал всех, кто приехал из России. Я обратилась к нему за помощью привезти топливо, а он мне не помог. Напротив ворот Российского консульства жил полковник Мажаров, в доме которого были побиты стекла в окнах, и мне пришлось там стеклить. От отца мне остался хороший алмаз, и я им спокойно резала стекло. Работу я выполнила, а он мне не заплатил и не помог купить и привезти угля и дров, когда я просила его помочь мне. "Не в моей власти давать топливо,- говорит мне. - Обратись к уйгурам, их руководителю Гани-батору. Он поможет!" Но, не пошла я к нему, хоть и жил он на нашей улице Колодезной. Пошла я к гайджану (улькому), тот тоже не помог, а сказал: "Надо семью заводить и пусть муж тебе помогает!" Толкал меня на то, чтобы я пошла замуж после гибели вашего отца на войне. Но я заплатила арбакешу (возчику) деньги на зеленом базаре, и он привез уголь прямо домой. Хо-ороший был уголь! Блестящий! Куски, а не мелочь!

За углем ездили в горы, недалеко от города. А один раз, ваш отец собрался, посадил на телегу старшую дочь Валю, и за углем поехали! Вернулись после обеда. И отец часто рассказывал мне, как Валя просила его: "Поедем быстрее в горы! Там, вон, видишь, маленькие человечки и лошадки. Поедем и возьмем их с собой домой!" Издалека люди казались маленькими, но когда подъехали к шахтам за углем, то Валя удивилась, что люди и лошадки выросли. И взять их в руки трудно! А было Вале тогда всего пять лет. И отец обучал ее грамоте, когда рисовал на запотевшем стекле окна буквы и цифры. А потом уже и целые слова и предложения.

Когда родился Яша, то повитуха бабка передала его с пеленкой Вале и сказала: "Иди и покажи соседям!" Та взяла и, сломя голову, помчалась на улицу. Был месяц май сорок пятого года, и на улице еще было свежо и ветер дул. "Верните Валю с ребенком!" - крикнула я повитухе, как могла громче. Прибежала Валя, всех соседей оббежала. А Яша задыхаться стал, остудился, скорее всего. Поднялась я с постели, нашла курдючный бараний жир и обмазала все тело Яши жиром. Потом сделала компресс из

тряпочки с джуном (водкой китайской) и запеленала в одеяло. К вечеру ребенок зашевелился, вспотел и стал кричать и просить кушать. А когда принял грудь, сильно сосал молоко и чмокал, то заснул крепким сном. Слава Богу, простуда миновала у Яши! А наутро ожил ребенок, глазами бегают, ногами и руками дергает. У меня на сердце успокоилось, значит будем жить и радоваться!

Один раз, во время войны, вечером через забор запрыгнул к нам военный с ружьем. И стал проверять и искать в доме человека из врагов народной власти. "Я видел голову над забором, которая потом спряталась у вас во дворе," - сказал он. Валя встала в двери, чтоб его не пускать в дом и сказала: "Не шумите, а то дети спят!" Но он оттолкнул ее в сторону и вошел в комнату. Четверо детей спали на полу, были укрыты одеялом. А военный сдернул с детей одеяло, но не увидел взрослого. Тогда он свернул одеяло и подмышку себе взял. Увидел военный, на гвоздике куртка отца висит, и взял ее себе. Собрался уходить из дома. Вижу, такое дело, и стала его совестить. Говорю ему, что в семье пятеро детей, отец погиб за китайскую революцию. "И не стыдно тебе отбирать последнее одеяло у детей! А куртка отца ведь тоже нужна будет, когда дети подрастут!" Вижу, он остановился уже у ворот и, не говоря ни слова, отдал сначала одеяло, а потом и куртку отца. А его, военного, подозрение рассеялось сразу, когда, при выходе его из комнаты, он встретил кошку. Кошка шмыгнула в двери комнаты и под кровать. Видно, она-то и спрыгнула с забора нашего, а военному показалось, что человек выглядывал и спрятался во дворе...

Помню! В тот год в Кульдже дедушка ваш поехал на пасеку, на дрожках. Осень была сырая. В тот день, сначала шел дождь, а потом пошел мокрый снег. Пока дедушка выехал за город, его промочило, и он продрог. Чтобы согреть себя, он остановил коня у корчмы на окраине города. Зашел и выпил немного китайской водки, джуна. А ведь никогда не потреблял без дела! Она, водка, была холодной. "Ничего. Продерет горло и тело разогреет," - подумал он и поехал дальше. В горах у речки Каш, на переправе, он остановился. Оставил дрожки у мельницы, как это делал всегда, и дальше поехал верхом на лошади, а мешки с продуктами захватил и укрепил за собой. Пока ехал по горам, то, вроде бы, разогрелся немного. И снег перестал, когда доехал до своей пасеки. Но к

утру следующего дня у него сделалась высокая температура, голова шла кругом, перед глазами мелькали разные звери и змеи свисали с потолка комнаты. Тогда он попросил мачеху истопить печку в бане, чтобы хорошо попарить себя. Когда он посидел на полке, прогрелся, но парить себя не стал. Вышел из бани и квасу выпил. Вроде бы, полегчало немного. Еще день ничего не делал, сил набирался. А на третий день пошел по пасеке мед собирать. Набрал три фляги и бидон меда. Переночевал, а на следующее утро приторочил к седлу коня фляги и бидон и поехал до мельницы. Тут перегрузил мед с коня на дрожки и поехал в город... Привез дедушка мед на зеленый базар и продал мед из фляг, сдал в лавку, куда обычно привозил. А бидон с медом он привез к нам, и я ему уплатила ту цену за мед, по которой он сдал его в лавку. Мы с ним так договорились. Ведь он вкладывал свой труд, когда разводил пчел, ухаживал за ними, делал ульи и возил мед с пасеки через горы и реку к нам.

Побыл дедушка у нас дома с неделю и что-то захворал. Кашлял и тяжело дышал, по ночам плохо спал. Потом уж, когда на дворе снег лежал, дедушка мне рассказал, как простыл от мокрого снега. Пожалел и ругал себя за то, что пил холодную водку в корчме. А теперь вот кашляет и харкает, иногда с кровью из горла, да и сердце стало беспокоить по ночам, хотя раньше его и не чувствовал. Пошла я в больницу к врачам, а они положили дедушку в больницу. Больше месяца он лежал там, и не вылечили его. Забрала я его домой. Ведь за ним там никто не ухаживал, а мне бегать в больницу, к нему нет времени, ведь детей оставить мне не с кем было. Э-эх, рано умирать - детей жалко, а в старости умирать - сил нету!

Забрала я дедушку из больницы и везу домой, а он лежит и спрашивает меня: "Ты куда меня везешь-то?" А я говорю: "Домой! К себе!" "А я думал, ты везешь меня туда, на Пиличинку!" Мы купили ему с мачехой домик на речке Пиличинке. Боялся он, что я отвезу его туда и будет он там один. Мачеха ведь была на пасеке и коровы там были. "Нет, я домой тебя везу - повторила я. - Зачем я тебя туда повезу? Кто там тебе пить - есть подаст?" И он стал доволен и спокоен... Ну, так смело я убедила его, чтобы он у меня жил. Ведь я что-то сварю и детям и для него. Чаще всего готовила сальца свиного, а на кусочек сала сверху яйцо.

Разжарю сало на сковородке, а потом туда разбиваю яйцо. "Глазунья" - так он это называл. Пожарю ему, он поест... Мало кушал последнее время... Худенький он был тогда, такой весь исхудалый. И болел тогда почти девять месяцев. Вот, осенью заболел и на Пасхе следующего года, в день четверга Пасхальной недели умер... Всю зиму почитай проболел... Ну, на ногах ходил потихонечку. А в последнее время все стоял у окошка, и воздух хватал ротом из форточки. Открою я форточку, и он стоит перед окошком. Чтобы ему легче было стоять, я поставила у окна машинку швейную, и он обопрется на нее и дышит весенним воздухом. А я, все как чуть что, так говорю ему: "Устал, поди? Ложись, отдохни, полежи немного!" "Хорошо, - говорит мне, - я сейчас, немного отдохну - подышу, а потом лягу". И вот так он "отдыхал" пока стоял у форточки.

В тот, последний его день, он отдыхал и отдыхал у форточки. Но я все-таки уговорила его лечь на постель. Мне надо было сварить дрожжи для теста... Он и говорит: "Ну, ладно, давай я лягу." И прилег на постель. А я сказала старшей доченьке: "Валечка, ты посиди возле дедушки, а то на печи кипит уже вода. Я пойду и заварю дрожжи." И пошла... Только до двери дошла, еще не вышла из комнаты, а Валя кричит: "Мама! У дедушки кровь изо рта!" Развернулась я и к постели скорее! А у дедушки полный рот крови! И, это, в горлышке у него, там клокочет, когда он дышит, а не может взять воздуха! Я открыла ему рот, вылила воздух с кровью в горшок... И все... С этим, все... Он еще вздохнул тяжело и... скончался. Больше уже ничего не говорил, не мог сказать... Ну, так, он раньше, когда болел, разговаривал помаленьку со мной. Вот так как я с тобой сейчас. Вот, на днях говорил мне: "Прожил я ровно семьдесят лет и все больше старался делать для себя! А Богу? Вот, мало служил. Если б продлил Бог дни моей жизни, то только Ему бы и служил! Господи, прости меня! Прости мою заблудшую грешную душу!"

Скончался дедушка, сердце мое сжалось, а плакать я не могла. Знала, что, если плакать стану, то у меня сердце схватит приступ. А рядом пятеро детей! На кого они останутся? Ведь старшей доченьке только девять лет, а младшему - второй год пошел. Дедушка, еще был живым, так наказал мне продать быка, если он скончается. Я так и сделала. Попросила соседа, мужчину, продать быка и помочь в похоронах дедушки. Помогли и братья с сестрами из общины верующих. Только я

не ездила на кладбище и была с детьми дома. Но мне потом сказали, что захоронили дедушку там же, где и отца нашего. Где-то рядом последнее их место на земле Кульджи...

Я верю в силу молитвы и всегда прибегаю к ней в горести. Вот, было. Один раз ходила я на базар, купила что надо. Иду и встречаю соседку. Она идет рядом со мной и жалуется, что ее замучили зубы, так шатаются и болят, что сил нет терпеть! А я, возьми и скажи ей: "Ой-ей-ей! У меня такого никогда не было!" Поговорили мы с ней немного и разошлись по домам. Пришла я домой, сготовила поесть, вас, детей, накормила. И за швейную машинку села работать. Ближе к вечеру, чувствую, зубы ныть стали. За работой, думала, отвлекусь. Но боль не утихала. И спать я легла с болью. А наутро, чувствую, зубы шатаются: если языком тронешь, то качаются, а рукой возьмешь, то и вытащить все их можно свободно. Пошла я к врачу в больницу. Он лекарство выписал, и полоскание зубов назначил. Ни то, ни другое - мне не помогло. Ох, думаю, зря я порадовалась своим здоровым зубам, когда говорила с больной соседкой! Согрешила, видать, я этими словами? Стала я в молитве чаще просить Господа Бога простить меня. "Укрепи, Господи, плоть мою немощную Духом Святым! Дай сил боли перенести и страдания! Прости меня за содеянное и за слова, неволью сказанные соседке!" Неделю мучилась зубами, боялась, что они выпадать станут. Слава Богу, понемногу боли утихли, и зубы не стали шататься. Только в памяти моей глубоко осталась заповедь: "Не говори лишних слов удивления и зависти! Лучше не думай и промолчи"...

Вспоминаю все, что было в моей жизни, и вижу, что моя жизнь прошла в одиночестве. С детства братья и сестры дразнили меня, что родилась с покалеченными пальцами на правой руке и ноге. Как себя помню, я замкнулась и искала с кем можно поделиться душой. И когда впервые увидела у отца Евангелие, то уже умела читать. Когда на душе и в сердце было трудно и беспокойно, то я уходила в лес, залезала на свою березку, садилась на развилку ветвей, подальше от волков, и совершала молитвы. Ходила в церковь как и все, но сердце просило другого общения с Богом. Была в общине пятидесятников и тоже не нашла утешения. И только в Жаркенте на собрании евангелистов баптистов почувствовала, что эта церковь моя. По душе мне было, и в сердце была

радость, когда шла проповедь, как исполнялись песнопения! Без поклонения иконам - идолам, сотворенным руками человека. Вот и жила я и живу по вере Христовой!

И еще. В моей одинокой жизни, с малыми детьми, мне всегда помогала и меня выручала молитва. Слова, обращенные к Господу Богу нашему, всегда находили отклик в моей душе. А Господь был опорой в моей трудной судьбе. Он давал помощь и успокоение, надежду на жизнь лучшую на этой земле! Ибо сказано было в Слове Божиим: "По вере и делам вашим - дано будет вам!" Без веры в Господа Бога и без молитвы к Отцу Небесному я не смогла бы прожить такую трудную и долгую жизнь!.. Подумать только! Девяносто третий год! Ох-хо-хо! Рано умирать - детей жалко, а в старости умирать - сил нету! Вот и сейчас вспомнила одну из моих песен - молитву для утешения души и сердца.

Дай мне силу Бог Спаситель веру свято сохранить,
Чтобы я в Твою обитель со святыми мог вступить,
Там с любовью бесконечной Ты даруешь мир им вечный,
Проходя сквозь смерти страх, я хочу быть в небесах!
Жажду я не разлучаться ни на час, Господь, с Тобой,
Пусть все мысли освятятся, пусть всегда я буду Твой!
В сильном страхе, в огорченье Ты - одно мне утешенье.
Средь печалей и скорбей Ты - Покров души моей!

Благодать Господа Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа да будут с вами!

ПУТИ ЗЕМНЫЕ

ЖИТИЕ АННЫ Г.Д.

Воспоминания 2002 года дочери Гавриила Васильевича,
правнучки Ионы Серика (Серко, Сирко)

Увиделись мы с мамой еще раз в Алма-Ате, на Курильской улице в саду у дома 13 августа 2002 года. Воспоминания жизни на Алтае приходят теплым вечером при закате солнца под раскидистой яблоней при погоде без ветра ...

Вот ты спрашиваешь, какая родня была у нашего отца Гавриила Васильевича Серикова. Мама нам иногда рассказывала, что в селе Завальное недалеко от городка Усмань Тамбовской губернии половина жителей для Сериковых были родными или дальними родственниками. У отца был дед Иона Серик, или Серко, глубокой веры христианин и, как говорил отец, "Бог его силой не обидел". Крепко знал Евангелие и считался навроде проповедника по Слову Божию. Один из сынов деда Ионы, Василий, имел семью из семи детей. Старший Васька, женат не был, часто потреблял вино и умер молодым. Катерина засиделась в девках и не выходила замуж (по письму из Тамбова в Чичам в 1920-22 году узнали о ее кончине). Гавриил с женой Евдокией, уже имел в семье четверых детей, в 1910 году отправился по путевке переселения из Тамбова на Алтай в Бийский уезд селение Чичам в горах. Младший из сынов - Павел, имел большую семью и, со временем, уехал в Воронежскую губернию. А про средних сынов Михаила, Петра и Антона мало что известно, так как они все больше занимались отхожим промыслом и часто разъезжали по местам, кому надо было строить дома, готовить лес или камень для стройки.

А вот у маминого отца Кузьмы Иаковлевича Безява (Безяева) была маленькая семья. Старшей сестрой Евдокии была Наташа, она была для Дуняши вместо мамы, так как мама рано скончалась и Наташа не выходила замуж пока не выдала сестру Дуню за Гавриила в 1899 году. Средним в семье был Павел, жил в Завальном и имел большую семью.

Помню, мама мне рассказывала, как я родилась под "сулоном". Когда ехали из Тамбова всей семьей Сериковых, то за Барнаулом остановились в селении Мысы Калмыцкие. Пшеница кругом села была убрана, а овес еще стоял, его позже всех посеяли и после всех жали. Отец нанялся у местных, убрать урожай. Сам косил, а мать и старшие дети вязали снопы. Мама была в положении, и когда у мамы прихватило, то отец сделал шалаш из снопов и сверху ветками прикрыл. Вот тут-то и появилась я с помощью отца, он роды принял. По окончании жатвы отец получил расчет, часть деньгами и часть продуктами. Поехали дальше в Березовую, а по вечерам стало холодать. Отец остановился здесь, снял временку для проживания, утеплил ее горбылями и обмазал глиной, пока было тепло. Тогда отец нигде не работал, а промышлял зверя и ловил рыбу для прокорма. По весне он продавал пушнину и покупал продукты и мануфактуру. Этим и жили. А мама на дому делала самогонное вино и продавала по чарке местным селянам и проезжим. То время было трудное, иногда мама ходила по миру, просила милостыню. Не всегда, но давали кто булку, кто калач... Вот потому мама всю жизнь свою подавала нищим и обездоленным, вроде бы как, возвращала полученные дары...

Помню хорошо, как переезжали из Березовой в Чичам. Мама с отцом и младшей Груней ехали на повозке. Было лето. Вдоль дороги стояли столбы с проводами. Мы, ребята и девчата (Нина, Григорий, Петр, Николай и я), убегали вперед повозки от столба до столба. Прислонялись к столбу и слушали... как гудят провода? Интересно слышать звон проводов! Подвода подъезжала к нам, и мы убегали к другому столбу. Так и перебежали до самого Чичама, наверное. А было тогда мне лет шесть, не больше. Отец говорил потом, переехать надо было в Чичам, так как у нас сюда было направление, как у переселенцев. Иначе подъемные деньги нам не выплатят.

По приезде в Чичам отцу в управе села выдали деньги, на которые он купил дом, разобрал, перевез и поставил его на берегу речки Малый Куют. Крестовый дом, добротный, на четыре комнаты: прихожая, кладовая и две жилых комнаты с печкой. Купили лошадь и корову, материала для шитва, инструмент и пропитание. Скоро стало три коровы и две лошади, несколько свиней, гуси и куры. Отец с сынами занимался зимой охотой и рыбной ловлей, а по большой воде весной на реке Бии

сплавляли и продавали лес и пиломатериал до города Бийска. Мама с девчонками кормила скотину, готовила еду на всю семью и для птиц. Она очень беспокоилась за отца, когда он уходил на охоту на лыжах и задерживался в лесу до темна. Входил он в дом с собакой Орликом, мама вокруг него ходит и себя успокаивает. Отец ей говорит, что задержались из-за лисы: "Вот, она с красивым зимним мехом! Съела приманку из масла со стрихнином и ушла от места отравы. Хорошо Орлик помог найти следы ее и саму лисицу". Ну, как тут будешь ругать его! Вот так было и не раз.

Помню, лет десять мне было, когда отец купил участок земли в тридцать десятин. Там, раньше, прежний хозяин, гнал деготь из березовых дров. Называли это место "заводик", так как отец умудрялся там делать скипидар, смолу и уголь древесный, кроме дегтя. Для кузниц Петр на подводе развозил и продавал уголь древесный, а деготь и смолу для смазки колес брали в любой деревне. Вот скипидар отец отвозил в город и сдавал в аптеку, а уголь по дороге продавал сельским кузнецам. Брали все с охотой и хвалили товар, а взамен чаще всего не деньгами платили, а предлагали мешок пшеницы или овса. В горах не родила пшеница.

А вот, раз братья Петр и Николай отправились на сплав леса с верховьев реки. Поставили на плот повозку, завели коня, тут же соорудили шалаш и погнали плот до Бийска. Там продали лес и закупили товаров, а возвратились домой на повозке. А было тогда мне, видно, тринадцать лет.

Часть заготовленного леса привозили на телеге от берега Бии, где оставили от плота, и распиливали на станке у дома на плахи и доски. Отец соорудил сам станок (на четырех столбах сверху лежали прибитые бревна колодцем), на который накатывали бревна, закрепляли и пилили большой пилой. Наверх залезал отец, а снизу за ручки держал Петр и не давал болтаться нижнему концу пилы. Не давал уходить в сторону от черты на бревне. Отец размечал бревно на доски и плахи разной толщины, проводил углем черту. Работал в основном отец, так как тянул вверх не только пилу, но и Петра. Делали перерыв, когда руки у сына немели и уставали, а потом продолжали допоздна. Пиломатериал (тес,

доски, плахи, разные бруски) для стройки дома приезжали закупать из соседних деревень и даже из города Бийска. Вот этим и жили летом.

Старший брат Григорий, уже больной, однажды сидит летом на завалинке и поет: "Мама, мама - черна галка, как тебе меня не жалко? Отдала в чужие люди, как малюточку от груди!" Укоризненная песня сына обидела маму. Она сильно переживала за то, что отдала Гришу четырнадцати лет чужим людям в работники. Там он заболел осложнением сердца на Пасху, когда выпил квасу со льда. Вот играли они с ребятами в мячик, и он пошел и выпил холодного квасу после игры. Проработал всего зиму и денег-то не получил, а заболел крепко. После этого он не мог работать даже по дому. Чаще всего он разговаривал с нами, читал книжки, лежал да сидел у дома. Доктора лечили его в больнице, но не смогли ему помочь, вылечить сердце. Когда отец привез его домой, то у него стали опухать ноги и зимой он скончался, не дожил до восемнадцати лет. Наверное, мне было тогда лет девять-десять, не больше.

Вот Петро ездил в деревню Васильево и учился грамоте в школе, а мы с Николаем сидели на печи. И когда Петро приходил из школы, то учил нас буквам и словам: "К-У-Р-Ы!" Учил складать цифры и правильному счету. Отец говорил: "Научились счету дома, научились писать буквы и слова, вот и хватит этого. Жить сможете!"

Помню в Усть-Куюте, одно лето, собрался Петр с тремя селянами и проводником на сплав леса. В верхах реки Бии лес был заготовлен, собраны плоты и они уехали туда на подводе. Когда плоты дошли до нашего села, то мы собрались на реку, и мама попросила вывезти ее на берег. Она тогда уже сильно болела и не могла ходить. Бросили сена в повозку, одеяло кинули сверху сена и уложили маму. "Хочу подышать речным воздухом и сына повидать и проводить на плоту!" - сказала нам. У пристани Усть-Куюта стояли плоты, когда мы приехали на берег. Это место было там, где сходились речки Малый и Большой Куюты с рекой Бией. На плотях уже стояла повозка и лошадь, сделан был шалаш. Петр подошел к маме, ему передали узелок с едой, поговорил с мамой и пошел на плот. Большими веслами спереди и сзади плоты отчалили от берега, и пошли вниз по Бии. Мы долго еще стояли на берегу и махали руками, платками своему брату.

Однажды, отец наловил рыбы в речке Малый Куют, несет домой и видит на берегу в огороде перевернутое цинковое ведро. А я, только что полы мыла из этого ведра, сполоснула и сушить поставила. А раньше, Петро рассказывал, мама в этом ведре полоскала пеленки, и ведро считалось поганим. Так отец в это ведро побросал из мешка рыбу, чтобы я почистила ее. А я молча, взяла и вывалила рыбу из ведра на песок. Отец, еще не ушел и стоял на берегу, ругать не стал, а, так рукой, ударил меня по лицу и пошел в дом. Разревелась я горькими слезами! Плачу и причитаю: "Отец не бил меня никогда, а защищал от старших ребят! А не стало мамы родной, и он стал бить меня!" Утоплюсь в речке, решила себе, обед сготовлю и... Собрала рыбу с песка, отнесла на кухню, сижу, чищу рыбу и пла-ачу! От слез рыбы в руках не вижу! А как жарить рыбу стала, вспомнила слова из Библии, что "самоубийцы не наследуют царства Божия" и успокоилась немного. Подумала о маме, как она готовила рыбу и перестала реветь совсем. Но отец больше ни разу меня пальцем не тронул.

Старшая сестра Матрена-Нина напоминала нам всем: когда отец дома, то вести себя тихо и послушно. При встрече со мной в Алма-Ате, она вспоминала, как однажды, отец порол ее ремнем до посинения, пока мама не отобрала ее из рук отца. А было так, что Нина слышала на улице, как ругался Григорий, и повторила слово в слово, что он говорил. Пожаловалась на брата. Отец, молча, снял ремень с пояса, сгреб дочку, и по заднице, и по спине! "Не будь жалобщицей и не повторяй ругательства!" Ведь у него самое ругательное слово было: "У-у, непутевая!", и то со зла, да во гневе. И только защита мамы: "Отпусти ее, лучше накажи меня, а не дочку!" - остановила отца. Плюнул он и вышел во двор, на конюшню, только там он мог себя успокоить у коня. Зато в доме было шумно и весело, когда отец уходил на охоту или ловить рыбу. Мама же была у нас, как старшая сестра, разговоры наши поддерживала и не сдерживала ни в чем. Но появляется с охоты или рыбалки отец и тогда дети утихали, садились пряхть шерсть или шли во двор заниматься какими делами.

Однажды собирались в селе венчать сестру Ксении, жены Николая. время было осенью, перед Покровом и погода стояла теплая. Мы с сестрой Груней не предупредили отца с мамой, и пошли босыми, туфли в

руках, вдоль реки по пескам мимо соснового бора. Было недалеко, не больше десяти верст, и мы хотели успеть к обеду в церковь и посмотреть, какое будет венчание. Пока шли в деревню Сапожкино, не заметили, как погода изменилась, пошел дождь, а потом мокрый снег. И тут мы услышали, как впереди по берегу воет волк. И испугались мы, повернули в обратную сторону, и бежать во весь дух! Держались за руки и скоро выбежали на дорогу, по которой шли взрослые и ехали телеги в Усть-Куют. Приходим домой. Сидит отец, туча-тучей, тут же мама и соседка, что живет напротив, через речку. Соседка уговаривает отца: "Не бей детей и не ругай! Ну, покусает волк одну, так их у тебя - пятеро!" "Как? - возмущается отец. - Вон, пять пальцев на руке! Укуси любой палец и будет одинаково больно!" Но, когда увидел нас с Груней живыми и здоровыми, то только и сказал: "У-у, непутевые!" и пошел заниматься хозяйством. А мама нам потом рассказала. Отец возвращался с реки. Наловил рыбы и, когда шел по берегу, то слышал вой волков в той стороне, куда мы с Груней направились. Тем более соседи говорили ему: видели нас, босиком бежавших, вдоль реки. Начал отец пытаться маму и старших ребят, как могли отпустить двоих младших одних. Хотел уже ехать в церковь, а тут, мы заявились, запыхавшиеся. Отец с мамой переживали очень за нас и ждали, как, вот-вот, к дому подъедет телега соседей, на которой будут лежать тела дочерей, растерзанные волками. Представили они себе, как придется хоронить своих младших дочерей. Больно было на сердце и на душе тяжело! А как увидели дочерей живых да здоровых, то и сердце отпустило, успокоилось. Сил не было ругать их.

Старшая сестра Нина Гавриловна жила с мужем Анатолием Николаевичем Молодцовым в селе Куреево озеро. Село было курортным местом. Сюда на отдых летом приезжали господа, врачи и учителя, промышленники и купцы. Были здесь дачи городских, дома отдыха и больницы. В местной школе устроили после гражданской войны интернат для беспризорников и детей малоимущих семей. Заведующий интернатом Анатолий Николаевич и жил при интернате. Первый раз меня взяли в няньки к ним, когда было мне лет шесть, а мама с отцом и остальные жили в Чичаме. Сидела я с ребенком Геной дома, поила и кормила его. А второй раз взяли меня нянькой в тринадцать лет, когда отец с мамой жили в Усть-Куюте. Надо было мне нянчить второго ребенка.

Помню, зимой случилась беда, когда умер Ленин, то было большое собрание всех. В столовой интерната стоял большой портрет вождя и каждый раз перед едой, как молитву, ребята и девчата пели Интернационал. А во дворе и по улицам села ходили с флагами пионеры и комсомольцы с революционными песнями, маршировали под барабан.

Представляешь, было со мной приключение (смеется прикрыв рукой рот и глаза). Отец на заводике скипидар перегонял, а я зачем-то пришла к нему. Помню, шершень залетел мне под платье! Летает под ним! Я, долго не думая, сняла платье, хоть и ходили мы без нижнего белья, и закричала: "Спасите меня! Шершень кусает!" - и махала платьем, а сама была нагишом. Отец прибежал от заводика ко мне. Схватил платье, да вывернул его наизнанку, вытряс шершня. А потом говорит мне: "У-у, непутевая! Надень, возьми, платье и не стой нагая!" Одеда я платье, и-и бежать домой! Забыла даже, зачем пришла к отцу, хотя пятнадцать лет уже было.

Когда братья Петро и Николай с отцом заготавливали лес для сплава по реке Бии, то мы с Груней коней сторожили. Комаров, мошек и слепней было невмоготу! Вот мы и стояли с ветками, отгоняли, особенно, слепней, да паутов от коней. А то они с разгону, как пуля, ударялись в кожу так, что лошади наши бедные аж вздрагивали и брыкали ногами, хвостами резко махали. Иногда пауты до крови искусывали морду и шкуру лошадей у живота, где хвостом трудно достать и отпугнуть паутов.

А в сухие жаркие дни лета, отец с Петром привозили к дому сухостой из леса. Целую гору! А как выпадал снег, после уборки картошки, то брались за дело мы с Груней и Николаем. Брали двухручную пилу и пилили деревья, с которых Николай топором срубал ветки и сучки. На улице уже мороз и снег лежит, поэтому пилили чурки быстро, я еле успевала за Груней. Она хоть и младше была на год, но справнее и подвижнее. Иногда отец поручал ей коней пригонять с коровами. Так она верхом, как наездник без седла, скакала к дому и управляла конем. А еще, отец брал ее на корчевку пней сосны и березы для заводика или вместе ехали на мельницу. Там, я еле поднимала двухпудовый мешок муки или пшеницы, а она это делала без усилий... А зимой мы с ней попилим, попилим. Брат колет чурки. А потом схватимся: двое против одного!

Барахтаемся в снегу! Но он, все равно, нас одолевал и бросал в сугроб! Поиграли и дальше, опять, за дело. Беремся носить дрова домой.

Однажды над деревней Усть-Куют пронесся, пролетел смерч! Такой ураган был, что крыши домов поломал! Приходит с рыбалки отец и говорит: "Идите посмотреть сосновый бор на устье Куюта и Бии! Сколько лесин он там наворотил!" Бежим к пристани, а уже издалека видим, что через густой бор видна широкая, больше десяти метров, полоса без леса. Как будто, рядом с речкой образовалось второе русло реки! Пошли дальше, а там, с корнем вывороченные, старые и молодые сосны лежат вповалку! Будто большой валун прокатился и придавил эти сосны. Лес был казенный, поэтому вывозили лес телегами из разных деревень на берег Бии, а потом сплавливали до города. И теперь, там, вместо круговой дороги вокруг бора, стала дорога прямее через бор. Вот тебе и ураган! Сделал доброе дело, укоротил нам дорогу от села до реки.

Помню, обычно, в Усть-Куюте на огороде садили лук, чеснок, огурцы, помидоры, арбузы и немного ранней картошки сорта дубовка, шершавой, и липовка, гладкой. Основное поле с картошкой было за рекой Малый Куют. Для обработки картошки, прополки и окучивания, перебирались от огорода через пережат речки, и домой возвращались так же. В первых числах сентября отец готовил короб из таволги сплетенный, которым обычно Петр развозил уголь по соседним деревням и кузницам. Чистил отец короб, ставил на телегу, и ехали вдоль речки до переправы, а затем вдоль противоположного берега возвращались к своему полю с картошкой. Копали ее всей семьей целый день, а убрали только половину поля. Загружали ее в короб и через переправу везли домой в погреб. Остальную картошку выкапывали и зарывали в яму на поле, а сверху накидывали солому. Под снегом картошка сохранялась хорошо. Весной открывали яму, кормили этой картошкой скотину.

Как-то на Рождество собрались мы, человек пятнадцать, из Усть-Куюта и пошли ко всеобщей в церковь Куреева. С нами молодыми были и взрослые. Когда мы вышли по берегу речки Малого Куюта к сосновому бору, то увидели двух волков. Стоят они и смотрят в нашу сторону. Остановились и мы, сбились в кучу и ждем, куда же побегут волки? Но и они стоят, чего-то ждут. Тогда мы начали кричать со всех сил, улюлюкать. Видим, волки не хотят с нами связываться, повернули с

нашей дороги и скрылись в бору. А мы, довольные, пошли дальше вверх по реке Бии в Куреево. Пришли, еще светло было. Слушали молитву, Рождественскую службу, а потом прошли вокруг церкви. Батюшка отслужил и вместе с церковным хором ушли домой, а мы остались в церкви - ждали полуночи. Было морозно на дворе, снег хрустел, а небо было в ярких звездах, и луна была почти полной. Время прошло незаметно, начало светать. Появился батюшка и хористы церкви. И тут, такая красота! Зажглись огни на каждом столбе ограды вокруг церкви! Люди из дальних и ближних деревень горного Алтая со свечками и иконами в руках шли Крестным ходом кругом церкви. Пели духовные песни, колокольный звон шел с небес! Душа наполнилась радостью и счастьем, воспарила, вознеслась к неземной жизни! В молитве своей я была вознесена к Богу и, как никогда, была близка к нему! Чувствовала, вот как с тобой говорю, глаза в глаза, и слышала его слова: "Верь в Господа Иисуса Христа и спасена будешь!" "Верю, Господи!" - и душа моя возликовала, как никогда! В свои девяносто лет, не верится мне, что это было со мной!...

А вот, еще было у меня переживание, но другого рода. Некоторое время в Кульдже я работала сестрой в больнице. Однажды, медсестра Лена плохо себя чувствовала, и меня попросила помогать доктору. Это мне было не в первый раз помогать, и я знала как подавать инструмент, а прежде надо было его обработать. Тогда надо было срочно делать операцию. В мое дежурство привезли женщину в положении, которая должна была родить ребенка. Но он был большой, задохнулся, и надо было спасать женщину. Муж пришел к хирургу и просил со слезами спасти жену. Я уже несколько раз помогала хирургу и знала, когда подать скальпель, ножницы или зажимы с бинтами, или шприц для укола. Какие страсти пришлось мне испытать в этот раз! Не дай, Господи, другому такого! Хирург был опытный и решил удалять ребенка мертвого по частям. "Господи, благослови!" - услышала я от хирурга, а это придало сил и мне!

Внутренне помолилась и стало легче смотреть и помогать врачу как он: сначала, вытащил руку, потом плечо, голову разделил пополам и по частям вытащил; а потом разделил тело и, наконец, ноги вытащил... Меня удивило, что во время операции, доктор пел все время! Хоть слов я не

поняла, но голос его слышно было. "Может он поет духовную песню!" - подумала я себе. Закончилась операция. Женщину спасли, хоть и была операция половину дня. Когда я поливала врачу на руки воду, то спросила: "Вы пели песню или мне это показалось?!" И он ответил мне: "Мне ведь тоже страшно было при операции. И чтобы страх отогнать, он отступил, а рукам легче было, они знают свое дело, я и пою духовные песни! Скажу, правда, эта операция была у меня самой опасной и сложной!" И спросил меня: "А ты, как выдержала смотреть такое?" И я призналась ему, что молилась Господу, чтобы Он дал мне силы выстоять у стола с больной, чтобы и у доктора получилась операция, чтобы женщина была спасена. И он поблагодарил меня за все. Не дай Бог, испытать такое, быть при операции, еще раз! Но, слава Богу, все обошлось. Сейчас не верится, что это я была вместо медсестры!...

Когда я работала в больнице в Кульдже, то сильно брезговала. Приду домой, все с себя сниму, вымоюсь, и только потом сажусь кушать. Но на работе уборщицей и вместо медсестры помогала хирургу, в перерыве кушать не могла и голодала. А сейчас лучше бы работала (2002 год), не сидела бы без движения. Но, беда, ноги не хотят меня слушать и ходить! А в больнице, тогда (1932 год) голодала целыми днями и только вечером кушала дома. Один раз пришлось помогать врачу, когда надо было спасти женщину. При родах ребенок задохнулся. Вот я насмотрелась ужаса! Ведь я стояла рядом, подавала инструмент врачу и видела, как он работает: удаляет одну руку, потом голову, плечо и другую руку, тело и ноги ребенка... А врач, в это время напевает, а может и молитву читает. Я после операции и говорю доктору: "Такая трудная была операция, а вы поете?" А он мне и говорит: "Чтобы легче было моим рукам, я всегда пою. И еще, ребенок был мертвым, и надо было спасти женщину. Вот поэтому я был спокоен! У меня была надежда!"

Помнишь, когда я была у вас в Томске и водилась с Игорьком (1970 год)? Диме уже было пять лет тогда. И вот, я сижу в ограде дома (по улице Кирова 22), рядом с коляской, а Дима бегает вокруг. Тут, как-то, залез на железные гаражи. Бегает по самому краю крыши, радостный смеется и кричит "Гик, ги-ик!" - видно на лошадке себя воображает. Хотела, но боюсь, крикнуть, чтобы слезал, а потом думаю, вдруг от крика упадет. И смотрю за ним, недолго он бегал по крышам гаражей и сам

спустился вниз, подошел к нам и с Игорем стал забавляться. А еще помню, дома Дима залез с дивана на шкаф с одеждой и прыгает на диван. Я ему говорю "нельзя прыгать", а он снова залез и прыг! на диван. Боюсь, а не стала больше говорить ему, а Дима на этот раз не стал залезать, а занялся игрушками вместе с Игорем.

Я той осенью плохо себя чувствовала и собралась в Алма-Ату возвращаться. И еще, хотела уехать потому, что считала себя виноватой, из-за того, что заболел Игорь. Думаю, сглазила я его, или кто другой, когда гуляла с ним в сквере у дома. Я и сама радовалась и удивлялась, что Игорек такой крупный и здоровый, в коляску еле вмещался! И прохожие, иногда заглядывали в коляску и удивление говорили: "Вот, какой он здоровый, мальчуган!" - завидовали. Вот, после таких слов и мыслей заболел Игорь, температура у него повысилась, аж до сорока градусов! Дома носили на руках, давали лекарство. Поили-лечили, но не помогало ничего! Вот я и решила сходить в церковь, просить общину верующих христиан баптистов на Алтайской улице, помолиться за исцеление Игоря. Расспросила соседей, как дойти до церкви. Пришла, попросила. Братья и сестры так, от всей души, молились, что я почувствовала в церкви духовную поддержку на сердце - радость великую! Никогда еще со мной не было такого, и я уверовала с новой силой, что молитва исцелит моего внучика! Прихожу домой, (ходила пешком от Кирова до Алтайской), а Игорь сидит в кроватке и играет с игрушками. Температура снизилась, что была долгие дни, и на следующий день ребенок совсем выздоровел. Внутри себя, я помолилась, благодарила Господа Бога нашего и вознесла хвалу Ему... Боялась еще раз сглазить здоровье внучика, поэтому я твердо решила уехать из Томска в Алма-Ату к своим детям. А тут еще осень была сырой да промозглой. Думаю, повидалась с внуками, поводилась и пора домой. Там, тоже другие внуки и внучки ждут моих рук, ждут, не дождутся моего возвращения...

И еще скажу, в моей одинокой долгой жизни с малыми детьми, меня всегда выручала и помогала мне молитва. Слова обращенные к Господу Богу нашему, всегда находили отклик в моей душе и Господь был опорой в моей трудной судьбе, давал помощь и успокоение, надежду на жизнь лучшую. Ибо сказано: "По вере вашей и делам, дано будет вам!" Без веры

в Господа Бога и без молитвы, думаю, я не смогла бы прожить такую трудную жизнь. Подумать только, девяносто лет!..

Отец мой Гавриил Васильевич любил чистоту и порядок, но не брезговал. Однажды, после обеда он попросил меня дать квашеное молоко. Я взяла на кухне кринку с простоквашей, сняла крышку и вижу, какие-то черви белые шевелятся поверху. Думаю, уж-змеюка набросал, что живет у нас в подполе. Я сказала отцу, может чаю подать? А он мне говорит: "Подавай молоко!" Взял, ложкой сверху червячков из кринки выбросил в поганое ведро, налил простокваши и выпил, закусывая хлебом. Вот так! А мама, часто готовила кашу из пшена или дробленой пшеницы. Но сначала она промывает в трех водах ее, потом выложит в сито и еще раз зальет водой, а потом уже в казанок и в русскую печь поставит. Подает она на стол кашу с подсолнечным маслом. Вот, до сих пор я уважаю пшенную кашу без молока.

Когда я вышла на пенсию, то устроилась работать техничкой на городское кладбище, от нашего дома недалеко через улицу Ташкентскую. Часа два работала, в кабинетах, в основном, бумагу собирала и протирала пыль на мебели. И однажды, после работы решила перебежать быстрее машины через улицу. Уже перебежала и у самого бордюра упала из-за резкой боли в животе. Зина, дочь моя, стояла у дороги, встречала меня, потом позвала Валю. Та вызвала скорую помощь... И отвезла на операцию в больницу. Врачи сразу положили меня на стол и стали резать живот. Оказался разрыв болони и ущемление кишки. Врач спокойно заправил кишку через разрыв болони и говорит; "Как себя чувствуем, бабушка?" "Хорошо - говорю. - Вот только дышать нечем. Студенты окружили и воздуха мне не хватает!" Операцию делали и показывали студентам. Потом меня отвезли в палату и скоро выписали из больницы. Кроме этого мне делали операцию аппендицита. Тоже быстро справился хирург, вырезал и показал отросток. Слава Богу, обошлось без осложнения и в первый, и во второй раз. А больше не помню, чтоб мне делали операцию.

Когда я помыла на пенсии, то часто посещала собрания баптистов Алма-Аты, но только по утрам. Ведь вечерние собрания заканчиваются поздно, темно у нас в восемь часов вечера. Один раз я задержалась и

душой вся истомилась, переживала за детей и внуков своих, а они беспокоились за меня.

16 августа

Когда я ездила в гости в Андреевку под Талды-Курган к брату Петру, то мы вспоминали о жизни в Усть-Куюте. Лет пятнадцать было ему, когда он спас отца и всю нашу семью. А было так. Тогда "белых" выгнали со всей округи на Алтае и только в одной Курреевской волости власть держали белые. Штаб отряда белых был в селе Куреево озеро, недалеко от Усть-Кююта. Вспомнили мы с Петром, как приехал нарочный из волости и приказал отцу и еще одному из села собираться и ехать в Куреево. Отец отказался ехать вместе с нарочным, а второй - поехал сразу. Нарочный был от штаба белых, которые остановились в Куреево. Там жили все больше татары да калмыки и зажиточные. Было чем кормиться и солдатам с офицерами, и лошадям. Отец просил нарочного, разрешить до утра побыть дома, и ему разрешили, а рано утром, он обещал, быть в штабе белых. Потому что отец догадался, зачем его вызывают в штаб, для расправы. Кто-то из сельских, накануне, доложил на отца, после его выступления на сходе в Усть-Куюте. Перед этим проводили собрание схода, чтобы решить: драться против красных, отряд которых был за тридцать километров от Усть-Кююта, в Сайдыпе, или идти в лес с отрядом белых и воевать с красными? Один из сторонников белых призывал нарезать гвоздей, собрать все винтовки и выступить против красных с отрядом белых. Другие - молчали. Отец был старостой общества, не вытерпел, встал и сказал при всех: "Братцы, красные всю шубу уже взяли, удержимся ли мы за воротник?"... Вот, за такие слова, теперь отца ждало наказание.

Мама и вся семья, в слезы, ревели и не знали, что делать. А отец подозвал старшего сына и говорит: "Петро, в Сайдыпе остановился отряд красных. Садись сейчас же на коня и, осторожно, лесом, логом, скачи к ним в штаб. Писать им записку не буду, поймают белые если, то тебя и нашу всю семью сразу расстреляют! Передай все это на словах". И добавил: "Отряд белых в Куреево гуляет и не ждут они красных. Укажи им близкую дорогу и будь осторожен". Взял Петр коня без седла, вроде бы как на выпас повел, не спеша, потихоньку выехал из ограды... и в лес! А там, во весь опор помчался! Ветки хлещут по морде коня и по лицу

Петра! На свертке у соснового бора рубаха зацепилась за сучок и чуть не сбросила Петра с коня. Ночь была звездная, и видно было далеко, а Серко чутко выбирал дорогу. К полуночи Петр был у окраины Сайдыпа! "Сто-ой!" - услышал Петр от крайнего дома. А конь несет так, что нет сил у Петра, чтобы остановить его. "Вжик, вжи-ик!" - слышит Петр, как пролетели пули над головой. Вдруг, конь споткнулся, и Петр кубарем полетел под стенку избы. К нему подбежали красные бойцы, подняли на ноги, руки за спину и повели в избу. Конь уже стоял на ногах и его держал за узду тот, который выстрелил в Петра, часовой. Немного отдышался Петр, ему дали воды попить. А потом пытаются: кто ты и откуда такой? Петр все и рассказал, как велел отец. "Покажешь, как ловчее и быстрее проехать до лагеря белых?" - спрашивает командир. Осмелев, после допроса, Петр ответил: "Я же для этого и приехал!"... Без шума, отряд сел на коней и скорым шагом помчался на Куреево, в объезд курортников...

А в это время, дома, отец взял ножницы, подрезал волосы на бороде, подравнивал усы. Взял новое, чистое белье и пошел в баню. Помылся и попарился в бане. Перекусил, чаю попил отец и сказал маме: "Спозаранку, если Петр не вернется домой, поеду в волость на телеге с Груней. Я ведь обещал нарочному. Я не хочу, чтобы вся моя семья пострадала из-за меня. Если что со мной случится, Груня пригонит коня с телегой домой". Сказал и пошел, лег на кровать. А мама и вся наша семья, всю ночь не спали. Затемно, мама приготовила узелок в дорогу. Отец лежал в комнате, не ворочался, не спал весь в думах. В доме стояла мертвая тишина. И каждый думал, успеет ли Петр на коне Серко добраться до отряда красных?! А что, если его поймали? Уже пытаются белые и едут, чтобы казнить отца и семью нашу?..

Отец встал у иконы и читал молитву. Перекрестился на икону несколько раз и сказал: "Господи, прости меня! Дай силы выдержать!" Мама и все дети тихонько читали молитву "Отче наш..." Мама вздрагивала и плакала после каждого слова молитвы: "Господи, Боже наш праведный, спаси и помилуй отца нашего и всю семью!"- Причитала мама, а мы повторяли за ней ... "Аминь!" - закончил отец и, следом, сказала вся семья. "А теперь, присядем на дорожку!"- сказала мама. Помолчали немного. Отец и Груня оделись потеплее. Была глубокая,

холодная осень двадцатого года. Стало светать. Отец запряг коня, вывел его с телегой за ограду и приказал не выходить из дому и не провожать. Бросили сена на телегу, сели с Груней и направились в сторону Куреево. Мама и вся семья, из окна смотрели, долго провожали взглядами телегу с отцом и Груней. Туман от реки Бии, скоро, совсем скрыл из вида отца и самую младшую дочь...

С болью в сердце и в надежде на Господа Бога нашего, семья ждала вестей целый день. И только вечером поздно домой вернулись в целостности и невредимости: Петр на своем Серко, а отец с Груней на телеге. Глазам своим мы не верили! Сердце и душа были в радости и в счастье, в благодарности к Господу!

Отец, не спеша, завел коня с телегой во двор, Петр расседлал коня Серко и пустил пастись на лужайку по двору. Сели всей семьей к столу и отец рассказал, как было в Куреево... Сосед, что уехал с нарочным белых накануне, был избит кнутом, а затем расстрелян солдатами белых. Это же ждало отца, если бы он не задержался дома до утра. А отряд красных, вместе с Петром, затемно, до утренней зари, успели добраться вдоль озера до стоянки отряда белых. У крайнего дома села во дворе горел костер, стояли солдаты, курили, охраняли штаб белых...

По приказу командира Отряда красных, слезли с коней и начали стрелять по окнам дома. Кто выбегал во двор, тех порубали. Кто успел на лошадь сесть, тех доставали из винтовки. И когда из соседних двух домов слышались крики и выстрелы, то по ним стал стрелять пулемет.

К обеду отряд белых был разбит... Когда отец с Груней приехали в Куреево, то увидели Петра на коне и рядом с командиром отряда красных. "Настоящий боец, Петро!" - благодарил отца командир, за помощь в разгроме белых и особенно за Петра. Снял буденовку и одел Петру на голову. Отец благодарил командира и сказал: "Этот день для меня стал теперь вторым днем рождения. Не успеешь ты до утра и меня бы казнили, как и соседа. Буду всю жизнь благодарить власть советов!" Этот командир отряда был Анатолием Николаевичем Молодцовым (потом мы узнали) и в тот год женился на моей старшей сестре Матрене. А тогда, отец забрал Петра и скорее поехали вместе в Усть-Куют к семье, чтобы обрадовать доброй вестью о спасении...

Помню, в тот год, я лесом бегала в няньки за три версты в селение Васильево. Уснут малыши, а мы со старшим сыном хозяина десяти лет идем за дровами в лес, собирали сухостой. Хозяйка готовила суп с курицей и картошкой и оставляла нам на печи. В округе Усть-Куюта хлеба не садили, а три брата Казанцевых, богатеи, сеяли хлеб за тридцать верст в степи и туда ходили работать взрослые. По дороге идешь, скука, от того, что нет деревьев и речки, одни горы лысые, один родник в логу. Ходили косить и вязать снопы хлеба и ставить в суслоны для сушки. Наш отец ни разу не ходил на уборку хлеба, ему хватало заботы на заводике. Здесь он готовил уголь древесный, деготь и вырабатывал скипидар, а потом менял свой товар на хлеб или овес, или возил скипидар в Бийск и сдавал в аптеку. Вот, если поедешь из Усть-Куюта мимо бора в сторону реки Бии, то дорога вправо, вниз по реке, приведет сначала в Сайдып, а потом в Бийск, а дорога влево, вверх по течению реки, приведет в селение Куреево озеро. Здесь были курортные места с давних времен и сюда приезжали отдыхать господа даже из Барнаула....

После смерти мамы, мне было лет семнадцать, и я долго плакала. А в один из дней я вышла на берег Малого Куюта и хотела броситься в воду и лишиться себя жизни. Стою на обрыве - на той стороне берег с могилками, вода в речке быстрая. И только хотела броситься в воду, как кто-то взял меня за руку и говорит: "Пойдем отсюда!" - и повел в сторону от реки. Я вся в слезах шла и шла, а потом успокоилась и смотрю, где мужчина, который вел меня от реки? Оглядываюсь кругом, никого нет. И думаю, не угодно было Богу, чтобы я погибла. Упала на колени и долго, долго молилась Господу Богу. Думаю, ангел хранитель спас меня и я жива до сих пор в свои девяносто с лишним лет.

А вот, мое приятное воспоминание. На третий год как мы с отцом перешли границу и жили в Кульдже (1933год), я была на собрании верующих. Помню, в этот день я заявила: "Братья и сестры, я готова служить Господу Богу и желаю принять Крещение!" В этих словах было мое покаяние в своих грехах. Ведь я себя в монашки записала и посещала собрание, молилась в любую свободную минуту дома. Я была безграмотной, изучала буквы и грамоту, когда нянчилась с детьми старшей сестры Нины в Куреево за Бийском. А потом читала Евангелие и так научилась грамоте и вере в Бога. Во всех своих делах я надеялась на

Бога и верила Ему. Помню, отец мой Гавриил Васильевич как-то сказал: "Ты бы отдала Яшу, пятого ребенка, другим!" Надо же было сказать отцу такое. Я этого никогда не сделаю и там, где четверо, там и пятерых воспитаю. И с Божией помощью вырастила вас и дала образование.

В то лето, на Троицу, всех молодых верующих собрали в церкви и одну из нас спросили: "Была бы ты с Господом, если вдруг умерла бы?" И она ответила: "Была бы!" А ее родители были сильно верующие. Я удивилась такому ответу девушки и задумалась, а смогла бы я так ответить? И вот, во время молитвы, услышала голос, не знаю откуда: "Приходящих ко мне не изгоню вон!" И я почувствовала, что получила прощение моих грехов, когда при молитве все тело горело и я, будто бы, стоя на коленях, поднималась все выше и выше к небесам! Сердце мое ликует! Будто с Богом говорила лицом в лицо, вот так, как сейчас с тобой. "О, прими меня, я Твоя!" - в мыслях у меня было. И услышала в ответ: "У Отца моего в обители, для всех места хватит!" - сказал, вроде как, Иисус Христос. "Господи, да будет воля Твоя!"...

Отец мой собирался второй раз жениться на Лизавете, когда мне было лет семнадцать. Она была воспитана в семье кержаков, староверов, а жила на мельнице по речке Большой Куют. А я расплакалась, вспомнила маму родную. И отец за это вывел меня в коридор из комнаты, а сам домой зашел. Обида меня взяла. Побежала я на берег речки и хотела утопить себя! Плакала и молилась! И, вдруг, голос внутренний услышала: "А самоубийцы не наследуют царства Божия!" Тут я, сразу, перестала плакать, успокоилась и отбросила мысли бросаться в речку с обрыва. Вернулась домой, начала чистить рыбу, которую наловил и принес отец...

Вот про моего отца Гавриила Васильевича можно много интересного рассказать. Деда у него в Тамбовской губернии звали Ионой и был тот крепким, "Бог силой не обидел", и глубокой веры христианин, то-ли из духоборов, то-ли из молокан, были такие верующие тогда там. Ваш дедушка тоже был крепкого здоровья, но на Чичаме, под горой, часто простывал и хворал, так как сырая была погода в горах. Поэтому в Чичаме мы жили недолго, лет пять, и переехали в Усть-Куют, ближе к реке Бии, где было семнадцать дворов. Здесь мой отец стал лучше себя чувствовать. Тут, под горой, выкопал яму, выложил камни и обмазал глиной, сделал печь и стал жечь сучки и бересту березы. Из этого

получался деготь, скипидар и древесный уголь. Мой старший брат Петро садился на подводку с коробом угля и ехал по деревням. Кому надо, тому продавал уголь, брали деготь те, у кого были телеги, а взамен товара давали меру пшеницы или муки. А скипидар отец отвозил в Бийск и сдавал в аптеку. Там, в городе, покупал соли, всякой мануфактуры, сахару, материи для шитья. Отец с сыновьями Петром и Николаем (они были уже взрослыми) заготавливали летом дрова из сушняка. Свозили сухой лес на поляну перед домом, а зимой мы с братьями и с сестрой Груней пилили и кололи дрова.

Однажды отец вернулся с охоты и принес из дупла семью пчел. Устроил их дома в улей и скоро развел пасеку. Помню, отец принес целую колоду меду и мы ложками ели мед, аж за ушами хрустело! С тех пор у нас всегда был мед на столе. А потом уже, когда мы с отцом уехали с Алтая в Китай, Кульджу, то отец и здесь завел пасеку в горах и кроме зимы, все время жил на пасеке. Как-то, осенью в Кульдже отец поехал на пасеку, а в дороге начался мокрый снег. На краю города он зашел в корчму и выпил холодной китайской водки- джуна. Ничего, себе подумал, пока еду, разогреет меня водка. Подъехал к реке Каш и оставил телегу у мельницы, как это делал всегда. А поклажу нагрузил на коня Серко и поехал до пасеки. Там Лизавета, мачеха моя, натопила баню, и отец хорошо попарил себя. Вроде бы полегчало! Отдохнул ночь и наутро собрал из ульев мед в две фляги и один бидон. На следующий день отправился в обратную дорогу и привез мед к нам. Мед во флягах продал в лавку, а за мед в бидоне я ему уплатила по той цене, по которой он сдал мед в магазин. Ведь отец вложил свой труд, ухаживал за пчелами, собирал мед и вез его в город, и я уплатила. А вот мачеха Лизавета не давала детям моим меда, держала его под своей кроватью. Такая она была.

Приехал с гор отец и, вроде, не плохо себя чувствовал, а ближе к зиме крепко захворал и слег, что-то стало с легкими. Трудно стало дышать. Ходили мы с ним к доктору, ему давали лекарства, и лечился он дома. Девять месяцев, до апреля следующего года, он промучился болезнью, лежал в больнице. И тут, перед Пасхой, в четверг, я пришла в больницу с чистой одеждой, с крашеными яйцами, булочками, чтобы переодеть его и поздравить с праздником. Поговорила с доктором, а он сказал, что ничем

отцу теперь не поможешь. Я тогда и решила забрать его домой. На кровати дома он лежал головой к окну на улицу, но ему не хватало воздуха. Он часто вставал к окну. Вот так, обопрется руками об швейную машинку и стоит у открытой форточки. А в груди у него что-то клокочет, булькает, хрипит!

А тут, в эти дни, приходит сосед Лисин Гришка, пьяный весь, руками махает. Кричит: "Отдай мое золото! А то ваш дом сожгу!" Стоит в дверях и не уходит. А я его стала выпроваживать и вывела со двора. Говорю Лисину: "Какое-такое золото ты от меня требуешь?" А он мне: "Я же вчера был у тебя и оставил золото, за то, чтобы купить твою квартиру!" "Нет, - говорю - никакого золота, ты мне не давал и даже не показывал. А только предлагал. Ты же, вчера, пьяный был, и я тебе сказала, чтобы продавать квартиру и получать деньги - нужны свидетели. Вот, приведи свидетелей, и тогда мы будем говорить о продаже. Тогда ты ушел от меня со своим узелком. И я не знаю, что было у тебя в том узелке!" И еще добавила ему: "Никакого золота ты мне не отдавал!" Лисин опять начал кричать и угрожать, что подожжет наш дом. Тут уже вышли соседи Полтавские и Дрепаковы, у которых жил Лисин, увели его домой. Только потом, когда моего отца, а вашего дедушку, похоронили, Дрепаков сказал мне, что узелок с золотыми побрякушками он нашел в сене, куда запрятал его Лисин. А сразу почему-то об это не сказал мне. Думаю, из-за этого Лисина дедушка и скончался на следующий день, после угрозы сжечь наш дом. Дедушка ведь стоял у открытой форточки и слышал эти крики и угрозы, сильно переживал и за детей и за меня. А как же? Отца вашего два года как не стало, погиб на фронте, и некому было защитить семью от пьяного.

В тот день дедушка стоял у форточки и я ему говорю: "Вы может, ляжете на кровать, отдохнуть?" И помогла ему дойти до кровати. Он сел, а я побежала к русской печке и наказала старшей дочери Вале, последить за дедушкой. У меня в это время поднималась опара, для дрожжей, которые я готовила и продавала тем, кто сам готовит хлеб. Только добежала до печи, и слышу Валя кричит: "Мама, дедушке плохо! Кровь бежит!" Я бросила все, забегаю в комнату и вижу: дедушка лежит головой на подушке, повернул ее на левую сторону и изо рта кровь бежит густая на подушку и на пол. Я схватила его за плечи, подняла голову

повыше и слышу, мне говорит: "Вот, прожил ровно семьдесят лет, все больше старался делать для себя. Богу мало служил. Продлил бы Бог мне годы жизни, то только ему бы и служил... Господи, прости... меня"..- сказал и закрыл глаза... Сердце мое сжалось, а плакать я не могла! Знала, если плакать стану, то у меня сердце схватит приступ, а рядом пятеро детей! На кого они останутся?! Ведь старшей дочери только девять лет, а младшему сыну второй год пошел? Раньше, когда дедушка еще живым был, то наказывал продать быка, если он скончается. Я так и сделала. Попросила соседа мужчину продать быка и помочь в похоронах. Помогли мне и братья с сестрами из общины баптистов. Только я не ездила на кладбище и была с детьми дома.

Ваш отец Иван Лукианович Долдин (Долда) родился в конце июня 1911 года в селе Кривошеевка под Талды-Курганом, где-то перед Иваном Купалой (25 июня ?) 1911 года. Место это около границы с Китаем в горах, а на той стороне гор по реке Или есть город Кульджа, где мы с ним и встретились. Он мне рассказывал, что его дед Лука Долда, вместе с семьей отца Иакова, в давние времена переселились из центра России и живут по границе. Отец Ивана Лукиан имел четырех сынов: Гавриила, Димитрия, Павла и Ивана. Маму свою Иван не помнит, она скончалась, когда ему было всего два года. Отец его скончался, это он помнит, когда ему был двенадцатый год (1923 г.). У них в хозяйстве было немного скота, да и тот забрали при коллективизации в общественное стадо. Отец Ивана от расстройства зашел в кабак, напился с горя и по дороге домой угодил в арык с ледяной водой. Осень была холодная, вода уже льдом затянулась. Одним словом, отец простудился, заболел, слег и вскорости скончался.

Иван воспитывался в семье старшего брата. Старший брат Гавриил был уже женат, имел двоих детей и взял Ивана нянчиться с детьми. Маленький и щуплый был Иван, а любил играть с ребятами в казаки-разбойники. Бывало, летом, выведет троих ребятишек братовых на огород, закроет ворота и бе-егом! играть со сверстниками. Наиграется, прибежит домой, даст поесть, что родители детям приготовили, и спать их уложит. А взрослые возвращались поздно с сельских работ. Как он рассказывал, в школе не обучался, а читать научился по буквам, когда

разглядывал маленькие книжки с картинками у старшего брата. А как подрос и мог топор держать в руках, так стал работать в артели строителей. Строили мельницу, дома для односельчан и других. Пришлось и плотничать, и стеклить, и печи класть, и другие каменные работы выполнять. Одним словом, все делал по стройке.

А тут, подошло время, и его, Ивана, призвали служить в Красную Армию на границе с Китаем. Подобрали добровольцев и вместе с офицерами направили в город Кульджу, помогать Мао цзе дуну, устанавливать народную власть. По приезде в Кульджу офицеры стали агитировать местный народ русских, уйгуров, казахов, таранчей в помощь Мао. В тот год (1934г.), там шла дунганская война. Призвали в армию Ивана и старшего брата Гавриила и направили в Кульджу помогать китайцам.

Потом, Иван рассказывал, дунгане подняли восстание и с винтовками, пиками, саблями, топорами и ножами бежали с горок по улицам города с криками "Аллах. аллах!" Громили лавки, поджигали, а если встречали на улице русского, казаха или китайца, то кололи, рубили и стреляли. Иван видел потом фотографии, где видно было кучами лежали убитые с отрубленными руками, ногами, головами... Во время той войны брат Гавриил погиб, а Ивана Бог хранил, и он остался живым. Поэтому Иван через десять лет так рвался на войну, как он мне говорил, чтобы отомстить китайцам за своего старшего брата Гавриила. Пошел воевать и не вернулся живым и здоровым...

Не многие русские, кто приехал из России помогать народной власти, остались в Кульдже. Кто-то вызвал из Союза свою семью, кто-то, у кого не было семьи, завел ее здесь. Вот так и мы с Иваном познакомились в Кульдже, когда мне было уже двадцать пять лет, и работала я в прислугах.

Однажды, Ольга Грекова, сестра по общине баптистов в Кульдже, пригласила меня к себе на чай. После собрания, в воскресенье, к обеду сидели мы вместе у Грековых дома. И тут заходят Пасюгины, брат и сестра, а вместе с ними Иван. Тогда я еще его не знала. Мы их начали приглашать к чаю, а Пасюгины и говорят, что не за этим они зашли, а хотят свататься ко мне. Вот, думаю, Ольга устроила мне чай! И молчу, жду, что дальше будет? А тут, Ольга начала хвалить Ивана, что он уже в

Армии служил, на войне дунганской воевал, знает толк в стройке. Иван, это брат ее бывшего мужа Гавриила, который погиб в войне. Но умолчала она, что Иван был женат в России, у него была семья, а теперь он разведен. Я слушала, слушала, а про себя думаю: на вид Иван, щуплый мужчина, ни слова не сказал, как вошел в комнату, может он немой еще? Потом я попрощалась с Ольгой, а с Пасюгиными и с Иваном вышли на улицу. Пасюгины жили на горке против Грековых и пошли домой.

Тут Иван и спрашивает меня: согласна ли я сочетаться с ним? И объясняет, что может содержать семью, хорошо зарабатывает на стройке, стеклит окна, плотничает. "Заведем лошадь, дрожки, корову и дом построим" - предлагает мне. Слушала я, слушала и сказала: "Хорошо, подумаю я - до завтра." И разошлись по домам. А назавтра к вечеру приходит ко мне на квартиру и говорит: "Пойдем на регистрацию!" А я ему: "Я же, пока не согласна!" А он мне: "Ты же не отказала мне!" - и уже строжится, вроде бы как, хочет кулаками побить меня. Тут, я вижу, и не такой он щуплый. И голос крепкий! И сказала ему: "Горе ты мое и счастье мое! Только мы должны еще сочетаться в церкви!" Он согласился. После этого мы пошли и зарегистрировали свой брак и сочетались в церкви. А потом посещали вместе собрание баптистов. И только со временем Иван мне рассказал, почему он торопился с нашей свадьбой. В родне его были двоюродные братья, и пили вино крепко, пьяницы, и я могла подумать плохо о нем и отказать.

Про себя, намного позже, Иван рассказал мне. Один день он был на стройке. Приходит с работы, а в доме полно пьяных мужиков, жена торговала самогоном. Отец этих мужиков всех выгнал, а своей первой жене сказал: "Ты оставайся дома, а я пошел к брату Гавриилу в Китай!" Только пришел в Кульджу к брату старшему, его сразу взяли в Армию, и он отслужил там два года. Тут случилась дунганская война и он с братом воевал вместе с русскими бойцами. Брат попал в плен к китайцам и его казнили. Вот Иван и рвался на фронт второй раз, говорил: "Пойду, отомстить надо за брата!" Но его ранили во время стрельбы. И погиб он не от пули, хоть и попали в него две пули, а из-за потери крови на столе хирурга. Сделали ему укол и разрезали холку до кости, хоть вторая пуля попала в пояс, а первая застряла в рукаве тужурки. Но, видать Богу было угодно, такому случиться и он погиб, оставил меня с малыми детьми...

К этому времени, перед сочетанием, у меня накопились деньги, пока я работала в прислугах. А потом купила швейную машинку и шила платья на дому. У Ивана тоже были деньги. Мы сложили их и купили материал для стройки дома. Иван съездил в город Урумчи, выхлопотал план на дом и разрешение строить его. Уже договорились с соседями Моловиковыми по улице Колодезной, недалеко от советского консульства, на счет земельного участка. Отец уплатил им деньги за землю. Радостный, такой, приезжает из Урумчи, а дедушка как раз приехал с пасеки с медом. Думаю, слава Богу, жить будем вместе. А на следующий день, утром, заходит к нам кузнец Федоров, что на углу базара и Колодезной держал кузницу. Говорит отцу: "Вот вам ваши деньги за землю Моловиковых. Я заплатил за нее раньше вас. Здесь будет двор Дрепаковых (соседей) и моя мастерская с кладовкой для железа и инструмента. А вы ищите себе для дома другое место". Оставил деньги и ушел. Отец сильно расстроился, аж заплакал: "И куда теперь девать материал для дома? Опять ехать в Урумчи и править разрешение с планом дома?" Я ничего не сказала, а пошла к Моловиковой и та говорит, что правда Федоров раньше хотел купить эту землю. Тогда я пошла к Дрепакову, соседу и брату по общине. Рассказала ему все, как случилось, долго говорили. И он мне сказал: "Сестра, стройте себе дом на этом месте. А я отказываюсь от этой земли. Мне хватает своего двора, хоть он и узкий." Поблагодарила я Дрепакова за доброе сердце и попросила сказать про наш разговор Федорову.

Побежала скорее домой. С радостью вошла в комнату и рассказала Ивану и отцу все, что успела сделать. "Земля наша!" - говорю. Иван обрадовался, отец мой улыбается, а ничего не говорит. А на завтра они, вдвоем, начали ставить толстые бревна на основу дома, городить стены из досок и горбылей, а внутрь, меж досок, забивать камыши. Набили дранку, глиной замазали стены изнутри и снаружи, а посреди дома поставили печку с лежанкой. В общем, за лето дом поставили, а между стенкой дома и забором еще и русскую печку сложили, для готовки своего хлеба. Это уже потом, Иван построил сеновал, крышу для сена, скотины, над погребом и над ларями для муки и пшеницы. Здесь, в этом доме, на улице Колодезной, все вы, дети мои, и родились. И мы жили там до отъезда в Советский Союз (1955г.) на целину.

А жили мы с Иваном, как говорят, душа в душу. Заработает он денег, все принесет и говорит: давай, купим то-то, а я ему - и я тоже, подумала об этом. Например, купить материал ишить рубашек и платиц для ребятишек, или купить угля, дров на зиму, или купить корову, чтобы ребятишек молоком поить. Однажды сказал, правда: "Брось ты шитье, хватит того, что детьми занимаешься, (а их было уже четверо) и еще делаешь и продаешь дрожжи. Но потом решили, что я шитьем буду заниматься. Тяга к нему у меня, тем более, что шила я без примерок, на глаз схватывала все размеры и записывала. Сижу допоздна и на завтра - платье готово!

Помню, однажды, прибежала к нам жена Василия Долдина, двоюродного брата Ивана. Жалуется, напился Васька и так побил ее, что два ребра сломал. Мы с мужем оба дома были. Я и говорю ей: "А ты его выгони из дому. Закрой ворота. И пусть он идет туда, где напился!" Еще немного поговорили, и она ушла домой. Тут Иван и спрашивает меня: "Правда, ты меня непустила бы домой, если я пришел бы пьяным." А я уже знала с его слов, что в молодости он пил хлеще своих братьев. Но после нашего сочетания, он мне сказал: "Только смерть теперь может нас разлучить!" И не было такого, чтобы он пьяным приходил домой. И ответила я ему: "Перед тобой, пьяным, я бы заперла ворота, непустила бы к детям. И иди ты туда, где вина набрался! И не думай, без тебя, одна, воспитаю ребятишек, подниму на ноги. Ведь я хорошо зарабатываю на шитье платьев и продаже дрожжей!" Смотрю, он задумался. Заулыбался и говорит: "Знаю, что с тобой дети не пропадут. А вот, если с тобой что случится, детям трудно будет со мной и мачехой, которую я приведу домой. Прости меня! Я шутил, когда спросил: если буду пьяным, как поступишь ты?" И больше с Иваном мы не говорили об этом. Да-а... И прожили мы вместе всего восемь лет. Мало! Но видно Богу угодно было отпустить нам восемь лет совместной жизни!...

Помню, перед тем как уйти на фронт, отец ваш говорит мне: "Знаешь, видел сон и не знаю, рассказать тебе про него или не надо? Я и говорю ему: "Говори, говори, а что должно быть с нами, то одному Богу известно!" Иван Лукьянович и рассказал про свой сон. Вот, идем мы с тобой по дороге. И вижу я, вдалеке стоит домик. Я и говорю тебе: "Пойду, посмотрю, кто там живет!" А ты мне говоришь: "Нет, не ходи!

Нам домой надо идти, к детям!" Но я пошел. Подхожу, открываю дверь, а там сидит... мой старший брат Гавриил. И я ему говорю: "Вот, я и пришел к тебе!" - и вошел в домик... "К чему бы это?" - спрашивает Иван у меня. А я думаю про себя: десять лет прошло, как убили старшего брата на дунганской войне. Это не к добру, такой сон! И боюсь сказать ему об этом. "Не надо ходить тебе на фронт! - говорю ему. - Подумай о детях, останься дома!" А он мне и говорит: "Вот, я был уже на дунганской войне и живым остался! А теперь хочу пойти, отомстить врагам за брата!" "Так ведь враг, теперь, другой! - говорю. - Раньше с дунганцами дрались, а теперь китайцы между собой, Мао и Чан-кай-ши! Кому собираешься мстить?" А тут, еще по улицам развесили объявления, что тех, кто не пойдет воевать за народную власть, Мао приказал расстреливать! Вот отец и говорит мне: "Не хочу, чтобы меня расстреляли, как предателя! Пусть погибну, но на фронте!" "Значит, ты хочешь исполнить свою клятву мне, "только смерть нас разлучит", которую давал при сочетании. Поэтому идешь на фронт?" - сказала ему... И он... ушел воевать...

Осенью отца вашего забрали на фронт (1944 г.), а в конце декабря его ранило, когда он подносил снаряды и пули в окопы. А ведь много мужчин, у кого были семьи, не пошли воевать и никого из них не наказали. И зачем Иван пошел на верную смерть?! Его не убили сразу, а только ранили. Враги стреляли так, что попали в бойницу, за которой был отец и другие солдаты. В него попали две пули: одна в рукаве тужурки запуталась и потом выпала в больнице, а вторая пуля попала в правый бок, но сначала ударилась об снаряд. Отец держал снаряд в правой руке и пуля рикошетом попала под ремень на поясе. Из окопа отца привезли в больницу, и там принимал доктор - татарин, к которому я обращалась до войны...

Тогда ты, Коля, простудился, когда прыгал в кроватке у открытой форточки. Доктор отказался дать для тебя рецепт на лекарство и сказал: "Если всем давать хорошее лекарство, то всей аптеки не хватит на больных". А я ему сказала: "Вам что, для детей жаль лекарства. Вам важнее аптеку сохранить!?" Поругалась с ним и ушла. В соседях у Аксариных жила тоже доктор и я пошла к ней. Русская, она выслушала меня и выписала рецепт на лекарство для тебя. И я купила лекарство в аптеке у консульства. А второй раз я сама заболела и пошла к доктору, а

там оказался опять татарин! Я попросила его лекарства выписать, а он мне говорит: "Такого лекарства нет в больнице, но есть у меня дома. Пойдем ко мне домой и я вам дам." "Не нужно мне вашего лекарства! И не пристало мне ходить по домам за ним! Вы издеваетесь!? А не лечите людей!".. По-овернулась и ушла домой. Не помню как, но болезнь тогда прошла, как-то сама собой. Но поведение доктора мне запомнилось надолго...

И вот, свела судьба Ивана Лукиановича с этим доктором - татаринном. Я, когда пришла проведать отца в больницу, то он мне говорит, что скоро неделя, а со мной ничего не делают. Тогда я пошла к доктору и попала на татарина. Говорю ему, чтобы посмотрел отца и может удалил бы пулю. А он, сразу дает команду санитарам: "Везите на стол раненого!" Тут же, при мне, начали резать холку, ягодицу. Вот так вот, крестом, развалил мясо! А пуля, ведь в пояс попала? Я знаю. Лежит отец на столе, кровью истекает... И я тогда, как закричу: "Что вы сделали? Человека зарезали! Я, безграмотная, и то понимаю, что нельзя резать ногу, если пуля в пояс, в живот попала. Если бы я не была верующая, то натолкла бы стекла и засыпала бы ваши бесстыжие глаза. Вы убили моего мужа!" Расстроилась, заплакала и вышла от врача. А врач дал команду отвезти отца в палату: сложил разрезанные куски мяса холки, забинтовал, и зашивать не стал. От большой потери крови отцу стало еще хуже. И когда я, на утро, пришла его проведать, то он мне сказал: "Пуля булькнула в кишки. Плохо мне... Береги детей, себя береги ради детей... Умру если, то у ног Христа свидимся" - и замолчал... Было поздно. Я попрощалась с отцом и пошла домой. А наутро он скончался... "Не плачь - пока горя нету, еще наплачешься, когда горе придет в беде" - надо помнить и размышлять.

А еще, был случай со мной в Джамбуле, когда я работала на "Швейнике". После ночной смены, в пять утра, шла я домой и в голове одни мысли, что мало зарабатываю, даже на хлеб не хватает. Расстроилась, иду и ничего не слышу и не замечаю. Остановилась на рельсах переезда железной дороги, поднялась по насыпи и, сил нет, спуститься на улицу Луговую, у камышов, где я купила старую мазанку. Чувствую, какой-то мужчина в сером костюме, взял меня за руку и повел с насыпи. Только сошли с пути, а следом промчался поезд, за нашей

спиной! Тут только я очнулась от дум и поняла: не сойди я с пути, и поезд раздавил бы меня! Не помню, как вошла в дом, опустилась на колени и долго плакала и молилась: "Господи! Слава и благодарение Тебе за мое спасение! Ты спас меня ради детей моих!.. Как же нам жить дальше, если я зарабатываю меньше ста рублей, хоть и делаю полторы ставки! Дай сил устоять на пути, укрепи и поддержи во всем!" А я тогда правда, делала полторы нормы на воротниках рубашки. Вот из-за такого безденежья я и пошла, искать новую работу уборщицы на вокзале.

Знаешь, переживала я и очень расстроилась за то, когда сдала вас с Ниной в детдом в Джамбуле. Один раз, на работе в швейной мастерской так устала, что задремала во вторую смену. И приснилось мне: идет какой-то мальчишка, и я его спрашиваю: "Ты не знаешь, где моя дочь Нина?" А он говорит: "Пойдем-те, я вам покажу." Идем, вроде, по нашей улице Луговой и он показывает в сторону от дороги на бугорок земли. "Вот там она находится." Я ка-ак закричу и проснулась... за швейной машинкой. Заплакала и не могу успокоить себя. Тут прибежали работницы со всех соседних швейных машин. Успокаивают и спрашивают: "Что случилось? Палец себе пришила к платью?" А я... сказать не могу ни слова. Плачу! А потом успокоилась и рассказала про свой сон о дочери Нине. Вот так переживала за вас двоих, что сдала тебя с Ниной в детский дом.

Сегодня девятое августа, ко мне в комнату через окно светит ясное солнышко! А мне мама рассказывала, когда я родилась, была такая же погода. Тогда наша семья из Тамбова добралась в селение Мысы за Барнаулом, шла жатва овса и погода стояла жаркая. Это был день перед праздником жатвы или еще говорят третьим Спасом. К этому празднику заканчивали жатву хлеба и овса, яблоки в садах созревали и их святили в церкви. Вот поэтому, когда в Кульдже мне выписывали паспорт в русском консульстве, то старые люди в церкви посмотрели, когда был третий Спас в 1910 году, и записали 10 августа, как день моего рождения. Хотя точно я не знаю, делали ли запись о моем рождении в церкви. Мы ведь в Мысах были проездом, и нам надо было ехать до Чичама Бийского уезда.

А отец и мама с нами, детьми, после моего рождения задержались до холодов в Мысах. Отец сделал временку из жердей и обмазал глиной,

чтоб дождь и ветер не донимали нас холодом. А потом нам разрешили занять половину свободного дома, где мы зимовали и прожили несколько лет. Помню, мне было лет шесть, младшая сестра Груня уже была и бегала со мной. Она родилась через год после меня. Отец все больше промышлял охотой. Готовил петли из волоса от хвоста коня, ставил капканы на зайцев, бурундуков, хорьков. А еще готовил отраву с маслом из хины для лисы. Бывало, уйдет отец с раннего утра и домой заявляется с собакой затемно. Мама ругает его за это, а отец и рассказывает: "Подходим с собакой к месту, где отравка лежала, видим, кто-то съел ее, и след лисы уходит в сторону горы. Собака взяла след и долго мы блудили, пока не увидели лису под кустом. А пока домой шли и солнце село. Вот, посмотри! Какая шуба будет из этой лисы!" - и достает из мешка ее. Мама уж успокоилась, рада, смотрит на зимний рыжий мех лисы. А мы, тут как тут, тянем руки - пощупать мех! Нам позволяют и мы рады этому! Потом отец собирает мелкие шкурки и сдает в городе, а привозит оттуда продукты и нам в подарок сладости разные...

Помню, шестой год мне шел, когда отец и мама с семьей сложили весь свой скарб на телегу и поехали в Чичам. Отец и мама с Груней сидели на телеге, а мы с братьями бежали рядом по дороге от столба до столба. На столбах были провода, и нам интересно было слушать, как звенят провода, когда приложишь ухо к столбу. Ночевали в Васильевке, так говорил отец, а на следующий день приехали в Чичам. Остановились в доме у хозяина, с которым отец договорился купить дом. Да и дом был небольшой: большая комната с печкой и холодный коридор с сенками. В тот день отец поехал в Куреево, где была управа волости, и получил по путевке подъемные деньги.

Тут же, сразу, на эти деньги, отец купил корову с телкой, сахару голову, зерна, овса, муки, соли, материалу для рубашек и платиц, пороху и патронов для охоты, топоры, пилы. Приехал домой и говорит: "Вот, только двадцать пять рублей царских осталось от подъемных денег. Шел год, когда царские деньги заменялись на керенские. На завтра отец пошел в сельскую лавку, а там не берут царские, говорят: пришло указание принимать только керенские. Царя, говорят, свергли с престола. Отец и рад тому, что успел все деньги потратить на покупку дома, продуктов и скотины. И последние двадцать пять рублей отец отдал мне на хранение.

А я вместе с вырезками из журнала, фотографии царской семьи, свернула деньги и залезла на чердак, спрятала под стреху. А вырезки из журналов отец делал потому, что многие ему говорили, "как он похож немного на царя Николая".

Недолго, всего пять лет, отец и мать с семьей прожили на Чичаме. И однажды отец приехал из Усть-Куюта от Бушуева, своего знакомого, и говорит: "Собирайтесь, будем переезжать в Усть-Куют, а дальше уедем в Семиречье. Он же, последнее время, весной и осенью, часто хворал и хотел уехать с гор в степь. Быстро собрали свой скарб на две телеги, скотину привязали, договорились продать дом знакомому Бушуева. Но тут, из волости пришел указ: никого не пускать из Чичама. Идет война. Тогда отец и говорит нам: "Ну, если в Семиречье мы не уедем, то в Усть-Куют уехать нам никто не запретит!" И правда. В Чичаме, кто жил, тот не имел пахоты, а арендовал землю за пять верст рядом с Усть-Куютом. В Чичаме крутые горы, лес да кустарник, речка и надо было разделять лес, чтобы садить хлеб, картошку и держать огороды. Мне уж двенадцать лет исполнилось, когда наша семья переехала в Усть-Куют. Отец продал дом в Чичаме и тут же купил хороший дом из бревен. Раскатал его с сыновьями и Анатолием Николаевичем (мужем старшей сестры Нины). На двух телегах волоком перетащили бревна из Чичама и поставили добротный дом на берегу речки Малый Куют. В доме была большая общая комната, из которой две двери. Одна дверь вела в комнату, где всегда было солнце и жили там Анатолий Николаевич с Ниной. А другая дверь была ближе к общему входу и вела в комнату, где после свадьбы Петро с Раисой. А мы с Груней и Николаем жили в большой комнате вместе с отцом и мамой. Спали на полу, на постели, но я, чаще всего, спала на лежанке печки.

Отец сделал большую русскую печь из сбитой глины, в нее меня садили лечиться и я не доставала головой до верха. Мама меня парила, когда я болела. А это было часто в моем детстве. Печка долго не остывала, после того как мама вечером готовила кушать. Помню, вечерами пряли шерсть до позднего, а отец, устанет за день, после охоты или рыбной ловли, и говорит: "Хватит жужжать, а то сон весь прогнали. Ложитесь спать!" И мы с мамой гасили свет. Груня ложилась на пол вместе с мамой, а я забиралась на свою лежанку.

Однажды, среди ночи, наши собаки сильно разлаялись. Отец взял ружье и в сени пошел. Мы тоже, проснулись и прижались к окну во двор. Видим, отец стоит на ступеньках у входа в дом, а среди двора собаки хватают за холки серого волка. Ночь была ясная, и мы хорошо видели, как волк огрызается на собак, а сам все ближе к речке бежит. Потом по перекату Малого Куюта убежал на ту сторону в лес. Не успел волк погрызть скотину, а был рядом со скотным сараем. Но волк туда не смог бы забраться, так как отец сделал сарай из бревен, теплый для скотины. А ворота запирает сам. Только один раз волки зашли в огород и загрызли жеребенка, которого не загнали в сарай, и он пасся на траве в огороде. Проснулись от сильного крика жеребенка! Отец выскочил, начал стрелять в волков. Они убежали, но успели перегрызть ему горло. Жалко было, но ничем нельзя было помочь. Захоронили жеребенка в ограде, а я в том месте посадила черемуху и березку. И вот, когда я вышла на пенсию, мне было около шестидесяти лет, но я еще работала уборщицей в конторе на кладбище Алма-Аты. Я отпросилась летом у начальства, хотела повидать родных и места, где я провела детство. Недалеко от города Бийска. Собрались мы с Зиной, дочерью моей, и Галинкой, внучкой пяти лет. Купили на поезд билеты до Барнаула, а там автобусом до Бийска. Тут теплоходом, "Ракета" называется, быстро доплыли до Сайдыпа. И тут, родные брата Николая, встретили и на бричках повезли нас в Усть-Куют.

Больше тридцати лет прошло, когда я была здесь, но много домов осталось стоять, как и раньше. Во дворе дома, где мы жили, у окна, я увидела черемуху и березку, которую я посадила в детстве в память о жеребенке. Теперь они стали толстыми и своей листвой закрывают половину неба, так что в окно дома солнца не попадает. В доме Николая приготовили вареную картошку с салом, поставили капусту, огурцы, помидоры и вино. Но мы с Зиной не пили вина, а картошка была вкусной и нам понравилась! До поздней ночи мы разговаривали и вспоминали прожитые годы. А наутро в доме собралась молодежь, устроили проводы в Армию одному из племянников Николая. Пели, танцевали до упаду. А мы с Зиной и Галинкой ходили в лес и собирали оранжевые цветы, "жарки". На третий день попрощались с родными в Усть-Куюте и поехали к брату Петру и сестре Груне, которые жили в Андреевке и

Талды-Кургане. Там нас не ждали, но встретили, когда мы пришли по адресу, который оставил брат Петр.

Время это было перед Пасхой и я, по привычке, замесила тесто, напекла сдобных булочек и блинов, а хозяева приготовили яйца и куличи. У них никто, давно, не пек булочек, и я сказала: "Вот, теперь, я как дома, а вы у меня в гостях. Ешьте сдобу!" И они, правда, быстро смели все со стола. Народу-то было много! Собрались повидаться и поговорить и старшие и молодежь. Ведь, как мы с отцом моим, Гавриилом Васильевичем, и мачехой ушли в Китай в тридцатом году, так с тех пор и не виделись с братьями и сестрами. Больше тридцати лет прошло с тех пор. И когда я ехала к ним на Алтай и в Талды-курган, то думала: посмотрю, как они живут и может быть с семьей перееду из Алма-Аты. А тут, увидела, как живут на одной картошке в Усть-Кюйте и перебиваются без денег в Талды-кургане, и думаю: "Нет! Я работала в Алма-Ате тогда на фабрике "Швейник", а Нина моя, сначала, со мной, а потом, перешла к Славе, мужу своему, в пожарную охрану. Моя Валя давно уж институт закончила и работает химиком, а Зина, средняя дочь, трудится на заводе Шампанских вин. И куда нам бросать работу и ехать на село? Вот, съездила в гости, повидала родных и хватит! Нет желания, уезжать из Алма-Аты!" Сердце мое успокоилось, а то тянуло на родину, в те места, где родилась и провела юные годы! Вот и живем с тех пор в Алма-Ате на своей Курильской улице в доме с номером тридцать восемь. Ждем теперь родных гостей с Алтая, да из Сибири!

И еще помню, в Усть-Кюйте с родными мы вспоминали про маму нашу. Я рассказала, как во время свадьбы Петра с Раисой Руиной, поставили в баню бражку. И мама, хлопчет по дому, бегают, вспотеет и босиком в галошах, выходила во двор. Боялась, что молодежь приложится к самогонке и выпьет до свадьбы. Не доверяла ребятам. В хлопотах и заботе не заметила, как простыла и заболела после свадьбы. Зима ведь была на дворе. Отец наш ездил в Куреево с мамой к докторам, те сначала положили ее в больницу, давали лекарства, а потом сказали: "Забирайте домой больную. У нее и легкие и сердце надорваны, и мы не можем ничем помочь. Нельзя же заменить сердце больное на здоровое?" А мама никогда себя не жалела. Я не помню, чтобы отец свиньям ведра носил, всегда мама сама тащила ведра деревянные, наполненные с верхом

едой. Да и все хозяйство было на ней, отец только ходил на охоту и на рыбалку зимой, и заготавливал и сплавлял лес с верховьев Бии до Бийска, да управлялся с лошадьми. Правда, с сыновьями вместе он гнал деготь, смолу, скипидар и жег древесный уголь для кузнецов летом.

Вот, отец привез маму из больницы домой, а мне было тогда около семнадцати лет, и уложил на кровати. Долго она лежала и однажды просит поднять ее и подвести к окну. На улице солнце греет, снег лежит и на зиму не похоже, и она хочет подышать свежим воздухом. Отец поднял маму на руки и поднес к окошку. Она так ослабла, что не могла сама стоять. Немного постояли с отцом у окна, и он положил маму на кровать. Стал поправлять подушку, поднял маме голову, чтобы удобнее было лежать. А мама смотрит на отца и говорит: "Господи прости мне... устала я..." - и скончалась на этом. Умерла мама на руках у отца. А я, как закричу, и кинулась к ней. Плачу и рыдаю! А отец не подпустил меня к кровати. Отодвинул и говорит: "Если ты не успокоишься, то не дашь душе мамы спокойно уйти. Тогда мама будет очень мучиться. Ты же не хочешь, чтобы мама страдала? Успокой себя!" Вот эти слова отца успокоили меня, и я перестала реветь, хотя на сердце и в душе у меня была страшная боль. Тут соседи мужчины сами сколотили гроб из тесаных досок. Положили маму в него и поставили на скамейку посреди большой комнаты. А на следующий день хоронили маму, и я кинулась к яме, хотела, чтобы меня с ней похоронили. Случился у меня приступ на сердце. Дальше не помню... Отец говорил, что еле зубы мои разжали, чтобы влить воду в рот, и я тогда очнулась. Потом я долго хворала и не могла найти себе места. Но увидела во сне маму. "Живи с Господом и не переживай за меня!" - сказала мне. У меня как камень с души упал после этого сна. Я стала оживать, по хозяйству стала заниматься, не только дома, но и в огороде...

Когда было у меня свободное время по вечерам, то я просила у отца Евангелие и читала допоздна. Вот, помню, когда жила в прислугах в Кульдже, то хозяйка и говорит мне: "Почему ты читаешь Евангелие вслух? Мы тоже читаем Библию, но про себя." А я ответила: "Хочу, чтобы Господь голос мой услышал. Ведь молитвы, которые я читаю из книги, как будто мои и от меня обращены к Богу!" "Ну, читай, читай себе,

как знаешь". - сказала хозяйка и не запрещала мне ходить на собрание баптистов по вечерам.

И вот, в то время, сон приснился мне. Приходит бывший хозяин Дубина с женой и ругаются: "Что же ты нам не объяснила, как надо правильно читать Библию? А то, вот, мы попали в преисподнюю, в ад!" И наступают на меня, тянутся руками ко мне, хотят схватить. А я, вот так вот, подняла перед своим лицом Библию и говорю: "Господь защитит меня от нечистых духов! Вот, моя защита - Святое Писание!" И видения исчезли! А на душе облегчение и радость! Крепко верила я Господу Богу и надеялась во всем на Него. Поверьте и вы Слову Божию! Как была бы я рада видеть вас, детей и внуков моих, вместе со мной в церкви!

11 августа

Вот, сейчас, пошел мой первый день девяносто четвертого года. И я чувствую себя неплохо, только вот левая нога не хочет меня держать. Как становлюсь на нее, так она сразу подворачивается. Ну, еще пальцы левой руки не хотят меня слушать, как немые, деревянные. Может, от того, что в детстве часто болела? Вот помню, отец меня послал из Усть-Кююта в соседнюю деревню, километра три было. Мне тогда лет тринадцать было. Зачем отец послал, точно не помню, но надо было кого-то пригласить срочно. Дорога шла лесом и я немного боялась идти одна, поэтому побежала, как могла быстрее. Уже перед деревней запыхалась, пить захотела. А тут родник ключевой! Я пригнулась, легла на руки и напилась из ключа. Вода была холодная, приятная и тело мое скоро остудилось, Пришла я в соседнюю деревню, кого надо было позвала (кажется Ишковых), и обратно побежала домой. В тот день, к вечеру, у меня заложило горло, дышать стало трудно, температура поднялась! Мама пошла и позвала старичка целителя-колдуна (он по соседству жил) и попросила вылечить меня. Тогда в деревне много было колдунов из зырян. Помню, я лежала в постели, а старичок подошел ко мне и стал своими пальцами мягко давить-давить и гладить, сначала с правой стороны горла, а потом с левой стороны. Я чувствую, там были твердые комки, а потом, стали комки мягче, и дышать стало легче. Только я не помню, говорил он молитву или нет? Про себя, наверное, молился и исцелил мое горло. Ведь без молитвы такое исцеление быстро не

сделаешь! А потом, дал мне лекарство, аспирин или сульфадемизин, выпить и просил маму в баню меня сводить.

А мама приготовила деревянную кадочку из-под капусты, наложила туда какой-то целебной травы и залила кипятком. Когда вода в кадочке остыла, чтобы терпеть можно было, мама вынула траву и посадила меня в бочку. Она еще сверху накрыла меня простыней, чтобы я дышала теплом. Посидела я немножко и, чувствую, дурно мне стало. Я забарахталась! Стала простынь срывать с головы и совсем ослабла. Еле живую, мама вытащила меня из кадки и, скорее, на кровать! "Вот! - говорит мне потом. - Старичок тебя вылечил от хвори, а я чуть до смерти не запарила тебя!" Вытерла меня и уложила в постель. Вот, с тех пор, я никогда больше не пила воду из колодца или родника. Запомнила: ключевая вода и горло схватывает и зубы ломит, а то и сердце сжимает! Но, слава Богу, вот уж девяносто три года доживаю, а сердце держится.

Сколько я горя повидала, сколько пережила! Когда мама заболела и скончалась, а я хотела лечь в могилу вместе с ней. А потом, отца вашего схоронила после ранения на войне и осталась с вами четырьмя детьми и в положении с Яшей. Да и дедушка ваш умер, Вале только девять лет было, и осталась я одна с детьми в Китае Кульдже. А братья и сестры мои родные ведь остались в Советском Союзе!

В тот день, когда отца вашего хоронили, был четвертый день по Рождеству Христову. Погода была морозная. Я стояла у гроба и всех вас четырех прижимала к себе руками. Когда собрались крышку гроба закрывать, то я подошла, опустилась на колени и взяла руки отца, прижалась щекой к рукам его... Так вот, поглаживаю руки, и говорю: "И на кого же ты нас, сирот, оставил? И зачем же ты ушел на верную смерть? Просила же я тебя не идти на фронт! Но, видно, Богу угодно... И свершилось!" А сама, чувствую, как, будто, руки отца отвечают мне теплом. Они у него не были холодные! Не заостенелые как у покойника. А мягкие! И подумала я: может его, надо было, из больницы домой отвезти? Полежал бы он дома, отошел, а я его сразу на кладбище повезла? Ведь он обещал в последний день: "Выздоровею, уйду из больницы, вернусь домой и переделаю хату. Камышовый дом разберем и поставим из бревен, а сверху дома сделаем второй этаж, не хуже, чем у других! Сделаем комнаты для детей отдельно, для деда Гавриила Васильевича и

себя тоже, свои комнаты будут. Грамоте всех детей обучим, а то сами Библию читаем по слогам, безграмотные!"

Это, сейчас, я вспомнила, что отец мне всегда говорил, что грамоте не обучался и читать не умеет, когда я просила его почитать Библию. Я говорю: "Тебя послушаю, сижу за швейной машинкой вечером, а ты почитай мне Святое Писание." А он мне отвечает, что читать не обучен и не читал. А один раз, я пошла на базар. Отец оставался дома. Мы еще молодые были, одни без детей. Прихожу с продуктами домой, а его нет дома, но на столе лежит записка. И таким аккуратным ровным почерком написана, что "я туда-то и за тем-то пошел, не теряй меня". Вот, говорю себе, какой ты неграмотный! А писать-то умеешь красиво! Но я его не укоряла за то, что он мне не читал Библию.

А тогда он пришел домой радостный, какие-то дела у него сладились, обнял меня за плечи и хочет поцеловать. А я не любила целоваться вообще! Ведь на губах всякой заразы полно, когда плюешься или мухи садятся на лицо. А отец лю-любил целоваться! Схватил мою голову и не дает отворачиваться. Уронил меня на кровать и целует, целует вволю! А я ему: "Ну, хватит мучить меня! Я тебя тоже люблю и очень, но в душе! Ты же видишь, я с любовью делаю все по дому и готовлю еду, и прибираюсь, и шью по заказу. И многое другое делаю с любовью к тебе, чтобы и мне и тебе было радостно!" А он не хочет слушать моих слов и снова за свое. А я не люблю эти целовки (задумалась, прикрыла глаза рукой)... Вот, сейчас уже на старости лет, думаю, что отец думал, что я не люблю его, если не целуюсь с ним. И может поэтому он так рвался на фронт, чтобы проверить и себя и меня: крепко ли мы любим друг друга. Я тогда и сейчас говорю: "Любовь нам помогала детей растить, самим жить и верить в Господа Бога!"...

У меня на душе легче бывает, когда я молюсь и прошу Господа Бога вразумить меня, детей и внуков моих, чтобы каждый из них мог постичь Слово Божие. Вот и брату Николаю с его женой Ксенией говорила, когда они в гости к нам приезжали: молитесь и простит Бог все ваши грехи. А Ксения потом рассказала, как умер Николай. "Один раз, позвал меня Николай (а он крепко уже болел и не вставал) и сказал, что видел он сон или это было наяву. Спускаются с неба два ангела в белых одеждах, а один из них отец, Гавриил Васильевич. Как будто на парашутах

спустились и стоят у кровати. Отец и говорит: "Пришли мы за тобой, пора на небо тебе. Хватит, ты помучился на земле, пойдём с нами!" А Николай во время войны был ранен в ногу, и когда нога сильно болела, то он просил врачей отрезать ее. Но Ксения и родные отговаривали его и врачи не советовали. Так он и жил с больной ногой, работал шофером. Вот, Николай рассказал про свой сон, а у Ксении на кухне молоко стояло на плите. Она вышла посмотреть, не сбежало ли молоко. Возвращается к постели, а Николай лежит и не дышит. Успокоился... Ксения говорила, что Николай последние дни все время молился, вспоминал свои грехи и просил Господа Бога избавить его от мучений и простить грехи. "Неужели Бог простил его?" - все удивлялась Ксения. Да, Бог видит все грехи, но и добрые дела тоже видит. Думаю, что Николай сделал больше добрых дел в своей жизни и Бог принял его на небеса.

Душой Николай болел еще за детей своих Тоню, Зину и Нину, от первой жены Варвары. А получилось так, что Николая призвали на войну с немцами. Отвоевал он свое и приехал домой после госпиталя. А младшая сестра Груня ему все уши прожужжала: "Пока ты был на фронте, Варвара спуталась с одним стариком, зажиточным из соседней деревни!" И правда, так было. Но через несколько месяцев, когда Груня сосватала Николаю Ксению, старик умер, и Варвара одна с дочками осталась. Так и жила с детьми. Это уже потом, когда я приехала с семьей из Китая (1955 год) на целину, то приехала к ним в гости в Усть-Куют. Варвара мне сказала: "Если бы ты, Аня, жила тогда с нами в Куюте и не уехала с отцом в Китай (1930 год), то Груня бы не посмела развести нас с Николаем! Ведь от Николая с войны не было никаких вестей. И после второго ранения в ногу, он долго скитался по госпиталям. Думала я, что погиб на войне, а троих девочек поднимать на ноги надо было! Вот я и пошла жить к старику. Хозяйство у него было справное, да здоровьем был слаб. Вот и пришлось нам с девочками дальше жить одним. И Груня первая не хотела, чтобы мы сошлись снова с Николаем." Когда я была второй раз в Усть-Куюте (1970 год), то дочки Николая выросли и тогда работали: Тоня работала врачом ветеринаром, около сорока лет ей было; Зина работала на почте, а Нина домохозяйкой была. Зато муж Нины Федя работал электриком на мельнице. Тогда встретили они меня хорошо!

В тот год осенью в Кульдже еще не было войны, но слышно было из разговоров, китайцы гоминьдановцы скоро придут в город. Отец работал извозчиком и на бричке возил людей. А тут, как-то, приехал домой и говорит: "Продам коня и бричку, а буду ходить, и стеклить окна! Вот, сегодня возил китайцев до казармы, а они слезли и не заплатили мне. Еще угрожать стали! "Русским плохо будет скоро!" Я возражать не стала, и отец продал коня с бричкой. Приносит не деньги, а золотые царские деньги по пять золотых! И хвалится! А я ему: "Да зачем ты коня на золото обменял? Не подходи! Я и притрагиваться к золоту не буду! Купил бы на деньги от коня материалу, и я бы ребятишкам рубашки да платица пошила! Это куда лучше было бы! Иди и отнеси золото туда, где взял!" И правда, отец пошел и обменял золото на деньги и принес целую охапку материала разного, по три метра в кусках, как я ему наказывала. А у меня как раз заказов на шитье стало меньше. Хотя китайские бабы летом приносили много материала, и я шила им платья без примерки, на глаз. Приходит, кто заказывать, я посмотрю на нее и записываю себе размеры, какие надо, завтра платье готово.

Было, даже из советского консульства давали заказ на рубашки и платья. А заместитель консула принес мне старые брюки и просил по ним сшить из нового материала. Мне было непривычно, но на глаз я сделала выкройки, подвернула, подшила, где надо, сделала подклад и все остальное. За заказом пришла жена вице консула, внимательно осмотрела старые и новые брюки. Осталась довольной. А на завтра их прислуга принесла мне деньги и корзину со сладостями для моих ребятишек.

А из того материала, что отец принес за коня с бричкой, я сшила тебе, Коля, штанишки в полоску и рубашку серую, нарядную. Отцу, тоже сшила, рубаху, а девочкам платица и юбочки с кофточками. Правда материалу еще осталось достаточно, и я его спрятала в большой синий сундук. Этот сундук, мы привезли из Кульджи с собой, и до сих пор он стоит у нас, в Алма-Ате, на погребке в сарае. Вещи храним там старые...

Вначале работа стекольщиком отцу нравилась, и он часто приносил деньги. А тут, зимой уже, как-то приходит домой, смурый, и не разговаривает со мной. И я молчу, не спрашиваю, надо - сам скажет. (Это я потом решила, видно с кем-то дрался. Когда я меняла ему рубашку в больнице после ранения на фронте, то на воротнике была кровь и на шее

шрам свежий. Может, кто душил его или ударил, а он мне ничего тогда не говорил. Наверно место работы не поделили).

А утром просит денег, стекло купить надо, сам-то не заработал. А они, стекольщики, собираются в одно место и ждут, кому надо застеклить окна. День, другой день отец ходил по морозу. И тут приходит злой, на меня не смотрит, и ящик со стеклом не занес домой, а оставил под навесом и спустил в яму. Я накормила детей и отца, сама покушала и за машинку села. Слышу, корова под навесом не мычит, а ревет, как плачет. Я бросаюсь во двор и вижу: корова застряла в яме, одна голова торчит. Я кричу отца! А он позвал мужчин соседей, чтоб помогли корову из ямы вытащить. Подвели веревки под живот коровы и начали тянуть. А она, задними ногами, ка-ак оттолкнется от ящика со стеклом, и выскочила из ямы! "Да-а, стекло в ящике все побилось, но зато корова целая!" - сказал отец. И я говорю ему: "Видать не суждено работать тебе стекольщиком. Сиди уж дома, пока холода не пройдут. Я ведь шитвом, да дрожжами зарабатываю, и нам пока хватит. Слава богу, корову спасли, и детям молока будет вдосталь!" "Ладно," - соглашается отец, и некоторое время был дома. Играл с вами детьми. Расстелит на полу, вот так, одеяло стеженое, ляжет на спину. А вы, Зина, Нина и ты, облепите его, кто с ног, кто с головы. Только Валя была постарше и стояла в сторонке, не играла в кучу-малу.

А тут, как-то пришел с улицы и говорит: "Был я в школе Победы, и там создали штаб, готовятся к войне. Мне сказали тоже прийти." А я отцу говорю: "У тебя ведь семья и дети малые. Пусть молодые идут на войну!" А он успокаивает меня: "Я ведь уже был на дунганской войне и жив остался. Бог сберег меня и сейчас не покинет!" Но я ему сказала: "Береженого - Бог бережет и тебе не надо испытывать судьбу! Подумай о детях!" "Успокойся - говорит отец - я им, в штабе сказал, винтовку в руки не возьму, а снаряды и пули буду подносить."... Так и не уговорила отца не идти на войну...

А когда трудно на душе и сердце болит, тогда я вспоминаю свои песни. Одни из таких моих песен:

Чудное озеро Генисаретское
с чистой кристальной водой

Ты отражало Христа Назаретского,
весь Его образ живой.
Ныне Он духом своим поселяется
в наших счастливых сердцах,
Что же не ясно Он в нас отражается,
как отражался в водах?
Или лежит на нас плесень сомнения,
или теснит суета,
Или от бурного жизни волнения,
плохо в нас видно Христа?
Будем как озеро Генисаретское,
с чистой и светлой душой,
И отразится Христа Назаретского
в нас Его облик живой!

Дай мне силу Бог Спаситель,
веру свято сохранить,
Чтобы я в твою обитель,
со святыми мог вступить.
Там с любовью бесконечной,
Ты даруешь мир им вечный,
Проходя сквозь смерти страх,
я хочу быть в небесах!
Жажду я не разлучаться
ни на час, Господь с Тобой.
Пусть все мысли освятятся,
пусть всегда я буду твой!
В сильном страхе, в огорченьи,
Ты - одно мне утешенье,
Средь печалей и скорбей,
Ты - покров души моей!

В жизни я счастье свое искала в любви к детям, к отцу вашему, к своим родителям, к братьям и сестрам. Любила своих детей и никого

особо не выделяла. Хотя отец говорил, что Зина и Коля мои дети, больше на меня похожи, а Валя и Нина - твои. Яши тогда еще не было. Думали мы с отцом жить одной большой семьей. Отец хотел вместо хаты из камыша, построить дом из бревен в два этажа. Но война помешала. А теперь мои дети по всей стране разъехались: Яша со своим сыном Колей и дочкой Аней в Тамбове, внук Алеша с семьей в Москве, Коля с Людмилой и семьи их сыновей Димы и Игоря, и Нина со Славой в Томске. Только Валя и Зина со своими детьми со мной в Алма-Ате. Вот уж три года ноги мои не ходят и Валя, моя старшая доченька, у меня как нянька. Вот помню, Яшу маленького, ху-удой был, а Коля был справный, как бутуз. Так я для Яши отдельно готовила: делала похлебку из жареной муки, масла сливочного и растительного и поила его. Через некоторое время он стал поправляться и лучше кушать. И кожа стала гладкой.

А помню, вы были постарше, лет десяти - двенадцати. И пошли за город, в сады за рекой Каш за урюком в Кульдже. Приносите урюк, а у Яши на голове кровь запеклась. Ты, Коля, и говоришь, что купались в речке Каш, ныряли, и Яша ударился об камни. А потом уже мне рассказал, что собирали урюк, и ты залез на дерево, а Яша собирал урюк внизу под деревом. Урюка было много, он был спелый! И, когда потрясешь ветки, то урюк падает в траву. И когда ты высоко залез, потянулся за хорошей веткой с урюком, то ветка под тобой обломилась, и ты упал с ней на Яшу. Ему и попала ветка по голове, рассекла кожу. Я сильно не ругала, а взяла и залечила рану.

Вот, когда Яша учился в восьмом классе, то их послали в колхоз помогать в уборке урожая. Был он подростком, и я отметила на косяке двери его рост. Был Яша в колхозе два месяца и вернулся домой перед началом занятий в школе. Работали они там по половине дня, до обеда, а потом купались, собирали фрукты и овощи. Ходили на бахчи, где были дыни и арбузы. Им разрешали там вволю кушать фрукты и овощи, арбузы и дыни! Да и молока с мясом не жалели для школьников! Так что, когда Яша вернулся из колхоза домой, я поставила его у косяка двери, и он был выше аж на целую голову! Вот так подрос! Вытянулся и в плечах раздался так, что пиджаки и брюки на него не налезали и рубашки тоже. Не верила, что сын мог так подрасти, но и радовалась, что сын стал как взрослый мужчина! Пришлось срочно покупать новую одежду и обувь

больших размеров. Хорошо, что к этому времени, мне на работе выдали заработную плату и премию за ударный труд в "Швейнике". Так что мы с Яшей сходили в магазин, выбрали одежду и обувь, которая ему понравилась. И пошел он в школу в новом наряде, как взрослый юноша. А я рада была за него и благодарила Господа Бога, что хранит Он, сына моего, до сей поры!..

Помнишь? В Кульдже, все время мы ходили в баню Нужиных на берегу речки Аримбак, которая бежала через территорию советского консульства. Там еще, за каменным забором, у них был бассейн для советских и клуб летний, по вечерам там показывали кино для всех. Один раз, хозяйка бани Нужина и говорит мне: "Иван твой достал где-то золото, и вы не хуже нас теперь живете?" Это к тому, чтобы мы платили за мытье в бане, как и все, полную цену, а то она не брала с меня за детей. А я и говорю ей: "Да, у меня, вон, пять горшков золота!" Ведь у меня тогда было пятеро детей, а отца вашего уже не было. И после такого разговора, мы не стали к ним в баню ходить, а стали посещать баню, что была гораздо просторнее и находилась на горе, на другом крутом берегу Аримбачки, против бани Нужиных. И чтобы легче было на душе, вспомнила слова из песни:

"Укрой свое горе от взоров других,
Слез в мире так много без вздохов твоих,
Пойди и подумай в ночную пору,
Скажи свое горе Иисусу Христу!"...

Тогда же, в Кульдже, отца вашего уже не было, пришел к нам Лупов, богатый человек из общины баптистов. Пришел на день рождения Яши и принес лоскуток материи, не больше метра. Удивилась я! Такие богатые, а пожалели материала, чтобы я могла сшить Яше рубашку! Сидит Лупов у стола и говорит: "Какая жизнь бывает неровная у разных людей! У меня, слава Богу, не было страданий в жизни и в семье тоже. А вот, у тебя, Анна, несчастье за несчастьем. Корову пришлось заколоть, после укуса ее собакой. Муж погиб на войне, а тут пятый ребенок Яша родился?" А сам, только на словах, сочувствовал. Жадный?! Слов нет.

Или вот, еще Федоров, кузнец, купил у меня ведро дрожжей и поставил в кузнице продавать. Хотел обогатить себя, мало ему было денег от своей кузницы! А соседка моя Моловикова Лена, увидела, как

Федоров продает мои дрожжи, схватила ведро с дрожжами и принесла его ко мне. Ругается на Федорова: "Стыда у него нет! Жадность одолела! И еще оправдывается передо мной: "Я хотел, чтобы люди привыкли покупать дрожжи у меня, потому что Долдина Анна собирается уезжать на целину в Советский Союз". Но Федоров был нехорошим, не только оттого, что мои дрожжи стал торговать. Он придумал себе, как-то прийти к нам домой и предложил нам пожениться? Видит, что я управляюсь с пятью детьми, шью платья и делаю дрожжи. Одним словом, управляюсь с хозяйством сама. Вот он и своих троих детей хотел мне поручить. "Нет, не будет этого, никогда!" - сказала я ему и выпроводила его за порог дома...

В тот год мы жили в Усть-Куюте, а отец посадил просо и урожай удался хороший! А в округе, кто сажал пшеницу, у того урожая не было. Это по совету Бушуева, знакомого отца, мы посадили просо. Он был из старожилов, имел в семье четверо ребят малых, и знал, что родится лучше на местной земле. А пшеница не возшла из-за того, что зерно на посадку потравили противники советской власти, чтобы большевики не забирали его. Голод был тогда не только в округе, а и по всему Алтаю и в России. Но отец намолот просяной муки, и мама готовила лепешки, и мы не голодали. У нас комната была небольшая, а огород был большой. И маме скучать некогда было. В огороде она посадила и картошку, и горох, и помидоры и многое другое. А мы любили помогать ей, и заодно кушать зеленый горох, лук, редиску. А вот помидоры зрелые старались отнести домой и показать маме. Петр с отцом выжигал древесный уголь из сосны и березы, гнал деготь и скипидар, а потом их продавали селянам. Николай от старшего брата Григория, пока он был живой, научился сапоги шить мужчинам, а нам девочкам он шил ботиночки. Мне Николай сшил такие аккуратные ботиночки, что я в них на вечеринки ходила с подругами.

А тут, дело было к осени, и мы отправились с Петром, Николаем и Груней на покос. Покос был за речкой, протокой Бии, на острове и надо было на лодке переплыть через протоку. Когда спустили лодку с берега, то увидели в ней воду. Мы с Груней стали ее черпать и выбрасывать в речку, а братья сели за весла и гребут! А вода в лодке все не убывает! Ну, думаем, не доберемся мы в дырявой лодке до берега острова! И только доплыли до середины речки, как откуда-то подул сильный ветер.

Закружил, завертел вихрь, поднял столб воды выше дома и ... понес в нашу сторону. Братья гребут, стараются изо всех сил! А мы с Груней, уже не успеваем выливать воду из лодки, и кричим: "Гребите скорее к берегу!" И вроде до берега осталось немного, как вихрь догнал нас! И стал разворачивать лодку. А потом, ка-ак ударит по ней, и она стала переворачиваться! Братья и Груня выпрыгнули из лодки, поплыли и оказались на берегу острова. А я... задержалась. Ищу свои ботиночки, которые мне сшил Николай! Помню, как в лодку садились, то я их сняла, связала и под лавку положила. Нагнулась, чтобы их взять, а лодка, уже полная воды, ра-аз и перевернулась! Ладно, до берега было рукой подать и я кое-как добарахталась. И страху никакого не было. Видно, оттого, что переживала за свои ботиночки. А они пошли на дно и уплыли вместе с дырявой лодкой.

Мокрые, мы пришли на покос, где отец и мама почти все поле выкосили и ждали нас. Отец не поверил тому, что мы им рассказали, и спросил: "Отчего на покосе не было смерча? Это же рядом с рекой!" И мы не могли понять и объяснить: почему, как только лодка перевернулась, так смерча и не стало?.. Загадка природы.

Помню, в Усть-Кюйте зимой, Петр, старший брат, женатым уже был, но жил с нами, с отцом и мамой. Заглядывает как-то в дверь со двора и кричит: "Анюта, подай рукавицы! Вон, лежат на печи!" А я в это время за швейной машинкой сидела и шила что-то. "Пойди и возьми сам. Ты же видишь, я занята!" Ну, он со злости, подошел и ударил меня по голове, а сам взял рукавицы с печки и пошел к выходу. А отец был дома в это время и говорит ему: "Петька, не тронь моих детей! Вот, своих детей вырастишь, тогда и бей, и командуй ими!" Вот так! Хотя, в разговоре с мамой, отец часто говорил, что Петр и Груня - мои дети, похожи на меня, а мы с Николаем были мамины. Отец чаще всего посылал Петра по хозяйству, а Груню - следить за лошадьми. И она, бывало, верхом, без седла, с одной уздечкой скакала домой из полей, где паслись наши кони. Я же была первой помощницей у мамы и на кухне, и обшивала семью и соседей, кормила птиц и свиней вместе с мамой. Николая же отец отдал в ученики сапожнику, там он зиму обучался, а потом кое-чего перенял от старшего брата Григория. Отцу сшил сапоги, любо посмотреть, а то отец

на охоту и рыбалку ходил в своих плетеных лаптях. Сам сделал. И мне Николай сшил ботиночки, которые я утопила...

Помню, в то время мне шел восемнадцатый год и мамы уже не было в живых. В Усть-Куюте мне пришлось быть с отцом свидетелями драки молодежи. А было так: На другом краю деревни, с той стороны, через дорогу от нас жили Буровы (Бушуевы?), зажиточные селяне. У них было четверо детей: малых ребят, а девчонок не было. В прошлом году, как мы приехали в Усть-Куют из Чичама, у них нянькой работала моя старшая сестра Матрена (Нина по паспорту). Вот Буровы и пригласили молодых девчат и ребят собирать подсохшее сено в копны. И мой отец тоже помогал им справиться с работой. Отдельной группой работали ребята и отдельно девчата. Вышли за деревню, прошагали километров пять, когда еще светать только стало. И управились к обеду, собрали сено в копны и состоговали. Возвратились в деревню, а хозяйка Бурова встречает работников в сенях и угощает всех медовухой. Я отказалась принимать ковш с медовухой и отец тоже. Но в хату мы зашли. "Что ж недаром мы полдня работали на поле. Можно и поесть!" - сказал отец. Кто по два, кто по три ковша медовухи выпил. Мало показалось в сенях, стали требовать еще и за столом! Кто-то, стал успокаивать таких, и вышла ссора. А потом и драка. Тут выходит хозяин Буров с ружьем, да как выстрелит! И говорит: "А ну, бросьте драться! Мало угощения? Идите по домам! А за помощь на поле спасибо!" И я, тут, подошла к хозяину, попросила отдать ружье и унесла его из хаты. А ребята? Помаленьку успокоились, покушали, что было на столе, и разошлись.

Только после этого в деревню приезжал милиционер с военными из волости. Допрашивал всех: как, да что было в доме Буровых, и меня с отцом вызывали, как свидетелей. Отец коротко сказал: "Я ничего не видел. После работы на поле, заходил по приглашению хозяйки, покушал и ушел." А я, все как было, по правде, рассказала. Но военный сказал мне: "Все, как есть, говоришь или утаиваешь чего?" А я и спрашиваю его: "Что? За правду - сядят в тюрьму?" А он пригрозил мне, что может посадить меня в тюрьму на три года, если я не все расскажу. Мне эти слова, что "за правду в тюрьму меня посадят", запомнились до сих пор, хоть мне и больше девяноста лет теперь. Видно, не боязливая я была

тогда: и ружье у Бурова отобрала и с военными говорила бойко! Э-эх, молодость моя!

Через год после кончины мамы, отец женился на Лизавете, воспитанной в семье старообрядцев-кержаков. Помню, она все время вечерами, перед сном, крестила окна дома, ведра открытые с водой, тарелки и кружки перед едой. И отец, вместе с ней, не молился на икону, на окно с открытой форточкой. Груня никак не хотела Лизавету звать мамой, а однажды даже толкнула ее с крыльца. Она упала и сильно ушиблась, подвернула ногу, и хромала с тех пор. А я так говорила Груне: "Не мы выбрали мачеху, а отец. Ему жить дальше с ней." И звала Лизавету мамой. Может поэтому отец с мачехой меня и Петра позвали приехать в Алма-Ату. Тогда они уже два года там жили, в Жаркенте. Отец подрядился на стройку железной дороги Туркестан. Поездил и посмотрел, как там люди живут и пишет: "Приезжайте! Здесь как рай земной! Растут фрукты и овощи, арбузы и дыни, ни как на Алтае, - собирай только, не ленись!" Тогда они строили дорогу на Жаркент, в сторону границы с Китаем.

У Петра с Раисой, тогда была размолвка, но я его уговорила взять детей и ее, и ехать к отцу. А мне собираться не надо было. Я жила в старом доме с семьей Николая. И теперь он один оставался в Усть-Куюте. Трудно было справляться ему с заводиком без отца: корчевать пни, получать уголь древесный, гнать скипидар и деготь. Поэтому он продал заводик сельсовету, а те разобрали котел и увезли куда-то. Говорят, так и не смогли наладить работу котла. Да им и не нужен был он. Главное они сделали: закрыли заводик частного собственника. А я, тем временем, с семьей Петра собрали свои пожитки, сложили на телегу с коробом и поехали в Бийск. Благополучно добрались до города и там продали лошадь с телегой. Купили на поезд билеты и поехали в Жаркент. На станции у реки Или сгрузили скарб, дальше надо было ехать на пароходе вверх по Или до пристани Капкал и там, говорят, рядом и Жаркент. Недалеко была пристань Или и мы перевезли на извозчиках вещи и погрузили на баржу. Вот эту баржу и тянул по реке маленький пароходик, буксиром его звали. Очень медленно плыла баржа и тогда взрослые и молодежь, те, кто вместе с нами плыли, вышли на берег. Ухватились за канаты и бичевой, как бурлаки, помогали буксиру тянуть баржу. На ней

оставались вещи переселенцев, малые дети, да хворые и старые, кто не мог тянуть лямку. Так вот и плыли пароходом. Только на третий день пришли в Капкал. Нас никто не встречал, но на пристани были подводы и Петр договорился с возчиком. Они вдвоем погрузили, укрепили вещи так, что хватало места сесть и всем нам. Проехали километров тридцать, и телега привезла нас прямо к дому, где жили отец с мачехой. Тогда отец хворал и не мог, поэтому, встретить нас. Вот так мы и оказались в Жаркенте...

Меня сегодня (17 августа) вынесли на Божий свет! Господи, слава Тебе, что я снова увидела голубое небо, облака и услышала, как шелестят листья! Цветы, вижу, живые в ограде, утята и петуха с курами. Как я рада лучам солнца, что греют мои ноги и руки! Рада теплему ветерку и птичкам! Слышу, как тинькают синички, далеко, где-то кукует кукушка, и чирикают в кустах воробьи. А вот, проехал паровоз рядом с оградой дома и потащил вагоны на ремонтный завод. Душа моя радуется! Ведь я целый год не была на улице! Свет видела только в окно потому, что ноженки мои не носят меня, как прежде.

Помню, такой же теплый день был в августе, когда мне было десять лет. А жили мы тогда в Чичаме на Алтае. Под горой Чичам, среди леса, у маленькой речки Малый Куют. Мама и все остальные в семье спят еще, а я поднялась спозаранку и вышла на крыльцо. Тут уже стоит утка, я ее каждое утро запускаю домой, чтобы она в корзину несла свои яйца. Снесет утка яйцо, и я ее выпускаю на улицу. Потом сяду на крыльцо, подопру руками голову, смотрю за ограду и слушаю всякие звуки. В деревне домов не больше десятка и они стоят далеко друг от друга. У нас за оградой стоит две лесины, кругом кустарники, чаща. Лучи солнца только начали светить из-за горы. На одной лесине на самом верху сидит кукушка и ведет счет, в кустах слышу, как поют соловьи, тинькают синицы, а на крыше дома о чем-то чирикают воробьи. Благодать на сердце и на душе! Слышу, мама поднялась, и возится у печки, а я от крыльца побежала к лесинам. Подбежала к одной, обняла ее обеими руками, прижалась щекой и слушаю, что она мне сегодня скажет? Чувствую, как листья осины шевелятся и что-то хотят мне сказать. А я опускаюсь на колени и читаю тихонько молитву "Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое..." Закрывает глаза и чувствую, будто меня

кто-то поднимает от земли... Вот, я уже над чащей, еще выше лесин поднялась. Теперь над горой...и к облакам поднялась! Не чувствую коленей! И передо мной лицо, такое строгое! А глаза добрые, добрые! Вот так, как с тобой вижусь, глаза в глаза молилась я Богу! Благодарила Его, что я есть человек и могу славить Господа с радостью! И слышу слова: "Веруй и служи Господу! У Иисуса Христа найдется место для тебя!" ... Издалека, слышу мамин я голос: "Анюта, Аня!"... Пропадают небесные видения... и я снова чувствую себя на земле. Вот, с тех самых пор человеком я себя осознала и все свои девяносто с лишним лет жизни славлю имя Господа!

Когда отец с мачехой уехали в Семиречье, Жаркент, то Груня осталась жить в Усть-Куюте с семьей Николая в отцовом доме. Но на следующий год Груня вышла замуж за Ишкова Григория, дом которых стоял рядом с нашим. У них родилась дочка Шура, и был Петька, который потом пропал где-то. В нашей деревне Чичам тогда жили семьи: Ромайкиных и Слогуновых по тракту, Акимовы и Меркульевы жили на горке, через речку Малый Куют, Ишковы жили за малой речкой, против нашего дома. А Сериковы (мы) выкопали у ворот колодец и черпали воду не только свои, но и соседи. У Меркульевых мы дом купили поменьше, у них большой дом остался за рекой, пониже нашего. Дом пимокатов Набойщиковых из староверов-кержаков стоял по нашей стороне ниже по течению малой речки. В этой речке вода набегала с гор большая только весной, а летом там бежал просто ручеек. У Набойщиковых ребята были ученые, владели грамотой. И мама ходила к ним, чтобы один из них Тит (мамин крестник) писал письма в Россию. Старший сын Андрей был гармонистом и, когда-то играл на гармонии в городе на карусели. Вот, господа садятся на карусель, а он веселит их на двухрядке! Ходили ребята на вечеринку в Васильевку, а поздно вечером идут лесом, играют на гармонии. "Это, чтобы медведей напугать! И они уходили с дороги!" - говорили ребята, когда их спрашивали мы: "Зачем, так громко играете в лесу?" Набойщиконы летом накатают пимов, а осенью едут по деревням, где жили кержаки. Продавали пимы, а им давали в обмен муки, баранов, пшеницы. Вот, к зиме у них полон двор скотины и хлеба с избытком. Кто-то завидовал им. И они все время боялись, чтобы их не раскулачили.

Старались продать или обменять скотину у соседей или в других деревнях. И нам продали телку. Она стала потом хорошей коровой и давала много молока, принесла теленка.

Николай месяц обучался военной грамоте в селе Новикове, недалеко от Бийска. И получил звание офицера танкиста, потому что в деревне долго работал трактористом. Как он рассказал при нашей встрече, на войне, один раз их танк подожгли, и они еле спаслись. Все остались живыми, а танк сгорел. Второй раз их танк подбили и многие погибли, а Николаю попал осколок в пятку левой ноги. Его долго лечили в лазаретах, посылали на воды, но кости пятки болели. И так до конца своей жизни он мучился, хоть и работал на машине.

Второго брата Петра призвали тоже воевать. Служил он сапером, искал и разряжал мины и снаряды. Он был ранен, когда взорвалась мина у него в руках. Рана была ниже плеча и повыше локтя, рука болталась на одной кожишке. Он просил врачей отрезать руку, но те отказались и не советовали ему. "Рука еще тебе пригодится!" - сказали врачи. И он по ранению был списан с фронта и отправлен домой. После войны он обучился работе пасечника и работал до пенсии на государственной пасеке.

Помню раз, отец взял меня с собой на гору Чичам. Мы по деревянным мосткам перешли через речку Малый Куют. На мостках, из двух досок, с одной стороны были прибиты бруски и к ним жерди, за которые мы держались. Местами доски мостков лежали на больших камнях, которые весной принесла вода с горы. К весне мостки убирали и на ту сторону ходили в объезд: вниз по реке, а потом подымались вверх. В этот день, мы с отцом, шли собирать смородину. Он шел с ружьем, а я с корзиной. Гора была крутая, и местами встречались скалы. Мы их обходили. И вот на одной скале мы увидели много кустов смородины. "Иди, собирай! И побыстрее!" - сказал мне отец. А сам отошел под дерево и сел. Ягода была рясная, красная. Я поставила корзину под куст и обеими руками, как корову доила, быстро набрала ягоды полную корзину.

Второй раз отец взял меня с собой на гору ближе к осени за малиной. Пришлось идти на гору выше и дальше места, где мы брали смородину. Отец так же стоял в стороне от малинника. Я собирала, собирала ягоду, а потом подняла голову вверх и, вижу, от кустов вверх идет дорожка из

прямой травы и кустов. Отец увидел, куда я смотрю и говорит: "Не крути головой. Собирай скорей! Это медведь сверху спускался на заднице. Лакомился малиной!" Тут, от испуга, я быстро, быстро обеими руками стала хватать ягоду! И в корзину! А ягода была крупной, вот больше ногтя будет, и я скоро набрала корзину малины...

Помню, мама моя, готовила кашу просяную из пшена на воде. Туда добавляла масла коровьего или заливала молоком и подавала на стол. Я очень любила такую кашу. Я и теперь, часто прошу такую кашу сварить, а дочь Валя варит, но густую. Тогда я доливаю в кашу чай сладкий и в удовольствие кушаю! А потом, мама научила меня готовить борщ, щи, супы с картошкой и домашней лапшой. Она специально не учила меня, а я все время присматривала за ней и запоминала. Потом, уже в прислугах в Китае, я только спрашивала хозяйку: какую еду готовить и старалась не солить сильно. Хозяйке нравилось. Но вот за продуктами на базар, она любила ходить сама. Крикнет, бывало: "Керим! Готовь бричку! Едем на базар!" - это она работнику своему кричала. Садятся они в бричку и только к обеду возвращаются. Привозят и птицу с рыбой, и фрукты с овощами, и мяса с разными приправами. Ну, думаю, гости будут. И правда. На следующий день хозяйка просит приготовить на десять человек разных блюд и булочек к чаю. И сама заходит на кухню. Сказала мне: "Для супа надо резать лук пополам, поджарить на сковороде и опустить в воду. А потом, когда суп будет готов, то лук вынуть дырявой поварешкой и выбросить!" Не любила она, когда в супе бывают лохмотья, любила чистый суп. Я так и делала. Я и сама лук вареный не люблю!

А вот, еще помню, как отец сильно ругал Петра, что он поменял коня. Отец с Груней тогда корчевали пни сосновые. Деревья отец еще раньше спилил и распустил на доски, а потом погрузили их и отвезли в Бийск. Там тогда много строили. Груня, хоть годом младше меня была, но силой Бог ее не обидел. С отцом вместе они окапывали пни до самых корней. Из корней потом выходило больше скипидара, смолы и угля. Так вот, выкопают они яму почти в рост, а потом очистят корни и пилят на чурки, чуть больше ладони. Тогда лучше выпаривается смола и скипидар. В то лето много было приготовлено и угля древесного и смолы. Отец в этот раз загрузил телегу с коробом и отправил торговать одного Петра. Петр распродал весь товар и возвращается домой. Приезжает и , мы видим, что

в телегу запряжен другой конь, тяжеловоз, а своего коня Серко не видно. Отец стал пытаться Петра, что да как случилось такое? А он отвечает, что обменял коня с выгодой у цыган, они еще денег дали, в придачу. "Да куда же ты смотрел? Наш Серко еще молодой, а этот старый конь, и далеко на нем не уедешь! Доменяешься ты, Петька, так до уздечки!" А тут, перед свадьбой, Петра пригласил будущий тесть ехать за солью на озеро в степь. Была уже зима и на двух санях они поехали. В дороге конь Петра проголодался, и он насыпал ему пудовую меру овса, а сам добывать соль пошел. Возвращается с солью, а конь и подох, от овса, переел. И приехали они на одних санях, а Петр с уздечкой и шкурой коня. Отец промолчал, как увидел сына с уздечкой. Но шкуру выделали, и Николай с Петром пошили всем сапоги и ботиночки.

Через год после кончины мамы, отец женился на Лизавете, воспитанной в семье кержаков. В этот год стали притеснять тех, у кого было крепкое хозяйство. Хотели и отца раскулачить, хоть он и считался середняком. Отец ездил в волость, тогда его избрали старостой, и сказал там, что у него под одной крышей живет три семьи. Одна семья это Нина с Анатолием Николаевичем Молодцовым, заведующим интерната в Куреево озеро. Вторая семья брата Петра с Раисой и наша семья - отца с мачехой, с Николаем, Груней и я.

Ездил отец в волость вместе с Анатолием Николаевичем, а он раньше был командиром отряда красных бойцов и воевал с белыми на Алтае. Выслушали в волости их обоих и посоветовали: "Разделить хозяйство, тогда не будут считать вас кулаками". Отец, как приехал из волости, так и сделал: одного коня с коробом записал за Петром, одну лошадь и корову записал за Николаем, а телку записал за Ниной. Себе с мачехой оставил коня с повозкой, птицу и свиней. Мы с Груней жили в отцовом доме. И только, когда отец уезжал в Семиречье с мачехой, тогда Груне выделил курицу и сказал: "Будешь каждый день иметь яйца и питаться!" А Николаю поручил хлопоты с заводиком: продать его, чтобы не преследовали как частника-кулака. Два года отец с мачехой ездили по Семиречью, отец работал на стройке железной дороги, были в Алма-Ате. Пришло как-то письмо, зовут: "Приезжайте! Здесь, как в земном раю! Зимы почти не бывает, а всяких фруктов в изобилии полно!" Жена Николая сразу отказалась ехать куда-то в степь и Груня не захотела, из-за

того, что недолго любила мачеху. Тогда я стала уговаривать Петра с Раисой и, не сразу, но они согласились ехать к отцу. Распродали, что было лишнее, собрали пожитки и на повозку погрузили. А мне-то, только восемнадцать лет было, и собирать с собой ничего не надо было. Узелок со сменой белья, платье второе да сапожки, что сшил Николай мне. Когда приехали в город Бийск на станцию, то там народу было видимо-невидимо, не протолкнуться. Пока Петр выгружал вещи, я взяла деньги и пошла за билетами. Вижу, длинная очередь за билетами, кто хочет купить билеты! А я, молодая девчонка, быстро, быстро так, меж людей, пробралась к окошку, где продавали билеты на поезд, и подала деньги. Прошу до Алма-Аты дать мне билеты! Мне быстро выдали билеты и я пошла от окна, радостная! Только слышу за спиной, говорит кассир: "Билеты закончились!"... Ну, думаю, как нам повезло, что так получилось удачно!

Радостная подхожу к Петру и говорю ему, как я купила билеты. Похвалил он меня за находчивость, и мы в поезд сели, чтобы ехать до Алма-Аты. В поезде с нами ехал какой-то мужчина. За едой разговорились с ним, и он спрашивает: "А зачем вы сети рыбацкие везете в Алма-Ату? Там ведь ни озера, ни речки хорошей нет, чтобы рыбу ловить! Давайте, поедem к нам, в Борохудзир! Там и речка большая и рыба хорошая! Вам ведь все равно, куда ехать. Да и до Жаркента недалеко от нас. А у вас ведь отец, вроде, в Жаркенте?" Ну, поговорили и согласились ехать в Борохудзир, а там видно будет. Но Петр решил выгрузить нас там, где надо, на станции с мужчиной, а сам хотел посмотреть, как живут люди в Алма-Ате. На станции у реки Или, которая бежит из Китая, мы ждали Петра два дня. Он вернулся и ничего путного про Алма-Ату нам не рассказал. Тогда много семей ехало, вверх по реке Или, с детьми и вещами. Люди со всем своим скарбом погрузились на баржу, и маленький пароходик потянул нас вверх по реке. Временами баржа останавливалась и мы, молодежь, выбегали на берег, рвали цветы: жарки, маки, ромашки. Через три дня приехали на пристань Капкал, здесь погрузились на повозки и поехали. Дорога шла, сначала до Жаркента, а до Борохудзира надо было ехать дальше. Вот мы и решили остановиться в Жаркенте, чтобы повидать отца с мачехой. По адресу письма, мы быстро нашли дом отца. Он болел и не смог встретить нас на пристани.

В Жаркенте тогда трудно было найти место работы. Но я устроилась посыльным во Дворце труда. Это было такое место, куда сообщали, где и кому требуются работники, здесь же собирали разных руководителей. Вот я и носила приглашения на собрания. Дадут мне бумажку, на ней написано, кого надо пригласить. Я приду в организацию, на заставу, в интернат или на почту, показываю список фамилий и говорю: "Это ваша фамилия? Распишитесь, что знаете и придете на собрание." И уйду. Правда, некоторые говорили, что занятые и не смогут прийти на собрание. Но я их просила все равно расписаться и тогда только уходила. Зима в тот год (1930) была лютая! А я бегала в своих кожаных сапожках, ноги замерзали! Прибегу после рассылки во Дворец труда и скорее горячего чаю наливаю себе. Увидел, как я работаю, посмотрел на меня руководитель мой и говорит: "Зайди на склад и получи валенки!" - и дал записку кладовщику. А там, одни большие валенки! Но я себе взяла, выбрала поменьше. Возьму старые газеты, намотаю себе на ноги и в валенки. Почти по ноге валенки стали! Немного болтаются, но зато тепло! Да-а, морозы не давали мне спокойно работать!

Тут же работала уборщицей тетя Поля. Как-то вечером пригласила она меня на собрание. "Какое собрание? - спрашиваю у нее. "Христиан баптистов. Верующих в Господа Бога!" - отвечает она мне. А я давно в церкви не была и согласилась. Пришли мы в обычный дом. Там было человек десять, а потом еще подошли, и стало больше двадцати человек. Тут, выходит мужчина (пресвитер Петр Фомич Дерябин, как я потом узнала) и стал читать Святое Писание, некоторые места из Евангелия. Прочитает и потом дает разъяснения. Спрашивает: кому что не понятно или не ясно. Так и прошел вечер. Мне очень понравилось, что люди называют братьями и сестрами друг друга. А в конце собрания читали общую молитву "Отче наш, сущий на небесах..." И я вместе с ними. Отец и мама с детства приучили нас к этой молитве по утрам и по вечерам, так что мне она знакома. На душе у меня было радостно и не хотелось покидать этот дом. Так, всю зиму, мы с тетей Полей и ходили на собрание. А раз, на собрании пресвитер сказал всем: "Братья и сестры, местные власти не разрешают нам дальше проводить собрания, изучать и проповедовать Слово Божие. Трудно будет нам! Вот, община христиан и предлагает идти в Китай, в Кульджу, где верующие не преследуются. Там

нет гонений за веру в Господа Бога Иисуса Христа!" Прихожу я домой и говорю отцу, что верующие хотят уйти за границу. "Правильно! - говорит отец, - И мы пойдём! Нельзя теперь оставаться здесь, с безбожниками!" А было тогда время середина лета: в полях был неурожай, скотина дохла и ее забивали, мясо продавали. Я мясо не брала, а в столовой Дворца труда брала кашу, чай и суп без мяса. Голодно было тогда (1931г.) не только в Жаркенте, но по всей округе и мы думали, что в Китае будет лучше.

Поговорили с Петром, а жена его наотрез отказалась ехать за границу: "Что мы потеряли там? Не поеду я и тебя не пущу!!" - говорит. А мы с отцом и мачехой решили собираться в Китай, в Кульджу. Там крепкая община баптистов была, так говорил нам пресвитер. Отец скоро сговорился с проводниками, уплатил часть денег, и они первые с мачехой поехали на повозке. А потом мы с тетей Полей собрали свои узелки и пошли. А я к тому времени денег заработала и получила зарплату во Дворце труда. Предупредила начальника, что уезжаю из Жаркента. И мы пошли с проводниками. Доходим до речки Хоргос, и нам говорят: "Теперь будет граница, а на той стороне вас встретят повозки." Я вижу, в стороне от нас какие-то камни сложены, а сверху выглядывают головы в фуражках. Ну, думаю, пограничники, сейчас нас схватят! Но мы подошли к берегу речки, взяли за руки, вот так вот, и тетя Поля впереди, а я сзади, вошли в воду. Сначала воды было по колено, потом до пояса, я уж бояться стала, (плавать не умею ведь!). А тетя Поля тянет меня дальше и вот уж подбородок заливает вода! Молчу! Кричать ведь нельзя, граница! И тут, чувствую, вода стала опускаться до шеи и ниже. "Господи! - думаю. - Неужели перешли речку и границу!" А на берегу и правда, стоят повозки, ждут, таких же как мы, людей. Собралось несколько повозок и мы поехали в город Кульджу. Ближе к вечеру, подъехали к городу, а потом и к месту, где встречают людей из России.

Отца тут не было видно. Подошел какой-то китаец ко мне и говорит: "Мне надо помогать, собирать чеза, лаза, пиаза (баклажаны, перец и лук, как я потом узнала), а я продавать буду." Мне все равно было, где работать, а тетя Поля отправилась искать своих по общине. Я согласилась работать и жить у китайца, пока не найду работу. А у него тогда было трое детей, а жена болела и не могла помогать ему на огороде. С неделю я собирала капусту, редиску, огурцы, помидоры, лук, перец, баклажаны,

морковку и другое. Вязала пучками или укладывала в мешки и ведра, а китаец продавал, сидел на базаре. "Хо, пу хо ма!" - вспомнила я слова, так здоровались китайцы, и отвечали: "Хо, хо!" (хорошо, себя чувствую). А если пришла в гости к кому из китайцев, то гостей, сперва, спрашивают: "Чи то ни, пу чи то?" (кушала ты или не кушала?) А вот, таранчи в Кульдже, когда возили на повозках на продажу мясо, то кричали под окнами: "Гушь, гушь!" и предлагали купить любой кусок мяса, на который ты укажешь.

К выходному пришла тетя Поля и зовет меня на собрание. Пришли мы туда, в молитвенный дом, недалеко от речки Пиличинки. Большой, светлый дом, открыты три двери, люди в светлых одеждах, женщины с покрытыми головами в платках. Когда вошла в дом, то там много рядов скамеек для верующих, а впереди на возвышении сидел хор, и справа сидели старейшины общины с малолетними детьми. А впереди них стояла кафедра, и с нее выступал пресвитер Тараканов Василий Иванович (как мне сказала тетя Поля). Мы с ней сели тихонько на последнюю скамейку и слушали проповедь со всеми вместе. После проповеди к нам подошел Тараканов и спросил, как устроились с жильем и работой после прибытия в Кульджу. Выслушал и предложил: "У нас, у одной сестры нужна нянечка. У нее двое детей и она сама работает. Надо сидеть с младшей дочкой." Я тут же согласилась.

В тот же день я собрала свои пожитки и перешла от китайца к новой хозяйке. Жила я в одной комнате с детьми, кормила и водила детей на прогулку. А тут, на третий Спас, в августе, стала готовить пирог с яблоками. Все остальное к обеду уже приготовила и, пока русская печь была еще горячая, я поставила пирог. А задвижку в трубе закрыла, чтобы тепло дольше сохранилось. Не заметила, как угорела от дыма из печки. Сидела, сидела и на бок повалилась с табуретки, упала на пол. Не знаю, сколько лежала. Только глаза открываю, а рядом стоит хозяйка и служанка, которая мыла полы в доме. Поднялась я, голова кругом ходит, качает меня. Хозяйка приказала служанке не отходить от меня, пока не полегчает мне. Неделю я отходила, а вместо меня исполняла работу эта служанка. И вот, раз, хозяйка подошла ко мне и спрашивает: "Часто ли бывают с тобой такие припадки?" "Да нет, это я угорела от дыма. - Отвечаю. - И кто такое сказал, что я страдаю припадками?" "Вторая

служанка видела, как ты упала у печки и сказала мне об этом." "Я же пирог пекла и трубу закрыла, чтобы жару было больше! А припадка со мной не было!" - отвечаю ей. И еще, эта служанка, распустила слух, что я была за китайцем. Вроде бы он хотел жениться на мне, взять вторую жену. Ну, как у нее повернулся язык, сказать такое? А я слышала, потом, не раз, как говорили обо мне женщины: "А, эта, которая была за китайцем!?" Но за неправду, уволили ту служанку, как только я поправилась.

Вот, рассказываю тебе, вспоминаю прошлые годы и ворошу всю-ю-ую свою жизнь, а ты пишешь себе. Утром, сегодня, проснулась рано, еще лучи солнца в окошко не заглядывали. Лежу и думаю: а кому нужны мои годы прожитые? Ведь я с малочку, никогда не думала, что доживу до девяноста лет! А я уж четвертый год живу после этого! Правда, последние годы все больше лежу или сижу. Нога левая не хочет меня держать и, как только встану на ноги, то она подворачивается. Да и левая рука ничего держать не может. (Поглаживает правой рукой левую). Натрудилась она за мою жизнь! Я же все больше пальцами левой руки работала, когда шитьем занималась. Так вот и думаю: никому не нужны мои переживания, мучения и мытарства! Кому ты это пишешь? И еще, говорю я тебе: как да почему мы с отцом моим уехали из России в Китай? Люди могут подумать, что мы бежали от власти советской в тридцатых годах. Ведь мы сами встречались там за границей с белогвардейцами, господами, кто воевал против Советов. А мы? Мы с отцом хотели же жить в Алма-Ате, "земном раю", как говорил отец, когда звал нас с Алтая. А отец, мама и все мы, его дети, на всю жизнь благодарны власти советской. Ведь отец жив остался, как он говорил, "второй раз родился", когда отряд красных бойцов разогнал отряд и многих белых побил в селе Куреево озеро на Алтае.

Тогда отец готовился к смерти от рук белогвардейцев и мы всю ночь плакали и рыдали. А его вызвал посыльный в волостной центр, где стоял штаб белых. Отец уговорил посыльного, разрешить ему остаться дома до утра, а там он приедет. Вот, в бане помоемся и все. А вызвали отца из-за того, что он не поддержал на сходе одного селянина, который призывал воевать против красных. И еще другой селянин говорил, что не надо идти ни против красных, ни против белых. Вот, его и отца моего вызывали в

Куреево. Тот согласился и уехал с посыльным, а отец задержался. После бани приходит отец и говорит: "Петька, садись на коня! Дуй быстрее ветра в отряд красных в Сайдып! Писать не буду записку. Поймают белые если, ни тебе, ни семье нашей не жить. Передай на словах: белые гуляют. Покажи красным дорогу короткую. Ты знаешь ее!" Петька, пятнадцати лет был, взял коня без седла, с одной уздечкой вроде бы как пасти пошел. Краем ограды дошел в поводу с конем, а там сел на него и... стрелой! Как отец, потом говорил нам: "Мы с Груней приехали в Куреево, а там, спозаранку, побывал отряд красных бойцов! Петька, тут же, на коне с буденновкой на голове! Подарок от командира! А второго, с кем должен был ехать я (отец), белые казнили." "Вот, почему я второй раз родился и благодарю Советскую власть! Наказываю и вам, дети мои, помнить это - пока живы будете!" Поэтому и я, сейчас, тебе говорю, не от советской власти мы ушли в Китай, а от гонений на верующих, потому что власти запрещали ходить в церковь и славить имя Господа Бога!

Сегодня утром я вспомнила песню: "А там, за гробом, жизнь иная! Об этом думал ты, иль нет?" Слова эти у меня на душе лежат и успокаивают, поддерживают меня теперь, когда я не могу ходить своими ногами... И вспомнила я проповедницу Слова Божия в Кульдже Тараканову Пелагею Арсентьевну (жена Василия Ивановича Тараканова, одного из пресвитеров общины баптистов). Она ходила по домам китайцев и говорила женам их: "Ходите на собрания! Слушайте Слово Божие!" И многие китаянки уверовали в Господа Бога! А за день до смерти я встречалась с ней и она сказала: "Если нас друзья забыли, скажем Господу о том, и Он нам проявит силу..." И еще, вспомнила, как ехали по речке в Борохудзир на барже вместе с Таракановым Василием Ивановичем. Тогда он организовал, чтобы мужчины вышли на берег реки Или и тащили баржу за веревки вместе с пароходом буксиром.

И вот еще, из Кульджи вместе с нами приехали в Алма-Ату семья Игумновых. Крепкая семья верующих, а предки их до революции переселились из Воронежской губернии. Одна из дочерей, а их было много, вышла замуж за немца и они уехали в Германию. Потом прислали остальным Игумновым сорок виз для выезда в Германию. Собрались, но баба Лена скончалась до отъезда, переживала, очень жалела и не хотела покидать Родину... Навеки осталась с родной землей...

В Кульдже, в общине верующих был раскол среди ведущих братьев. Кузьма Трифионович Попов хотел помогать советской власти, отделился от общины, а Иван Кузьмич Куделя и Василия Иванович Тараканов против советов выступали. Вот, их забрали в тюрьму, но потом выпустили. Мы в старое собрание ходили. Тараканов рано скончался после тюрьмы, но доказал там, что он справедливо по вере поступает, хоть и против советов.

В это время приснился мне сон. Везут солому, большой воз. Я стала помогать тащить воз. А солому кидали под ноги, чтобы сделать переход с одной стороны улицы на другую. Я рассказала сон сестрам в общине, а мне и говорят: "Ты чужой воз везешь! Надо присоединиться к одной стороне. Братья помирятся, отдельные вернутся к старой церкви." Муж мой, Иван, тогда сказал: "Если будешь ходить к Попову на собрания, то я буду к пятидесятникам ходить!" Вот, какое горе, уйдет муж к пятидесятникам! Ходила я в старое собрание. Мне казалось, кто отделился от старой общины, больше были виноваты. Тогда много уехало верующих в Австралию, Америку. Меня звали с собой. Чего бы я пошла с ними? Там мои дети помрут с голоду! Решила, я буду ходить в старое собрание, где был старенький пресвитер Тараканов В.И и Куделя И.К. Я была на собрании и видела как Тараканов учил детей Святому Писанию. Разбросил свою шубу на полу, в собрании и говорит: "Вот, так и Иисус Христос со своими учениками беседовал" - сказал мне. А дети вокруг него, как овечки вокруг Пастыря. Он и был учителем тогда, и дети так обращались к нему: "Учитель!"

Я тогда подметала пол и топила печку в собрании, нигде не работала и не была замужем. Жила при молитвенном доме, слушала как дети поют и рассказывают стихотворения. Любила я слушать их! А Тараканов давал детям задания и следил за детьми. Сам читал отрывки из "Деяний Апостолов", из брошюр и журналов, которые были в церкви. У меня были журналы и я отдала их в молитвенный дом для детей. Апостолы жили в теплой стране, в священных горах, в пещерах. Вот "Книга Даниила" пророка писана в пещере при свечах из сала, воска. И Даниил говорил: "Я оказался перед Богом чист, да и пред тобой, царь, вины не имею!" - когда его бросили ко львам в ров на растерзание...

На Алтае в Сайдыпе была церковь маленькая, в трех-пяти километрах от Усть-Кююта. Зато в селе Куреево озеро была большая церковь, двери в нее всегда были открыты для верующих. Там всегда был сторож и священник. На всеночную на Пасху не спали, кто пришел, а в двенадцать часов ночи, как зазвонят колокола громко! Звонят и возглашают: "Христосе воскресе!" Плащаницу несут вокруг церкви, люди несут фонари и свечи зажженные. Идут по ограде, а на каждом столбе горят свечи из горючей серы! Освящают куличи, яйца... Священник читает пасхальные молитвы, верующие христосоваются радостно и возносят хвалу Господу Богу Иисусу Христу!. Вокруг церкви нищих сидит полным полно: кому яичко подашь, кому кулича обязательно. Тогда мы шли из церкви рано домой, встретили на реке Бии Петра с ребятами на лесосплаве, на плотках. Федя Ромакин нам сказал: "С утра не кушали! Угостите?" И мы разломали кулич, разложили яйца свяченые на лугу и угостили Петра со сплавщиками. Они нас поблагодарили, кое-чего взяли с собой. А потом взяли жерди с крюками и стали толкать бревна от берега дальше вниз по реке, до самой пристани, где собирали их в плоты. А дальше эти плоты они погнали до самого Бийска. А мы с подругами и Груней собрали свои узелки с пасхальной пищей и домой. Километров пятнадцать от Куреево не заметили, как и прошли, за разговорами да песнями среди леса и гор. И к обеду уже были в Усть-Кююте.

Кто-то из Ромакиных, Володя вроде, на бревнах подскользнулся, когда составляли плоты, и ушел под бревна. Так и не нашли его, потонул. Не могли его спасти! Федя всегда ходил с Петром на сплавку леса. Ангелы небесные хранили их жизни от несчастных случаев. Правда, теперь уже нет в живых Петра, да и Феде в живых наверное нет. Одна я, из всех Сериковых, слишком долго живу. Слава Богу!

Мать Раисы (жены Петра) часто читала молитвы из Псалтыря Библии о спасении души, когда ее приглашали, и нужно было проводить в последний путь кого-нибудь из жителей села или соседних селений.

Мой отец не любил псалмы Давида: "Какой же он пророк, если имел много жен? Разе он праведник?" Признавал, что надо уничтожить Псалтирь, убрать из Библии псалмы. В воскресенье и праздники отец сидит дома и читает себе. Иногда нас, детей своих, соберет вокруг себя и

читает нам. Прочтет одно место и поясняет, наставляет, вроде как, как надо понимать читанное. Правда, по складам читал.

А вот уже большие мы были, и Николай любил выпить, так отец останавливал его: "Надо знать меру! Ведь пьяницы не наследуют Царства Божия!" По осени мы собирали хмель всей семьей. Раз, было такое, Николай сдал хмель в городе и пропил все деньги "хмельные". Вот поэтому, отец многое не доверял ему и по хозяйству делать, и Николай больше шил обувь или ремонтировал ее. Не посылал его смолу продавать, а то выручку где-нибудь пропьет. А вот Петр не курил и не пил, придерживался наставлений отца, верил в загробную жизнь, удерживал себя от искушений. Петр и походил на отца, копия отец, только без усов и бороды. Армию отслужил и всегда брился, не отращивал бороду. Женили молодого Петра до армии, у них был мальчишка Гена, когда Петра забрали в армию. Когда жили на Чичаме, то Петр познакомился с Раисой Руиной. А тут переехали на Куют. И Петр, как только вечер, садится на коня и в Чичам, к ней. Вот отец и сказал ему: "Сколько можно коня гонять? Давай женись на своей деве!" И поженили Петра с Раисой. Мать у нее была богобоязненная, как у кого умрет кто-нибудь, то приглашают мать Раисы. И она читает всю ночь Псалтирь возле умершего, ибо душа его рядом с телом находится, все слышит и видит! А я своего отца и мужа похоронила сразу. Мужа из больницы, а отца - один день был дома, после больницы, и потом отвезли на кладбище. Мачеха на похороны отца не приезжала. Не хотела бросать пасеку в горах за Кульджой.

Это, когда отец мой был жив, ваш дедушка, то на пасеку отвозил вас Валю, Зину и Колю после занятий в школе. Захватил мешок муки и мешок риса на повозку и вместе с вами поехал на Джилиузы, пасеку. Поил вас там молоком и сливками. А тебя там кто-то сглазил, похудал ты и заболел, была большая температура. К осени отец привез домой вас, и я стала тебя лечить и кормить фрикадельками. Ты тогда быстро поправился, а ноги перестали ходить. Стала я делать ванночки с солью (ложку на ванну чуть-чуть). Ноги поправились. Это от мяса ноги заболели, сказал доктор, и нельзя детям давать много мяса. Тогда Яша уже был, а тебе три года уже было, полненький такой был. Я не верила в "уроки", признавала, что ты простыл на пасеке, но я теперь знаю, кто-то тебя сглазил. А тебя лечил врач, давал стрептоцид и аспирин от простуды.

Лекарство хорошо помогало. И ты поправился, но ноги тогда перестали ходить. Отец мой сказал, что может от урючных косточек сын заболел, уж очень он любил колотить косточки и есть зерна. А зерна бывают и сладкие и горькие, можно и отравить себя. Но врачи лечили от простуды.

Удивляюсь себе, до сей поры, как я добивалась в консульстве Кульджи, чтобы меня с ребятами отправили на целину в Россию с другими семьями русских. Вице-консул убеждал меня на целину не ехать, дети малые, работников нет. "Не мне вам говорить, но я скажу. Разве нет сирот в России? Все сироты там едят хлеб, и мои дети будут сыты. Ведь отец их погиб за власть народную!" "Ну, - говорит вице-консул мне - если ты такая бойкая, то мы отправим тебя на целину!"

Вот, работала сутками в артели "Швейник" и ни разу больше ста рублей не платили мне, хотя я выполняла на сто пятьдесят - двести процентов. Думала, где еще заработать можно? В Джамбуле ходила вагоны мыть на железнодорожной станции для пассажиров. Работа не страшная: накидки, чехлы на сидения постирать, пол вымыть в вагонах поезда Алма-Ата - Москва. Придешь рано утром, постираешь чехлы и пока моешь пол и сидения, а чехлы уже высохнут. Если устала, то ляжешь на сидения, отдохнешь и дальше за работу. Но проводник мужчина сказал мне, потом: "Тут не будешь богат, а будешь горбат! Там, в Швейнике, ты сидела в тепле и не устаешь, как здесь на станции!" Вот я и пошла с этой работы домой по железной дороге, а на переезде остановилась и задумалась о доле своей. Как мне дальше жить, денег зарабатываю мало, на хлеб не хватает. Плачу, расстроилась! Кто-то взял меня за руку и по крутому откосу повел с дороги вниз. Только мы спустились с рельсов, как за спиной прошел поезд!.. Вот, как Бог спас меня! От верной гибели, из-за детей моих! Это ангел хранитель увел меня с переезда, я так думаю.

Жили мы тогда на сазах и купила я козочку с козленком. Думала доить буду, молоко пить будем. Но она, один раз, ушла со стадом (я отпустила пастись), а стадо пастухи угнали куда-то, и она ушла вместе с другими козами. Садилась я доить козу, у меня не получается, она еще молодая была. Так и не попили козьего молока. А козленок подрос, и Яша пас его на лужайке. Когда он воспротивился идти домой, Яша ударил его

палочкой по кострецу. У козленка и ноги отказали. Пришлось его пустить на мясо.

А вот помню, отец в Чичаме купил комолую черную корову, нетель, за царские рубли. И на следующее лето она давала жирное молоко. Налъешь в кринку и в нем верхняя, широкая половина, была из сливок, а внизу - молоко. Пять лет доилась она у нас, и продали ее, когда отец собрался ехать в Семиречье. Но местная власть не разрешила выезжать из Чичама, а отец почти все распродал и корову тоже. Тогда он сказал нам: "Поедем в Усть-Куют и будем брать землю в аренду! Возьмем тридцать десятин в деревне, а покосы за рекой Бией, на острове, татары продают!"... Отец купил покосы и в аренду взял тридцать десятин. Мы ездили туда на лодке. Раз, садимся в лодку, а Петро черняком изругался. Я ему и говорю: "В лодку садимся, а ты черняком ругаешься! Не к добру это будет!" И правда, страшно было, когда на середине реки смерч поднялся и нашу лодку перевернул. И мы еле спаслись! А смерч, такой силы был, что стояла на берегу копна сена, и смерч поднял ее вверх выше леса и разбросал по полю! Вот, после этого Петр стал реже ругаться черняком, понял видно. Вот и мама черняком ругалась на свиней. А отец ей и говорит: "Что ты ругаешься? Ведь потом этих свиней кушать будем!" Может от этого, мама долго болела и сказала в последний свой день: "Господи, прости мою душу грешную!" С этими словами мама испустила дух. Может, Бог простил ее ругательства?!

В детстве в Чичаме, мы полы мыли с песочком и веничком. А потом, сполощешь и чистой водой обольешь! Пол из пихты делается кремовый, пушистый, когда хорошо вышоркаешь! А теперь у нас кирпичный пол. Валя тряпку помочит, пыль вытрет и все. Вот Нина мыла первый раз, когда меня перевели в эту комнату. Веничком шоркала, а потом тряпкой вытерла. И воздух был свежий! Вот и у нас в доме в Усть-Куюте свежий был воздух! У нас комнаты были высокие, светлые, чистые! Ходили в комнатах босиками. Пол деревянный, теплый, а от порога до стола и до печки лежала дорожка. Обутки со шнурками, туда ни пыль, ни грязь не попадает зимой, обтирали у входа и ходили по комнате. Летом ходили в опорках, как сандалии, сбрасываешь у входа и босиком по комнате ходишь. Зимой у входа стояли валенки без голяшек, большого размера, чтобы были для всех, кому на улицу надо было быстро выбежать за

дровами или водой в обрезках. Летом брали воду из колодца, а зимой носили из проруби. Речка была рядом. Прорубь делали во льду и черпали воду. Ночью, отец встанет, подложит дров в печку и тепло всем нам на полу, спим, укутавшись с головой! А рано утром мама встает, расшевелит золу, найдет горячий уголек и растопит печку. К утру, от чугунок с картошкой хорошо пахнет, и мы встаем, не ждем, когда мама будить нас станет.

Я была рада, когда научилась читать. Кроме ленинских брошюр с большими буквами, где Ленин писал за бедных, помогать им звал, отец мне позволял брать Евангелие. Это было на Алтае, а в Кульдже братья по общине баптистов дали мне читать книжку "Четыре евангелиста" и я читала по одному листку. Тогда я работала в прислугах. Сажусь на печку, возле трубы, ставлю свечку и читаю допоздна. Усну, а огонь горит. Я пробужусь и погашу свечку, тогда ложусь спать. Я тогда была одна на кухне, в девчонках, а хозяйка спала в других комнатах. Только один раз свечка горела до утра, а я спала за книжкой. Вошла хозяйка, разбудила меня и ругала, но не сильно.

У мачехи моей Лизаветы муж раньше был мирошник: работал на мельнице. Он куда-то уехал, а отец возил в это время зерно на мельницу, уговорил ее и взял взамуж. Тот мужик приехал, приходил и просил ее вернуться домой. Но куда, там? Лизавета разве уйдет от такого, как отец наш! Он же умел, сказать ласковое слово и Лизавета это поняла. Отказалась вернуться к мельнику. Мы-то жили по речке Малый Куют, а мельница стояла на Большом Куюте, куда мужики возили молоть зерно. Там отец и познакомился с Лизаветой. Хоть и хромая она была, не сгибалась нога у нее. Шла, и что-то в коленке хрустнуло, говорила она, оступилась нога и после этого нога перестала сгибаться. А была она из деревни Кажа, что за рекой Бией в тридцати километрах. В кержацкой деревне она воспитывалась как сирота у кержаков. Дочка там у нее была замужем и они ездили с отцом на речку Кажа за ящиком вещей для нее перед отъездом в Семиречье.

Это сейчас, в свои девяносто с лишним лет, я понимаю, почему мачеха не захотела жить на мельнице, которую купил отец, когда мы приехали в Кульджу. А я еще в Усть-Куюте, последние годы много ткала холстов и многие люди у меня покупали. Скопились деньги. И вот эти

деньги, уже в Кульдже, я отдала отцу, а он купил мельницу на речке Аримбак. Мачехе, еще на речке Куют, надоело жить на мельнице, почему она и сбежала к моему отцу от мирошника. Ведь отец больше охотился, рыбачил да на заводике гнал деготь, скипидар и жег уголь из пней сосны и березы. А тут отец предложил, опять жить на мельнице и она отказалась. Тогда отец пошел к мельнику в Кульдже, у кого купил и кому деньги отдал. Просит вернуть деньги, а тот ни в какую отдавать не собирается: "Поселяйтесь, - говорит, - другого уговора у нас не было!" Отец расстроился, махнул рукой и в горы уехал в Джилиузы! День езды от города, считай что рядом. Только на следующее лето в горах отец завел пасеку, построил дом из жердей, обмазал глиной внутри и снаружи, поставил русскую печь. И тогда только мачеха поехала к нему. А в городе они сняли квартиру и занимали половину дома на Пиличинке. Тогда Яша только нашелся, а дед возил вас летом на эту пасеку, кормил медом, сливками и фруктами, которые там сами росли. А тебя, Коля, (ты был справный, полный), мачеха просила отдать им на воспитание. У меня же тогда вас было пятеро. Но я отцу и мачехе отказала.

А отец мой говорил: "Мне нравится ходить в церковь, соблюдать праздники по Библии. Но я живу все время в горах на пасеке." А Лизавета хитрая была. Вот, возьмет с молока снимет сметану и ест ее, а простоквашу ставит перед моим отцом. Вот и не любил он за это ее, но жил. Годы то были к семидесяти лет ему. И оставил он ей хорошее хозяйство: пасеку, дом в городе, семь коров и коня Карьку - вороного с повозкой. Вот она быстро и нашла себе хозяина. Как только ваш дедушка умер, Лизавета, тут скоро, вышла замуж и венчалась со старостой православной церкви в Кульдже. Она еще при жизни отца моего, хотела бросить его в Усть-Куюте. Но приехала ее дочь из села Кажа и всыпала ей крепко: "И не вздумай бросать Гавриила Васильевича! К себе в дом я тебя не пущу! У меня места для тебя нету. И ты мне не мать, если уйдешь отсюда! Так что живи здесь, коли вышла замуж!"... Вот Лизавета и сделала в Кульдже как хотела, после кончины моего отца. Правда, она приходила ко мне и просилась взять ее на целину в 1955 году. Но я ответила ей: "Мы уже приготовились к отъезду, а тебе надо пасеку, дом в городе и скотину продать, а это требует время. И, потом, как мы укрепимся в Союзе, дети подрастут, станут работать, тогда мы тебя

вызовем, Вот, например, Коля станет взрослым и приедет за тобой". Но она не стала дожидаться нас, а снова замуж вышла. Теперь, уж я и не знаю как она там, в Кульдже, живет, чужая нам стала совсем... Вот, когда я в думах своих и в сердце, зайду далеко, аж сердце болит, то я думы свои останавливаю, успокаиваю сердце молитвами. Прошу Господа Бога: храни меня от злых сил и недугов.

Скоро утро, скоро день придет,
Солнце встретим с радостью!
Петухи всюду поют и алый свет
В мир для нас приходит с благостью!
Всемогущий вседержитель всеблагой
И любви, и веры, и добра дает нам,
Чтоб с открытым сердцем в мир иной,
Мы могли взойти к святым Его стопам!

Помню, у Ишковых был один сын Григорий. От него ушла жена с ребенком к матери, потому что часто с гармошкой пропадал из дома. А когда женился на Груни, моей сестре, то она не побоялась, что он не самостоятельный. "Я его зажму так, что он не будет, таким гулящим, с гармошкой на лужайке!" - сказала Груня. И когда я приехала к ним из Китая, то Раиса написала письмо мне: "Ты уж к нам не приезжай, а то Анатолия, сына моего, исключат из партии. Ведь он указал в биографии своей, что нет родственников за границей." Я и не поехала к Петру в Андреевку. А у Петра забот тогда было полно: идет, зимой коровам сена задаст, чистит под скотиной и за пасекой летом ухаживает с трудом. Но когда получила от Нины Гавриловны письмо, приехать и проведать их, то в первую очередь поехала на Алтай в Усть-Куют. Там мне рассказали, что Грунин муж Григорий поехал за сеном и взял ружье на всякий случай. И когда привез домой сено, то стал разгружать его, а под ним ружье лежало, он забыл про него. Дернул за ствол к себе вместе с сеном, а курок сработал, и пуля убила его в грудь. Я не была на похоронах. Зачем мне это. Остались у Груни дети Шура и Петя (лет пятнадцати в 1970 году). Как-то приезжали они к нам в Алма-Ату отдохнуть и ходили в горы Талгара.

Тогда же ездила я на Пасху в Андреевку к брату Петру, повидала родных и близких. Я им продиктовала песню: "Вот собрались мы опять

прославлять любовь Христа...", которую верующие поют при встрече. При встрече со своими братьями и сестрами я просила их петь со мной песню: "Дорогие минуты нам Бог даровал, мы увидели братьев, сестер! А Иисус дорогой с нами быть обещал, дадим Богу в сердце простор!"... А жена Петра, Раиса, самогон на стол поставила, и гулять начали. Вот я и попросила не гулять в честь нашей встречи, а сходить в церковь. И мы с ней сходили в церковь, она причастилась и исповедовалась. Все время там повторяла: "Грешна, батюшка, грешна батюшка!" А потом, мы шли из церкви, и собака на нее залаяла. Так Раиса так на нее черняком - заругалась! "Что же ты это делаешь? Ругаешься черняком" - говорю ей. А она мне отвечает: "Да я еще раз схожу в церковь на исповедь! Попрошу батюшку простить мне грехи." Вот так. Как я приехала к Петру в дом, так собрались все родные и близкие и дальние, ведь не виделись около тридцати лет. Тут тоже столы накрыли, стали петь и плясать, все пили и гуляли – вовсю, а Петр не мог, и мы с ним беседовали, вспоминали годы. А при прощании с родными, я просила петь со мной песню: "Бог с тобой, доколе свидимся! Путь твой Он пусть охраняет..."

Вспомнили Набойщиковых, которые остались на Чичаме, когда мы уехали в Усть-Куют. Мама была дружна с ними. Тит звал маму крестной, так как она была свидетельницей на его свадьбе. Тит взял Меркульеву дочку из зырян, крещеных с детства, Васену. Отец с сынами зимой, накатает пимы, а потом, едет по деревням продавать. Но денег у людей тогда не было, и ему взамен давали зерно, муку, а то привезет баранов. И потом они бегают у них по ограде. А чтобы их не раскулачили, отец Набойщиковых продавал скот и зерно тем, кому надо было, а себе оставлял самое необходимое. Валенки накатает и снова все будет... Ромайкины и Слогуновы были из мордва, как и наша мама, с нами говорили по-русски, а в семье по-своему. Они имели огороды и земли под покос. Как и все селяне они вели хозяйство. У Акимовых была корова и лошадка, старик ездил на лошадке. Вот, наделает саночки для детей летом, а потом зимой, едет менять по деревням на пшеницу и ячмень. Они делали муку из этого и пекли лепешки и булочки. У них была дочка и сын, а старшая дочь была замужем. Младшая вышла за Егора "длинного" и его приняли в дом к Акимовым и они жили одной семьей. Вот сын Акимовых Афанасий, не знаю, женился или нет, когда мы

уехали. У Меркульевых было три дочки. Васена за Тита вышла, другая - Настей звали, не была замужем, а старшая дочь была за татаринном. Держали они лошадь и корову, запасали сено на зиму. А летом всей семьей трудились на огороде и на покосах, как и все в деревне.

Вспомнили, как мы с Груней и Петр ходили за колбой. Поднимешься немного в гору и там поляна. Трава на ней выше колен и полно колбы! Наберем в мешки, свяжем в пучки и несем домой. Мама навяжет, каких надо пучков из колбы, и несет продавать по домам. Но денег в деревне не было и, кто брал колбу, то давали в обмен другое. Отец тогда был старостой в деревне, и как придет какая записка из волости, он собирает мужиков и дает им пояснения: как и что делать надо. А записки часто приходили из управы, ведь тогда (1916 год) царская власть менялась на керенскую, а потом (1917–1922 годы) белогвардейская на советскую. Отец и хотел поэтому уехать с Алтая в Семиречье: там край спокойнее, живут люди в мире. Так он считал, но не знал, что и там идет война между бедными и богатыми в городах и селах...

Вспомнила я, как отец наш делал кадочку. Обруч хотел одеть на дощечки, а мальчишка, сын Анатолия Николаевича, подошел к нему и дернул за веревочку, которой держались дощечки. Дощечки те рассыпались. И опять надо было складывать их. Отец рассердился и побил мальчишку веревочкой. А он отцу своему жалуется "Дедушка мне коммунистическую порцию дал по заднице!" "А за что?" - спросил отец. "Да я дощечки у кадушки рассыпал." "Ну, тогда правильно дед сделал и дал порцию!" А тут, зимой, Николай нас с горки на санях повез. С криками и весельем, налетели мы на бугор и перевернулись! "Ты чо, кучер, свалил нас кучей!" - закричал мальчишка. Тосей, Толей его звали. Анатолий Николаевич, когда с отрядом красных бойцов освободил Куреево от белых, то спас от гибели Тосю и в "хурджуна" все время возил его с собой.

Отец наш был как старовер. Все праздники справлял по Библии. Обычно в субботу, ребята с отцом возвращались с покоса рано. А я просила оставить меня дома, чтобы прибраться и помыть полы в комнатах. Отец сразу идет в баню, уже натопленную. А потом заходит домой и говорит: "Солнце на закате, считай, суббота прошла. Убирайте из дома все прялки, ткацкие станки. И никакой работы!" Он считал, что

после захода солнца пришло воскресенье и его надо праздновать по Святому Писанию. Вот, когда все сходили в баню, то отец брал Библию, читал отдельные места, а все кругом сидят по лавкам вдоль стенки. Мама, к этому времени, приготовит - кушать и все садятся за стол. После общей молитвы, отец первый берет ложку и кусок хлеба, а потом - все остальные. И молча, без разговоров, принимали пищу, дабы подкрепить тело свое немощное. По субботам и воскресениям отец не разрешал нам ходить на вечеринки. И когда мы стали почти взрослыми, то просили у него разрешения. А он говорил: "Я не могу дать своего согласия, ибо считаю грехом вечеринки. Но и не запрещаю. Вы меня уведомили, а дальше делайте, как ваша совесть и душа подсказывает! Неволить не буду. Решайте сами." Вот так мы и ходили на вечеринки без благословления отца. Каждый держал ответ перед собой и решал: идти ли ему на гулянку. Я старалась больше дома бывать...

Раз, мы с Груней мылись в своей бане. Я на верхний полоч залезла и веником парюсь, а она внизу мыла голову в тазу. Чувствую, меня тошнить стало, и голова закружилась. Стала спускаться с полка, и вижу, Груня у таза легла и голову поднять не может. Я, как была голой, толкнула дверь на улицу, а была зима и баня стояла недалеко от дома. Я за порог и в снег упала! Хотела бежать по сугробам, а ноги не несут!.. Не помню, как докарабкалась до дома, кричу: "Мама! Мы с Груней угорели! Бегите в баню! Спасите ее! Она лежит на полу и не двигается!" Мама со старшей сестрой Ниной, бе-егом в баню! А я опомнилась немного, натянула на себя одежду и тоже пошла туда. Прихожу, а мама набрала кипяток, смочила полотенце и прикладывает Груне на шею. Раз, другой раз отжимала и снова с кипятком полотенце ложила на шею. Так, горячим компрессом и отходила Груню. Потом уже, мама ругала нас: "Ведь в бане жили куры и несли яйца. Нагадили в печке, а вы не вычистили и затопили печку! Вот и угорели от дыма, когда горел птичий помет. Слава Богу, все обошлось без смерти. А то, вон у соседей, парень так же пошел париться в баню, где сидели куры. Дома никого не было, а он один был в бане. Угорел парень и скончался."

А вспомнила это я сейчас, сам знаешь почему. Меня, как тогда в детстве, тошнить начало и голова кружится. Видать угорела я от дыма из соседнего двора, от Римки. Жгут всякий мусор и помет, там у них птицы

и собаки. Дайте мне горячую воду, кипяток! Будем на шею компресс делать. Вот так, к левому уху ближе! Так тошно мне! Выворачивает внутренности! Думаю, час мой пришел помирать! Господи, помоги! Дай силы! Продли дни моей жизни!.. (Валя мочит в кипятке полотенце и прикладывает на шею маме раз, другой). У-ух! Слава Богу! Полегчало! Правда, немного вырвало. И Валя к ногам принесла бутылки с горячей водой! И еще я выпила настой душицы. Не хотела я совсем кушать оладушки! А Валя уговорила меня: "А то будешь ночью просить кушать!" Вот и покушала оладушки, согласилась! А теперь вижу, не надо было кушать. У меня же такая привычка: стоит на столе еда, и я сижу, ем пока не закончу. Но не только компрессы мне помогли, я в душе молила Господа Бога, помочь мне, укрепить мои силы! Думаю, Бог услышал мою молитву. Я, бывало, в детстве бегала в Усть-Куюте молиться за речку малый Куют. Залезу на березку, оторвусь от земли и будто с Богом говорю. Помнишь, я тебе уже рассказывала, как это было.

А вот, еще вспомнила. В прислугах у Дубины болела я малярией, залезу на печку греться, мучилась долго. А тут получила искушение, думаю: "Для чего ты живешь? Мучаешься? Возьми яд и успокоишься от боли!" Я уж приготовила яд в пузырьке... Но приходит подруга Фрося - Крестина и говорит: "Ты что? Болеешь?" (Я жила при собрании, и она подошла ко мне после богослужения. Потом она уехала в Германию и меня звала туда. Но я отказалась, ведь отца моего оставить в Кульдже было не на кого, одна я тогда была рядом с ним в Кульдже). Я стала разговаривать с ней, и открылась, что хотела отравить себя эссенцией. А она говорит: "Ты в ад хочешь попасть и гореть в геенне огненной!" И отговорила меня, не травить себя. "Поживи, земные тяготы пройдут и ты переживешь на земле, а на небеса попадешь в рай!" Я взяла тогда и выбросила в туалет отраву! Хотя уже языком попробовала эссенцию и чуть обожгла язык. Вот, и живу до сих пор! Бог хранит меня! Видно, и тогда ангел прислал подругу ко мне, чтобы я не стала самоубийцей. Ведь написано в Слове Божиим: "Самоубийцы не наследуют царствия Божия!"

В начале лета, как сойдет лед с реки Бии толщиной больше роста человека, в полкомнаты, мужики идут на реку и ловят рыбу. А она идет на нерест прямо по верху воды, тучей! Вода кипит от рыбы! Берут сачки большие и черпают, кому сколько надо. Брали рыбу только для себя, а не

на продажу. Большую рыбу, с локоть величиной, солили, вялили, а потом складывали в меши, и на чердак относили. Если надо было взять для еды на лесосплав или на пашню, покосы, то вяленую рыбу всегда брали с собой. А икру с рыбой жарили и кушали с большим удовольствием! На таганке нажарим, яичками обольем, и хватало этой большой сковороды на всю семью. Налима, щуку и хариуса ловили на удочку. Ставили на ночь закидные сети и удочки, а утром шли, снимали покрупнее рыбу, а мелочь отпускали в реку. Так делали, после нереста рыбы, во все остальное время лета. А зимой отец долбил лунки во льду и ставил удочки: больше попадались налимом и щука. Мы любили уху варить из налима, молоки тоже ели, они вкусные в ухе!

А отец любил жарить чебаков: масло нальет на сковороду, поверх рыбы яйца набьет, посолит и ест. Аж за ушами хрустит! Отец говорил: "Давайте, сначала чебака поедим, а потом кашу пшеничную. Пока ешь чебака, и аппетит разгуляется! Тут и кашу есть можно!" От молока не остается никаких сливок, кушаем все вместе. На такую, большую семью как у нас, молока от трех коров хватало только-только. Масло мы не взбивали, и его у нас не было. Но зато молока пили вдоволь и сметану с удовольствием! Вот, когда отец собрался ехать в Семиречье, то мама говорила: "Никуда я не поеду отсюда! Здесь райское место! Мелкая галька во дворе, двор покрыт травой, грязи никогда не бывает. Две речки рядом. Красота, да и только!" Но согласилась ехать из Чичама в Усть-Куют...

Отец всегда имел деньги при себе, так как продавал скипидар в бутылках. Один раз в Чичаме один мужчина мучился от болезни и хотел отравить себя. Пришел к отцу, взял у него бутылку скипидара и выпил... но остался живым! Только из желудка у него вышли селитеры, которые душили его, подкатывались к самому горлу. Вот и благодарил потом отца этот мужчина, что вместо отравления спас ему жизнь и исцелил от болезни. А ведь хотел лишиться себя жизни, а, выходит, исцелился с помощью отца!

Обычно, мама, после еды, убирала посуду и сразу мыла ее и нас к этому приучила. А после того, как убрала со стола, накрывает его скатертью. У меня тогда был отдельный стол для раскройки и шитья, вишневого или коричневого цвета, метра полтора будет. И машинка

всегда стояла на столе и, как только у меня было время свободное от хозяйства, по вечерам, я садилась и шила.

Вот вспомнила слова: "Этот путь приготовил Я вам, Для тебя мои брат и сестра. Так иди по нему, не скорбей, а Иисуса люби горячей."

У меня была надежда в душе, что Бог хранил меня с десяти до двадцати лет. Тогда я жила в молитвах, среди братьев и сестер, с душой наполненной Святым Писанием. Земные трудности и мучения тела я не замечала, а вернее в молитвах к Господу Богу просила избавить меня от мучений и страданий. И душа чувствовала, как я... Были чувства, как будто я хожу в воздухе полном радости и счастья! Если бы я не молилась, то не смогла бы пережить все свои трудности. А их было на моей жизни, ох как, много! У меня было убеждение, что когда человек рождается, то вместе с ним у него есть умение заниматься чем-то, любимым делом. Вот и я, подросла и как само собой, никто меня не учил этому, я начала шить на машинке. На глазок, без примерки и все получалось! Ведь без одежды человеку трудно жить! так думаю.

Знаешь, один раз я по молитве получила исцеление. Было время, когда Яша был маленький, а я ходила в дом соседей, где скончался старик от сибирки. Прихожу домой, а на ноге краснота какая-то. Думаю, оцарапала ногу, содрала кожу. Вот я взяла и сорвала ее, думала к лету заживет. Но у меня нога стала пухнуть, температура стала высокой, голова закружилась. Собрала я вас всех вокруг себя и Яшу взяла на руки. Молюсь, причитаю, и вы тоже плачете! Прошу у Господа Бога исцеления! Вдруг, чувствую, как в глазах стало яснее, от макушки по затылку и по спине, как будто, огня струйка какая-то побежала! А потом и опухоль на ноге стала опадать. Видно, услышал Господь наши молитвы и исцелил меня от сибирки! Вот, я еще раз убедилась, что Господь Бог всемогущий и всемогущий. Господу угодно было сохранить мою жизнь ради вас мои малые деточки! А ведь старшей доченьке Валечке было только семь лет, а Яше шел второй месяц. Боли в ноге успокоились, я положила Яшу на кровать и к печке русской: готовить кушать, некому было кормить вас кроме меня. Тогда дедушку жил на пасеке, а отца вашего этой зимой убили на фронте. И родные мои сестры и братья, тогда, остались в России, а я от них не имела никаких вестей. И доверила я свою судьбу и

детей своих одному Господу Богу. Уповаю на Господа Бога по сей час и часто молюсь я Ему...

Дети мои, кто бы знал, сколько я слез пролила, сколько переживала, когда я вас, Валю, Нину и Колю, в интернат отдала в Кара-тюбе. Только что приехали на целину в Уральскую область, совхоз Аккозинский и вам учиться надо, средняя школа за тридцать километров, а в Аккозе только пять классов. Ругаю себя, а отдала в интернат. Да и откуда бы я вас пятерых прокормила? Устроили меня истопником бани и пастухом стада коров совхоза. Выгоню я их пасти, а они разбегутся по полю, и гоняюсь я за ними. А потом остановлюсь и не могу идти дальше. Упаду на колени и прошу: "Господи! Сжался надо мной! Помоги мне! Дай силы мне и вразуми бессловесных животных!" Стою и не знаю, где я, что со мной? Будто одна я во всем свете и никого рядом!... И с души отлегло, когда я услышала мычание коров. Стоят недалеко и щипают траву, что может расти в песках! А время уже к вечеру подошло. И я погнала скотину в Аккозочку.

Потом, ближе к осени, замдиректора сказал мне: "Скотину будет пасти другой человек и печь в бане не надо вам топить. Кто будет ходить в баню, пусть и топит. А вот мне сказали, что шьете одежду неплохо?" "Да, - сказала я. "Тогда сшейте мне рубашку!" - и показывает мне материал, светлый в полоску. Я согласилась. Через день заглядывает он к нам в глинобитную комнату с лежанкой во всю комнату. Я ему отдала рубашку. "Что без примерки?" - спрашивает он. "Наденьте!" - говорю ему. Надел замдиректора сшитую рубашку, руки поднял, плечи развернул и говорит: "Подошла, в самый раз! Спасибо!. А теперь мы вам будем трудодни ставить, как истопнику бани, а вы шейте людям одежду. Вот наши женщины просят!" "Согласна!" - отвечаю ему. И завтра уже ко мне принесли шить платья, а фасон я из журнала взяла. Им понравилось. И так я стала шить на дому. А вы, трое, учились в интернате Кара-тюбе.

И вот, уже холодать стало по ночам в песках, а я соскучилась и так захотела вас увидеть, что на выходной день пошла к вам. Изготовила сдобных булочек, взяла что поесть, попить и пешком отправилась. Там дорога от повозок и машин одна до Кара-тюбе и, думаю, я не должна заплутать. Отошла от селения совсем немного и меня догоняет машина. Останавливается и приглашает подвезти. А я иду себе по краю дороги и

не отвечаю, а думаю себе: "Кто тебя знает, куда ты меня подвезешь? Степь то широкая и не найдешь меня потом." Вот и поехала дальше машина. Дальше иду. Впереди юрта стоит и рядом пастух с женой и ребятишки бегают. Подхожу ближе, а меня приглашают зайти и айрану попить. "Спасибо, - говорю. - Мне детей повидать надо в интернате и домой еще вернуться к вечеру. А айрану я попью!" Пила, аж зубы ломит от айрана, но вкусно! А дальше шла без приключений и к обеду была у вас в интернате. Ты, как раз в столовой был, и тебя вызвали ребята: "Мать пришла, иди!" Конечно, ты рад был видеть меня, хоть и прошло два месяца, как я сдала вас в интернат. Вышли и Валя с Ниной из своих общежитий, и я вам отдала свои гостинцы. Поговорила я с вами и на душе полегчало: все живы и здоровы, учитесь, и слава Богу! Отдохнула я немного и засобиралась домой.

Директор интерната все уговаривала остаться на ночь: "И место есть и есть чем покормить!" "Нет, - сказала я. - У меня ведь дома еще двое ждут, когда я вернусь." Поговорила с вами еще: "Ну, я пошла. До свиданья!" Вы проводили меня до крайнего дома, а тут машина стоит с доярками. Собрались ехать на вечернюю дойку в наше отделение совхоза. И меня приглашают сесть в кабину. Тут я не стала отказываться. Смотрю на небо, а там тучи собираются. Поехали, а девчата оказались боевые, чуть не всю дорогу пели песни удалые! Половину дороги проехали и не заметили как. А потом тучи стали черными, опустились почти на самые пески! И ветер стал поднимать песок, задувать со всех сторон. Машина уже подъезжала к Аккозочке, когда из черных туч ударила молния, прямо в землю, и раздался грохот! Машина остановилась, вдруг следующая молния ждет нас? Но я не стала ждать, вышла из машины и направилась домой, что стоял на краю селения. Конечно, Яша и Зина ждали меня и сидели дома, правда, без огня. Вот так, ваша мама ходила, чтобы повидаться с вами и душу успокоить свою. Удивляюсь, неужели это было со мной!?

А сколько я мучений и унижений претерпела за свою долгую жизнь! Одному Богу известно! Не любила я ходить по начальству и просить милостыню, но иногда жизнь заставляла и забота о детях. Вот, было это в начале сорок пятого года, когда погиб ваш отец, а Яши еще не было, и я была в положении. В доме нашем закончился уголь, и нечем стало обогреть дом. Вот, собралась я и пошла к Мажарову, бывшему

генералу, правителю русского общества в Кульдже. Прошу его помочь мне углем, а он отвечает: "У меня нет угольной шахты, чтобы давать вам уголь. Нужно самим денег зарабатывать и покупать его." "Да где же я буду сейчас работать!? Вон, у меня четверо малых детей и сама в положении! - говорю ему. - Вы же руководитель в русском обществе, вот я и пришла к вам. Помогите!" А он смотрит на меня и говорит: "И как это вы смогли настрогать, настукать столько детей? Вон, у меня одна дочь и забот от нее полный рот!" Осерчала я на него, и сказала ему: "Не мне тебе объяснять, для чего люди семьи заводят и женятся! Но дети - это моя радость в жизни! А вы, просто не хотите мне помочь!" - повернулась и вышла. Иду домой и думаю: "Идти к старшине улицы Гани-батору, душа не лежит. Мусульманин, он может и даст угля и привезет домой, ну, а вдруг, потом ко мне ночью явится? Не-ет, не пойду к нему." Сходила на собрание баптистов и рассказала в общине о своей беде. Сестры и братья нашли деньги. А один из них, на завтра привез уголь! И тепло стало дома! Так и топили этим углем до лета, когда Яша уже родился. Вижу теперь, прожила больше девяноста лет, не помогают тебе власти, так ты обратись к братьям и сестрам общины верующих со своей бедой и они помогут тебе бескорыстно. А ты не забудь за это возблагодарить Господа Бога в молитве своей.

Господи, я устремляю свой взор на Тебя, не знаю никого кроме Тебя, и во всех вещах я вижу одного только Бога! Господи, я твердо стою на Святой горе и не ведаю ничего, кроме Твоей Любви, Жизни и Мудрости. Господи, меня постоянно пронизывает Твой Божественный Дух. Он всегда пребывает в избытке внутри меня и снаружи. Отче, я знаю, что Твой Дух пребывает не только во мне, но и во всех твоих чадах. Отче я знаю, что у меня нет ничего, чего бы не было у каждого из Твоих чад, а у каждого из них есть Бог. Слава Тебе Господи Боже, хвала и благодарение за все, что Ты даруешь нам! Отец, Сын и Дух Святой!

ПУТИЗЕМНЫЕ

ЖИТИЕ АННЫ Г.Д.

Воспоминания 2003 года
Жизни переселенцев из Центра России
на Алтае и Семиречье, в Китае и в Казахстане

Послание МАМЫ

Дорогие мои миленькие и родненькие, хочу я вас поздравить всех с днем рождения! Дай Бог вам всем здоровья, радостной жизни, видеть радость в детях, в жизни своей, во внуках и правнуках. Чтобы всегда радовали вас дети, чтобы для вас они были радостью и весельем. Когда дети есть в семье, тогда все земное забывается, а только хочется жить для детей. Как я это все на себе испытала, хочу и вам передать, чтобы вы, также как и я, ценили детей в каждой семье. Дети дают счастье человеку. В каждой семье они обновляют жизнь родителям, а когда они подрастают, когда родители старше делаются, тогда и вовсе в семье делается радостно. У меня дети есть, я не одна. Вот мои внуки и правнуки сейчас придут, походят вокруг меня, поговорят со мной, поиграют, а я послушаю, посмотрю на них, и у меня вся старость обновится. На все это будет воля Божия.

Желание мое - всегда молить Бога за вас, чтобы Господь давал вам жизнь славную и здоровье крепкое. А когда есть здоровье, тогда и радостно жить. Когда нет здоровья, тогда и радость на сердце не приходит. Вот я все прошу: "Дай Бог, чтобы у вас всех было крепким здоровье на многие годы". Еще прошу вас, когда будет возможность, летом или зимой приезжайте к нам в Алма-Ату. Вы молодые, а я уж не могу ездить и разъезжать, ноги не дают, а вы уж посетите нас. Как приятно увидеться и поговорить по душам! Оно и в книге Божией записано, есть у нас книга "Святое Писание", и я часто пою эту песню: "У Бога в Книге наших дней записаны скитанья, Он слезы пишет наши в ней, все наши испытанья..." Так что вы не думайте, что все в жизни этой

проходит без следа. Там, в Книге жизни, каждое слово наше отпечатывается. Бог ловит все наши мысли и слова. Теперь человек многого достиг. Вот, где-то далеко от нас говорят, а мы по радио слышим или по телевизору видим. А у Бога телефоны ближе, чем мы думаем. Мы говорим и нам говорят издалека, хоть с Москвы, где Алеша, хоть с Тамбова, где Яша, хоть с Томска, где живете вы с Людмилой и Димой и Игорем с семьями. А у Бога записаны наших дней скитанья, Он слезы наши пишет в ней..." Я часто пою эту песню, потому что у меня сейчас ноги не ходят. Я никуда не могу ходить. Сажу и лежу дома вот уж четвертый год. Куда пойду и кому что скажу? Я с Господом больше все говорю. Пою ему и молитвы читаю. И за вас за всех молюсь. Молиться не запрещено.

За врагов даже молись, говорил Христос, за соседей вредных, за врагов. А за врагов ох как тяжело молиться! Он тебя обидел и вдруг надо за него молиться, очень тяжело делать это. Прощать легче. Скажешь "Прости ему Господи!" и все. А молиться за врага очень трудно. Надо еще сердце свое успокоить, надо полюбить врага в своем сердце, а потом уже за него молиться. А как же за него молиться?... Но Христос говорит: "Молитесь за врагов своих." Я всегда на этом останавливаю себя и говорю с Господом: "Господи! Как за врагов молиться? Он же обидел меня, навредил мне и вдруг я ему должна простить? Он же не просил у меня прощения?" Но видно у Господа такой план. Да-а-а. (задумывается, молчит, прикрыв глаза рукой). За все в моей жизни я благодарю Господа Бога. Я прожила многие годы. Но я, когда принимала Крещение в городе Кульдже в Китае, то давала Богу обещание служить Ему. А вот уже девяносто третий год прожила и не найду для себя ответа: в чем я послужила Господу? Но думаю, что Господь записал в Книгу жизни то, чем я могла послужить Ему. Ведь для меня самое святое дело было воспитать детей, а потом внуков и правнуков и всю жизнь положила на это одна без отца моих детей, который погиб на войне. Дай Бог, чтобы у вас такого не случилось. Да будем по милости Божией живы и здоровы, если на земле не свидимся, то у ног Христа свидимся обязательно. Там мы все будем вместе хоть на малое время. Так написано в Книге жизни. Там все мы будем узнавать друг друга, расставаться и прощаться, а потом разойдемся каждый по своему месту, которое он заслужил на этой

земле. Вот так и будет, верьте. А пока до свиданья. Обнимаю нежно и целую всех вас от души.

Любящая вас всех Мама, бабушка и прабабушка.

10 августа 2003 года. г.Алма-Ата.

Родители мои были родом из села Завьялово? (Завальное?) Тамбовской губернии, где-то под городком Усмань. Отец мой Гавриил Васильевич Сериков и мама Евдокия Кузьмовна Безява (Безяева) жили в этом селе на одной улице с детства. Половина жителей села считались ближними или дальними родственниками Сериковых. Родители поженились, сочетались, когда маме исполнилось шестнадцать лет, а отцу было на семь лет больше. Мама родилась, прожила 45 лет и скончалась зимой 1927 года, а отец родился, прожил 70 лет и скончался в 1947 году, в четверг недели Пасхи. Когда мне было семнадцать лет, моя мама после долгой болезни скончалась. Зимой в декабре хоронили маму. Я сильно горевала и говорила в своей молитве: "Господи! Лучше бы ты меня забрал к себе, а маму оставил на земле!" Когда маму хоронили, то я не удержалась и бросилась в яму на ее гроб, потеряла сознание. Отец вытащил меня из ямы, ему помогли уложить меня на сани и еле смогли разжать зубы и влить воду в рот. Тут я пришла немного в себя, а дома меня отходили, но я еще долго болела и горевала по маме...

Через год после кончины мамы (задумалась, глаза прикрыла рукой), нет, это после кончины старшего брата Григория было, наша семья переехала из деревни Чичам в другую - Усть-Куют. Рядом с деревней Чичам была эта самая речка Малый Куют. Она бежала с этих гор, что поближе, а ниже попадала в речку Большой Куют и вместе они уже сливались с полноводной рекой Бией. Большой Куют и Бия идут издалека с белых снегов. А там, где речки совпадают, недалеко о реки Бии стоит деревня Усть-Куют. Река Бия широкая и многоводная, по ней пароходы большие ходили и сплавляли лес плотами. От Чичама это место было не так далеко. Пешком ходили мы, конечно... Они, два Куюта, вроде мелкие речушки, а внизу Бия, одна, большая река. Там, недалеко от нас на берегу Бии было село Куреево озеро. Там раньше были больницы и санатории. Курорт был раньше до революции. Туда господа выезжали отдыхать из Бийска и даже Барнаула.

В Усть-Куюте было побольше домов, чем в Чичаме и пашня была рядом. Отец говорил, что переехать надо было, а то он часто хворал и болел лихорадкой в Чичаме из-за сырости и малого солнца под горой Чичам летом. Но там остался старший сын Петр с молодой семьей и отец оставил ему в хозяйство корову и лошадь. В Усть-Куют переехал отец с мамой, старшая дочь Нина Гавриловна с семьей и мы: Николай и я, Анна, с сестрой Груней. Отец арендовал земельный участок с бугром и ямой на краю деревни. Там построил "заводик", чтобы жечь древесный уголь, гнать деготь и скипидар. Поставил большой котел, обложил его кирпичом и обмазал глиной. Тут же соорудил печь с топкой. Деготь продавали или обменивали на продукты в деревнях и волостном центре Солтон или на базаре в уездном центре Бийске. Отец сдавал скипидар в городской аптеке и в обмен получал нужный товар и лекарства.

В селе, где родились мой отец и мама, общество было очень набожное. А когда пришла туда советская власть церковь стали притеснять и верующие многие стали уезжать за Урал в Сибирь. Отец и мама не рассказывали нам, как там живут люди, потому что семьей выехали в Сибирь в 1910 году. Отец у нас был глубокой веры христианин, как апостол был, сильным по Слову Божию. Он не был проповедником и читать быстро не умел, по складам все читал. Вот так просто, дома читал нам Евангелие. Как приходит праздник какой-нибудь, то он посадит всех за стол, на столе уже обед накроет мама. Отец берет Евангелие, прочитает отдельные места и укажет нам, как вроде десять заповедей Христа, вот так нельзя себя вести, вот так нельзя поступать и говорить. А потом сотворим молитву и садимся кушать. Вот таким образом встречали праздники и проводили время в нашей семье.

Церкви у нас не было там, где мы жили. Дома в красном углу была икона, но отец, почему-то, не стал на нее молиться. Может потому что в Евангелии сказано "рукотворному не поклоняйся"? На окно творил молитву отец. Вот так, окно открыто, за стеклом свет есть от солнца. И он встанет у окна, так как там апостолы молились по Евангелию, и творит молитву во имя Господа Бога. Знаешь, жил апостол, как его... Вот у Саши сына так зовут - Данилка! Вот. Апостол Даниил всегда на открытые окна молился. И когда цари, какие бы не давали ему наказания, то Господь хранил его жизнь. Апостол оказался святым. В печь

раскаленную бросали его, чтобы сжечь, а он выходил из печи такой, что даже волоса были не запаленные. На ночь бросят его, а утром рано царь встает и кричит ему: "Даниил! Даниил! Спас ли тебя твой Бог, которому ты служишь?" А Даниил ему отвечает (написано так) : "Да. Я оказался пред Богом чист, да и пред тобой царь, я ничего не сделал плохого! Вот Бог послал мне сил так, что я не видел ничего горячего". И ко львам бросали его, чтобы львы растерзали. А то же так получалось. Царь выходит и кричит ему также, а Даниил отвечает: "Бог послал мне ангела и заградил он уста львам, они меня не тронули!" Так в Книге написано. Но впоследствии против Даниила было двадцать человек, которые хотели сделать так, чтобы его не было на свете. Но они никак не могли его уничтожить. Тогда бросили Даниила туда в зверинец и львы сразу растерзали. Ой-йе-ей! Вот такое страшное написано в Библии и это делали люди против праведников и апостолов.

Вот наступил у меня Новый год после моего дня рождения. Слава Богу, прожила столько, подумать только девяносто три года! Но виновата я перед своими детьми, что не смогла я их убедить и привести в Церковь, не смогла в юности дать им святое Крещение, чтобы они были детьми Божиими. Ты, Господи, я верую, Ты приведешь моих детей и внуков к покаянию и Крещению. Я все надеялась на себя, что я им покажу жизнь свою, они, посмотрят, как я живу, как хожу на собрания верующих и они, дети мои, тоже будут ходить в церковь. И когда им будет по двадцать лет, как когда-то и мне было, примут крещение и уверуют в Господа Бога. Такие у меня были твердые упования на своих детей.

А оно не так получилось. Двое в детдоме жили, Коля и Нина, а Яша после школы в институте учился и на стройку в Джамбул уехал. А старшая дочь Валя несколько лет в институте на химика училась и только Зина со мной оставалась... А в церковь ходили только когда были маленькими в Кульдже. А как приехали в Советский Союз из Китая, так оставили собрание. И так все пошли в мир. Для мира они хорошие и добрые, но как Господь усмотрит? Угодно ли Богу такая жизнь для людей без истинной веры? А для души своей надо исполнить правду Божию! Иисус Христос, сын Божий, и тот пришел и принял крещение. Он сказал Иоанну". Оставь это!" Иоанн Креститель удерживал Его от крещения, а Он говорит: "Оставь это! Нам надо исполнить правду

Божию"! А чего оставь? Чтобы не удерживал от крещения. Вот Иисус и принял крещение. И был голос с небес: "Сей есть Сын Божий, Сын Мой! К нему мое благоволение! Его слушайте!" Но Христа сейчас нету, как Он раньше по земле ходил. Зато слово Его есть и хранится до сего дня. "Исследуйте Слово Божие!" - сказал Христос. - Оно обо мне все говорит". О христианах говорит, так я думаю...

В детстве дети мои все ходили на собрание баптистов в Кульдже. А дома бывало поем. Поем, поем, а потом помолимся и ложимся спокойно спать. А ведь тогда на улице война шла, (китайская Революция ноябрь 1944 г. – октябрь 1949 г.) люди убивали друг друга. Вот так мы проводили домашние собрания. Такие у меня были ребята в детстве. Когда вы маленькие были, то часто читали стихи и пели песни духовные. Зина у нас была первым голосом, высоко и чисто пела. Каждой песне она найдет свой мотив и первым голосом начинает петь, а мы все за ней подпеваем. Радостно тогда было у всех на душе! А сейчас? Все разъехались, кто где... Да-а-а. Я виновата в том, что вы, дети мои, остались некрещеными... Прости меня Господи! Все мои упования на Тебя Всемилостивого... Разбередила я себе и тебе душу своими воспоминаниями и теперь хочу напомнить песню, которую я пою в трудные минуты жизни своей: "Вот собрались мы опять прославлять любовь Христа, Пусть святая благодать преисполнит нам сердца, Пусть нас братская любовь всех в одно соединит, Пусть любовь Христа - покров, Вера же нам - крепкий щит!"...

Когда мы жили на Алтае в Усть-Куюте, недалеко от Бийска, день пути на подводе, то на огороде у себя растили не только картошку, но и помидоры, огурцы и арбузы. Правда, арбузы вырастали небольшие. У нас был большой скотный двор. Соберем назем в кучу, а в середине у наземной кучи делаем лунки и туда насыпаем земли и туда арбузы садим. Они как вырастут небольшие, еще не поспели за лето, морозы осенью не дают им дозревать. Мы эти арбузы снимаем с грядки, складываем на крыше дома и закрываем от холода. Там они и доходят до зрелости. Раз один арбуз вырос таким большим и мы его не стали есть. В это время старший брат Петро был в Армии по призыву и мы его ждали, хранили арбуз до его прихода. Когда Петро пришел, мы разрезали арбуз и кушали вместе с ним. Арбуз созрел и был такой красный и вкусный, что всем

понравился! А там, где я родилась, в Мысах Калмыцких за Барнаулом, арбузы бывали такие крупные, что не сравнить с нашими. Во время уборки урожая хозяева там на подводах возили арбузы в город и продавали. Я помню, мне рассказывала старшая сестра Матрена, как один раз они с братьями Григорием, Петром и Николаем сидели возле дороги. Видят, везут арбузы мимо них и просят "Дядь, а дядь, дай арбуз!" А он говорит им: "Дам, дам. Только унесете ли? И выберет самый большой арбуз, снимет и положит у дороги. Григорий, старший брат, и говорит: "Мы, никто не сможем поднять такой большой арбуз. Давайте пошлем кого-нибудь за мамой?" И посылали Колю за мамой, как самого младшего... Он побежит и маму приведет. Приходит мама, возьмет, принесет домой и разрежет арбуз. А арбуз та-акой хороший и вкусный, говорит Григорий. Семечек мало, прямо одна арбузная серединка, сочная да сладкая! Я, конечно, этого всего не помню, мне тогда третий год всего шел, но старшие рассказывали это...

Вот себя, я не помню, какая была маленькой. Может, с трех лет это было, когда что-нибудь между нами, детьми, было, какая-нибудь игра или что-нибудь делали. Вот! Вспомнила! Когда мы жили на Березовой за Барнаулом, там сушили пшеницу недалеко от нас. Высушат пшеницу и ссыпают в закрома. Вот как-то мы залезли в эту сушилку и там играли. А кто-то из ребятишек, не знаю кто, захотел и оправился там на пшеницу. Потом хозяин сушилки пришел к нам и маме сказал про это. Мама сходила и прибрала. Все сделала хорошо.

Дома с братьями и сестрами, знаешь, как играли? Бегали друг за дружкой или в тряпочки играли. А как-то дома доску положили, вот так, один конец на кровать, а другой на пол, и катались как с горки. Прокатился один и потом по очереди другой катился с горки.

Помню, небольшие мы тогда были все четверо: Петро, Коля и я с Груней. Они постарше нас были, а мы помладше на четыре - два года. Оставляла нас мама одних ненадолго, если куда пойдет по делам. Помню, лет шесть мне уже было, и мы одни были дома. Плахи на полу разошлись и Петро пугает нас: "Вот из-под пола дьявол на вас смотрит и сейчас выскочит, ка-ак схватит!" - кричит он нам. И сам быстрее бежит в угол под Божничку. А мы сидели на лавке у окна. Он первым становится в угол под икону. А мы?.. Пока спустимся с лавки и добежим до иконы, а

он уже стоит там и мы собой закрываем его от дьявола. Думали, что икона Божьей Матери защитит нас и охранит от нечистой силы. Приходит мама с улицы и спрашивает нас: "Это чего вы под Божничку забрались?" А я и рассказываю маме, как Петро напугал нас всех, будто дьявол в щели между плах на нас смотрит, выскочит и похватает нас и с собой утащит. Петро толкает меня в бок и шепчет "У-у, ябеда! - расталкивает нас и выбегает из-под Божнички. А мама ругает его: "У-у лукавый тебя возьми!" - и замахивается на него. А он уже у двери и выбегает играть на улицу. Когда мы все выходим на улицу, то Петро играет с Колей и Груней, а меня в игру не берет. А я?... Присяду на крыльцо и смо-отрю, как они играют. Слушаю, как в чаще, за оградой, кукушка счет ведет, как тинькают синицы, как соловьи поют, а под крышей чирикают воробьи. Я не обижаюсь на Петра за то, что не берет меня играть с ними. Мне и так хорошо смотреть за игрой...

Помню, у меня в детстве на шее был крестик, но мама разрешала носить его по праздникам, а в будние дни снимала. На цепочке висел кругленький такой медальон, под стеклом с двух сторон, а между ними картинка с апостолом. Смотришь одним глазом, интересно видеть своего ангела хранителя.

Мама водила нас маленьких в церковь на исповедь и просила запомнить: "Батюшка будет тебя спрашивать, а ты не говори ничего. Только отвечай на его вопросы "Грешна батюшка, грешна!" И вот я стою возле батюшки, а он спрашивает меня: "Знаешь ли молитву Отче наш...?" Господнюю молитву. А я отвечаю ему: "Грешна батюшка, грешна!" Спрашивает: "Почитаешь ли отца и мать свою? Слушаешь ли их?" А я отвечаю: "Грешна, батюшка, грешна!" Вот вспоминаю, сейчас в старости, это и смешно становится (улыбается, прищурив глаза). Ведь я знала Господнюю молитву, отец с малолетства приучал нас к ней. Вот он читает: "Отче наш, сущий на небесах..." дома вслух, а мы все с мамой повторяем за ним. И почитали мы своих родителей и слушались и знали десять заповедей Христа... А я на исповеди все отвечала "Грешна, батюшка, грешна!" Будто я была глухая и повторяла одно и то же, а он вроде бы и не слушал моих слов на исповеди. Четверых нас мама водила в церковь, Петра, Колю, меня и Груню. На исповеди тогда мне лет восемь было. А батюшка еще фартуком голову мне накрывает и, ему не было

слышно, что там я шепчу в ответ на его вопросы "Грешна, батюшка, грешна!"

Помню, это уже в Чичаме, когда меня в няньки отдали, и мне тогда лет шесть было. Вот пришли к отцу и попросили. У отца всегда просят, если отец разрешит, то возьмут нянчиться. А просил приезжий человек из другой деревни, не из Чичама. Водилась я с ребенком, а там еще бабушка жила. Нет, там я уже была большенькая, наверное, лет десять-одиннадцать мне было. У них маленький ребенок был и бабушка. Бабушка жила сама по себе, а я смотрела за ребенком, когда покачать, там или пеленки заменить, надо было и покормить тоже. В семье у них еще две девочки были и я с ними в куколки играла. Но маленький ребенок как-то заболел и скончался, а я все лето так и жила у них, теперь уже с этими девочками водилась. Тут же у них еще взрослая девушка жила. Коров подоит и на молоканку несет молоко. Один раз я с ней ходила на молоканку. Значит, я была не такая уж и маленькая. На пашню в тот год ездила вместе с хозяевами и картошку садила под лопатку. Они, так вот (показывает руками), возьмут землю лопатой, а я положу картошку или две, тогда они сверху бросают землю. Под лопатку садить называется. И так целый день садили, аж руки-ноги заболели...

Лет одиннадцать мне было, когда у нас во дворе появился медвежонок. Вот, такая была я, как Алинка сейчас, карабкается и лезет везде. Как-то я что-то залезла на крышу и, вижу, медвежонок добрался до горшка с дрожжами и ест. А мама поставила дрожжи, чтобы я могла хлеба испечь, пока они работают на пашне. Ну, я взяла длинные вилы да тычу его в бок, чтобы он отстал от дрожжей. А он разозлился, бросил горшок с дрожжами и, вроде на меня, на крышу полез. Вот, думаю себе, он сейчас залезет на крышу и меня тут съест. Да-авай, скорее соскочила с крыши и бежать из дома! А у нас там пашня за речкой Малый Куют была, с километр наверное от дома. И-и я на пашню побежала, что есть духу! Там были наши! Я бежа-ать, бежать скорее! А он за мной по огороду, через речку... Он через речку перешел и тут на току остановился, что-то там увидел, может кукурузу какую. И я убежала от него. Прибежала на пашню, запыхалась, сказать ничего не могу... А отец и спрашивает меня: "Что такое случилось?" и смотрит в сторону дома из-под руки. А я отошла немного и говорю: "Медвежонок гонится за мной!"

и рассказала, как все было с дрожжами. "Пойду - говорит, я ему дам, сейчас, как гоняться за человеком!" Подошел к медвежонку, а он лежит и грызет кукурузу, взял его за шиворот, накинул на шею веревку и повел домой. А вечером все пришли с пашни, а отец уже мясо медвежатины варить поставил. "А то еще задавит кого-нибудь" - сказал. А он, медвежонок, был уже большим, как однолетний теленок. Вот так мы избавились от него. Правда я отцу не говорила, что когда он дрожжи ел, то я его от горшка отгоняла вилами длинными...

Помню, на Алтае это было давно и в детстве. Какая была еда, ту и кушали. А чаще всего была пшенная каша с молоком, я и сейчас ее люблю есть. По утрам мама обязательно для нас готовила кашу, а молоко было свое. А для больших уже мама моя кулеш варила. Пшено просяное в кипятке заварит и готовит, пока жидкой каша не станет. Потом свиное сало поджарит и туда в кашу набросает. И, пожалуйста, ели этот кулеш, почему зря, за уши не оттащишь! За столом у нас и рыба бывала. Рыбы с речки всегда вдоволь было, ее за еду не считали. Бывало, отец шел на речку и на ночь ставил крючки. Какая рыба попадалась? Покрупнее - все щуки да налимы. Там, попадались еще, эти, хайрусы или чебаки, но те ловились в мордочку. На ночь отец ставит мордочки туда, где течение потише, а утром идет, вынимает из нее рыбу и приносит домой. А мы чистим ее тут же на речке, на перекате и на сковороду...

Рыбы много было летом на Куюте, голодом не сидели. С хлебом ели. Своего хлеба не выращивали, а покупали пшеницу у тех, кто в степи жил, а не так как мы в горах. Поедут наши ребята деготь, да уголь продавать, а вместо денег привозят мешками пшеницу из других деревень. Это было в мирное время. А во время революции и войны гражданской пшеницы не было дома. Была гречуха, ее переводили на муку и пекли лепешки. Да-а-а, было и такое время. Мы были подростками, молодые. Хлеб мама сама пекла. А чего еще надо было до хлеба? Кулеш - это лучшая еда, а все остальное с огорода. Теперь совсем другое время, на базаре в Алма-Ате все, что хочешь, есть. Бери, не хочу!

А в Сибири после революции все доставалось только своим трудом, повседневным. Так и было, в поте лица! Вот на Чичаме у нас был большой огород и выращивали мы там капусту, огурцы, морковку, репу и другую мелочь. А вот помидоров мама не садила много. Она выращивала

их в комнате, вот такие большие (показывает левой рукой от пола), а тогда уже высаживала в землю. Были хорошие урожаи и она помидор целые кадушки солила на зиму. Арбузы только мы редко садили. Там у нас горка была и земля на ней прогревалась хорошо, и мама садила иногда там арбузы. Но ребята не давали им вырасти и утаскивали зелеными. Тогда мама сделала грядку из назема во дворе, где скотину держали. Назем соберут в большую кучу, а потом в середине лунки наделают и земли туда насыпят. Получается как в парнике. Вот тут и садила мама арбузы, во дворе, тут никто не растаскает их. Ведь собаки ребят не пустят...

А вот соль мы покупали в городе Бийске. Этот город был самым близким к нам. И ездили на лошадях туда, на телегах с отцом. Помню, два раза с отцом я ездила, с ним, за солью. В городе можно и многое другое купить. Один раз по дороге мы ночевали в доме, где дают ночлег. Тут мне хорошо запомнилось, как всю-ю-ю ночь музыка там играла и огонь какой-то светил. Я не могла заснуть. А у нас, у кобылы был жеребенок, на жеребенке, на шее, висел колокольчик. Вот он вокруг нас, тут, бегал, как будто говорит "Я тут, я тут!" Заехали мы на ночлег, лошадь тут же привязали к телеге, а жеребенок все время колокольчиком побрякивал. А дорогой, бывало, отец положит жеребенка на телегу и едет, чтобы он отдохнул немного и под колеса не попал, не забежал. Хорошо делал, не оставлял одного. А вот один раз отец оставил жеребенка дома в ограде и волки его погрызли. Ну, не взяли его с собой на пашню, а оставили дома в ограде. Вот так вот, халатно отнеслись. Жеребенок все время просился во двор дома, бегал и ржал, но никто не открыл ему ворота. Пришел бы во двор, там был бы живым. А он стоял, прямо у ворот, и волки задавили его. Маленький был он, небольшой. Ребята виноваты в том, что не запустили жеребенка во двор. А потом захоронили его во дворе и я, на том месте, посадила два деревца, черемуху и березку. Так вот, когда мы с Зиной, средней моей дочерью, ездили в Усть-Куют, через тридцать с лишним лет, то я увидела, как здорово выросли эти деревца. А вот дома нашего в том месте тогда не было уже...

Помню, мама рассказывала нам, как было трудно жить первые годы, когда приехали из Тамбова в Сибирь, в Березовую. Отец думал зиму

прожить во времянке и потом ехать дальше в Чичам и там получить подъемные деньги по путевке. Но я родилась в тот 1910 год, а через год нашлась Груня, и отец с семьей, прожил в деревне Березовой целых пять лет... Летом третьего (1912 г.?) года власти начали собирать народ на строительные работы, строить железную дорогу от Новониколаевска на Алтай и дальше. Надо было расчищать от леса места, где пройдет дорога, заготавливать местные материалы для стройки. Тогда отец пошел работать на укладку шпал и рельсов. Говорит, «один поднимал на плечо шпалу и нес до места, когда другие работники носили их вдвоем». Работал землемером, ходил с вешкой и помогал топографу. А когда понадобилось строить жилье для строителей, то взял в руки топор и строил дома из леса.

А зимой отец промышлял рыбалкой и охотой, а мама растила нас шестерых детей, когда старшему из нас было чуть больше десяти лет. Голодное было время и мама ходила иногда собирать подаяния. Тогда, шла война (1914 года) с немцами, и многие жили так, но были и зажиточные, которые могли давать подаяния. Мама крепко запомнила это время и потом всю свою жизнь сама подавала нищим и убогим, вроде как возвращала полученные подаяния. Один раз вижу во сне, пришла мама и говорит мне: "Пойдем к Гуреихе со мной". И пошли мы к ней. Пришли, а там, в комнате, стоит мешок с подаяниями, это ее, которые мама подавала. Не больше, чем полмешка. А другой мешок в рост человека. Это все ее, мамины подаяния. Она и говорит мне: "Ты вот этот, поменьше, мешок неси, а я большой мешок понесу". Думаю, тогда я еще не была сильно взрослая, и говорю ей: "Мама, а что же они будут кушать, Гуреиха с детьми, если мы все унесем?" А мама отвечает мне: "У них там полати и там еще есть чего кушать. А этим, теперь я буду жить, тем, что унесем". Не помню, как было дальше, унесли мы эти мешки или нет? Вот такое я видела во сне, может быть через год после маминой смерти.

Мама, всегда, как испекет что-нибудь: булочки, пирожки, шанежки какие-нибудь, от души накладет на тарелку полно и скажет мне: "Понеси, иди Гуреихе." А мне что? Через огород, пробежишь, и они там живут. За огородом. Я всегда прямо через забор и там. Мальчишка у них был, ходить не мог, хоть ему и было лет пять-шесть. Больной, ноги у него не ходили что-то. И он все ползал на боку по двору, а на ногах не мог

ходить, какие-то болячки были на них. И мы всегда этому мальчишке делали подаяние. Мама посылала. Она мне даст, а я пойду и унесу. А она, мама, приучала меня к этому - помогать нищим. То, что я уносила, в этом нет моей заслуги, это все мамино подаяние. Но она мне говорила: "Этими подаяниями теперь я буду жить и питаться на небесах!" Значит подаяние - большое дело! Думаю, чем же они там жить будут? А они говорят нам: "Что принесли с собой из земной жизни, тем и питаться будете." Вот, оказывается, как!... Когда я проснулась, и думаю: "Надо милостыньку подавать убогим, увечным и нищим. Когда умрешь, так этой милостынькой будешь пользоваться".

Слава Богу, я милостыню и подаяния не собирала и дети мои не ходили побираться, хотя жили мы не богато и без отца. Помню я после войны, как праздник какой, вы идете к соседям с праздником поздравить их: Ватулкиных, Нужиных, Рыхликовых, Сорокиных, Поповых, Полтавских, Грековых, Аксариных, Моловиковых, Семеновых и других соседей в Кульдже. Они вас угощают конфетами, орехами, яблоками, разной выпечкой и пряниками. Было и такое, что одна знакомая пригласила вас домой, а ты наелся конфет, шоколадных, и тебя вырвало от этого... И я сказала вам: "Больше не ходите по гостям. Посмотрите, дома на столе все есть, только шоколада нет. И не обязательно его иметь. Вон, видишь, наелся шоколада и чуть не отравился". В общем, запретила вам ходить и поздравлять их с праздниками Пасхи и Рождества. А то люди скажут, что я вас посылаю, чтобы вас там угощали. У нас своего полно, настряпала вам и кушайте на здоровье. А то ходите там, как попрошайки! А я не любила попрошайничать. Вот, когда в родительский день, это в детстве моем помню, всегда разносят подаяние из дома в дом, то это надо делать и родителей поминать. А я никогда не возьму и не съем ни блина, ни еще чего. Вот такая я была брезгливая. Я боялась этих подаяний, насмотрелась в детстве.

Помню, в Чичаме жили четверо детей в соседях, у них мама умерла в дороге, переселялись, и был только отец. Двое то были большие, двое маленькие. Так вот придет к нам маленький, ему года четыре было, и просит у мамы: "Дай мне, тетя, хлеба, мясца или сальца!" А он говорил картаво и получалось вместо сальца - "шарься". Ну, мама пойдет на крышу, там свиное сало висело, отрежет кусок сала и кусок мяса, ему

подаст. А он, довольный, бе-ежит домой! А сами, большие ребята, не приходили к нам, а больше его посылали за подаянием. И он чуть не каждый день приходил к нам. А мама уже знала его и давала поесть. Долго они жили рядом с нами, а потом уехали на степь с наших гор. Старшие ребята были - девушка лет тринадцати, а мальчик - лет пятнадцати. Они с отцом в одной деревне устроились, им дали квартиру. Дома не сидят, а ходят к какому-нибудь хозяину и работают на пашне или по двору помогают по хозяйству.

Один раз я поехала их проведать, как они живут. Как раз я приехала тогда, когда они на поле лук убирали. А луку много, за день не уберешь. Побыла я с ними немного и домой засобиралась, а они луку мне дали. Попрощалась и ушла пешком... Туда ехала с соседями, а оттуда одна пешком шла домой. Тридцать километров я в день пробежала! Домой пришла и ног не чувствую! А что я туда поехала? Работать туда мои подруги поехали, на заработки. А я у отца отпросилась, когда у нас мама скончалась. Я скучала по маме. Думала, что я немного развеюсь от горя. Но туда, как я выехала, так еще больше в плач ударилась. Реву и не могу успокоить себя. Вот, взяла и домой ушла пешком. Пришла домой и дома мамы нет. И там мамы нету, и тут нет мамы? Я шибко об маме плакала. Жить не хотела. Реву прямо сил нет: "Зачем мама умерла? Мне надо бы умереть! А мама умерла! Я б сама лучше умерла, чем мама!" Вот так, там я один день подбирала лук на полях и ушла домой. Сказала подругам: "Не хочу больше быть здесь, не нужны мне заработки!" Девчонки те остались, а я убежала. Три-и-идцать километров по лесу и горам! Одна! А пришла домой и здесь покою нету мне! А мне лет семнадцать, поди, уже было, как мама скончалась. Вот, в таких годах. Без мамы плохо мне было! Ой-ей-ей! Я страшно боялась остаться без родной мамы и долго еще плакала об ней.

Мама, у меня, любила плясать, как она рассказывала нам детям. У них, в селе Завальное Тамбовской губернии, один раз в год был съезжий праздник или ярмарка. Так туда съезжались с разных сторон. Молодые ребята приезжали посмотреть и выбирать себе невест. Большое, пребольшое было это место! Вот на ярмарке и знакомятся все. Ну, я, говорит мама, тогда еще подростком была. Меня сестра старшая нарядит, нарядит и я иду на эту ярмарку с другими девчатами. Приходим и там,

бо-ольшой круг оставляют свободным, чтобы мы могли плясать, кто во что горазд. Так я не жду приглашения и первой выхожу на круг. Сначала потихоньку, а потом все быстрее и быстрее завожу свою пляску и вызываю других на круг. И конечно хочу нравиться парням... Мама рассказывала, что она с девяти лет осталась без мамы и старшая сестра у нее была за маму, ухаживала и воспитывала. До двадцати пяти лет сестра не выходила замуж, пока Дуняшу, мою маму, не отдала замуж. Когда мама вышла замуж за Гавриила Серикова, моего отца, тогда и старшая сестра замуж вышла. Так она и берегла Дуняшу, одевала хорошо и кормила. И мама моя была такая видная да боевитая в юности. А я где танцевала?

Вечера у нас в Усть-Куюте часто были. Молодежь к нам оттуда - отсюда из близких деревень приедут, откупят у кого-нибудь комнату, заплатят хозяйке и справляют вечер. Вот на этих вечерах и мне приходилось плясать. Ну, там некоторые девчонки приходили и стояли в сторонке, как старушки. Были девчонки три Казанцевых и три Новокшеновых и я тут же. У нас, как-то в деревне, так было: одна речка Малый Куют с правой стороны, а другая - Большой Куют с левой стороны обходили деревню. Мы это место, где Большой Куют был, называли "в том краю деревни", а наша сторона была на Малом Куюте. И Казанцевы жили на том краю деревни. Вот, значит, ребята, заплатят за эту квартиру, и мы там играем. Так те, Казанцевы, си-и-идят целый вечер. Покажут свои наряды и все! Потом, все они вышли замуж за таких ребят, которые жили в степи, а не в наших горах. Со степи много ребят приезжало к нашему отцу, кто дрова покупает, кто пиломатериал или деготь, скипидар или древесный уголь. А кто просто так приезжал со степи посмотреть девчат. У нас девчонки были в каждой семье и они приезжают. Казанцевы и Новокшеновы все повыходили за ребят со степи. Родители Казанцевых были богачи, назывались старожилками. У них пшеница в полях была посеяна и они торговали ею. А у нас не было таких полей, чтобы хлеб растить. Покосов и тех у нас было мало, трудно ведь было корчевать лес, кустарники...

А на вечеринках собирались плясать, ну попрыгать вроде как. Я часто, другой раз, думаю, как это я там плясала? Ведь меня никто не учил. У меня там одна подружка была, вот мы вдвоем выйдем на круг,

друг перед дружкой попрыгаем, да побегаем друг за дружкой. Устанем и сядем передохнуть. Никто больше на круг не выходит. А мы, обе Нюры, снова, под гармошку, выходим с ней попрыгать. Гармошка играет, а мы пляшем, вроде переплетаем так ногами и притопываем слегка, как положено девушкам. Сильного топота я не помню, а только каблучками, вроде дробы. Топот - это пляска ребят, а девушкам не идет топтать. Девушки, вроде индюшек, перебирают ногами и хлопают руками. Ну, я, конечно, много не могла плясать, как моя мама рассказывала про себя, но я не сидела на вечеринках. Думаю, раз пришли - то пляши от души!..

Помню, за Усть-Куютом начинался Горный Алтай. Туда, выше по реке Бии, стоял поселок Куреево озеро. Там живут все больше татары, калмыки и занимаются сбором кедрового ореха и держат пасеки, медом торгуют. Вот оттуда едут и везут к нам и в Бийск орехи и мед. Больше ничего у них нет. Этим они только и живут. У нас в Усть-Куюте, у отца тоже была пасека, держал одну колоду пчел. Отец нашел в горах Бийской гривы пустое дерево, дупло, а в нем семью пчел. Видно от кого-то вылетела и привилась-прижилась там. Так отец отрезал дупло с пчелами и привез домой. А от этой семьи уже брал рои и пересаживал в колоды. Но у нас не было такого, чтобы мед ложками ели. А еще у нас жил тогда Анатолий Николаевич (муж старшей сестры моей) и они вдвоем с отцом возились с пчелами. Много тогда они развели семей пчел, а потом увезли на пасеку и часть продали. Сами делали ульи и отсаживали семьи пчел. То дупло было толстое. Что в нем сделается пчелам? Но мед оттуда не достанешь, разве что расколоть дупло? А так, за лето, они роя три отсаживали из дупла. А потом уже, у отца, была пасека в горах и он увез туда это дупло. А то в огороде оно все стояло. А раз, отец полный таз меда и осота принес домой от этих отсаженных семей. Вместе с вощиной мед был, часть отец отрезал, а остальное - оставил до осени. "Чтобы на зиму пчелы запаслись кормом" - говорит отец. Это такое было один раз, летом, не знаю в какой день. Принес мед и поставил на стол. Говорит: "Давайте, ешьте мед на здоровье!" Ну, мы сели за стол и пили чай со вкусом! Чай-то у нас не очень любили, но вот с медом-то нравилось пить!..

Помню, мама рассказывала, когда мы жили в Чичаме, то там остановилась одна женщина у нашего дома и просит маму: "Отдайте мне

эту девочку, а я ее как родную дочь воспитаю", - и показывает на Матрену, старшую дочь. А ей тогда уже лет двенадцать было. Мама подумала, в семье шестеро детей, кормить с трудом приходилось. И согласилась: "Пусть останется и пусть живет с вами." Матрена три года у нее прожила, а что? Обещала воспитывать, но в школу тогда не отдала, так как на Куюте ее не было. Добрые школы были в Курееве и в Сайдыпе, а туда ездить далеко. Ну, мама поехала проведать дочь через три года и забрала ее домой. А что? Подросла работница, хозяйка заставляла ее воду таскать с речки, хоть это и далеко было. А она тащит, надсажается! Там, у них, скотину надо обиходить, и на огороде работы невпроворот. Воды надо мно-ого было носить. Горбатилась, а хозяйка довольна! И Матрена (Нина) жаловалась маме на свое здоровье. Ну, тогда мама забрала дочь домой. А той сказала: "Так своих детей не воспитывает никто! Это с рабой так могут обращаться!" А тут, еще раз, знакомая пришла и плачется, просит в няньках поработать, няньку им надо! И показывает на мою младшую сестру Груню. А Груня и говорит: "Не пойду!" "А что - спрашивает знакомая, - ты не хочешь пожить у меня и заработать на платье?" "Знаю - говорит Груня. - Как моя старшая сестра у вас поработала, такая мохнатая от вас пришла и платье заработала... Здоровье она у вас подорвала, а мне такие платья не нужны!" Вот, этой знакомой стало неудобно и она ушла ни с чем. А Груне тогда было уже лет одиннадцать. Зачем в няньки отдавать маленькую? Вот Груня, сама за себя, и ответила, и мама согласилась, не отдавать ее в няньки. "У меня дома работы хватит", - сказала она.

И правда! Что в няньках там хорошего? Вот, я жила в няньках и надорвалась. Поднимала тех детей то в люльку, то из нее. А им год-второй уже шел, а мне лет восемь было. Спать ложить - надо в люльку поднять и положить. А потом, когда у меня спина заболела, они, хозяйева, взяли и люльки снимали. Поняла хозяйка и говорит: "Из-за них у тебя спина заболела!" Вот, так спину прихватило, что возьму веник и даже подмести не могу, так спина болела. Поэтому взяли и люльки снимали. "Пусть на полу спят, ведь лето на дворе и детям ничего не сделается" - сказала хозяйка. И спали на полу дети. Постелят одеяло и спят на полу и я рядом с ними...

Помню, ваш дедушка Гавриил Васильевич, мой отец, был вроде старосты на Чичаме. К нему обращались по все-ем вопросам, каким надо. Там, в Чичаме, у нас было всего семь дворов. Все семьи нерусские, кроме нашей семьи. Один русский был еще, да и тот уехал. Русские там шибко не останавливались, летом климат был сырой в горах. Усть-Куют был пониже и ближе к реке Бии, здесь было лучше. Дома здесь были да-алеко друг от друга. Большие у всех были огороды. Домик от домика стоял далеко, не жили тесно, а свободно жили и не за что было скандалить. Друг другу не помогали. А чего помогать-то? Каждый держал свое хозяйство своими силами. Лес валят, пилят, а потом составляют плоты и сплавляют его к городу Бийску поближе. Городские все берут: и лес круглый, и пиленные доски, и дрова березовые. Да и в деревне дрова все берут на зиму. Там угля тогда не было и топились все дровами. Ох, и тяжело было одними дровами топиться! Много дров надо было заготовить под зиму. У нас, прямо большие кучи лесин навозят и свалят возле дома. Сушняку, старых деревьев. А потом всю зиму пилили мы с ребятами. Выходим во двор и пилим, пилим, пока не устанем. Сушняк возили ребята, Петр и Николай, в Усть-Куюте они уже рослые были.

Петро уже в Армии отслужил и вернулся домой. А Николая у нас не брали в Армию, плоскостопие какое-то признали врачи. В пехоту он не годился и его не взяли служить. Но когда пришла большая война с немцами, то Николая призвали служить на танке, так как он работал на тракторе и на машине. Вот так, служить не брали, а на войну направили сразу в танковые войска. А Николай в нашем поселке тоже был командиром, вроде старосты. Отец тогда уже постарше был и Николая назначили на его место, но их, как-то, по-другому называли.

Как воевали братья Петро и Николай на войне? Николай был ранен в пятку, а Петро в руку, возле плеча. Петро после ранения просил врача: "Отрежь мне руку! А то она на одной кожине держится!" А врач говорит: "Ничего, она тебе еще пригодится!" Ну, зашили, забинтовали и рука зажила. Рука у него до самой старости работала. Сначала помаленьку работал ею. "Висела рука - говорит Петро - разбитая, на одной коже висела. А врачи собрали, забинтовали, положили в больницу и вылечили. Долго он еще работал шофером и как-то в Алма-Ату даже

приезжал, а потом трудился на пасеке. Не знаю, чью это он пасеку обрабатывал? Но знаю, что не свою пасеку...

А Николай? Дома вроде работал перед войной и старостой был. Да, там, в Усть-Куюте, наша одна русская семья была, а то все больше мордва, и вот, из волости какая записка приходит, то все передавали отцу нашему, вроде как грамотному. А тут, эти перевороты разные в семнадцатом году, а потом гражданская война... Тогда почти каждый день собрания проводили. Это до войны с немцами. А потом? Не знаю, как там это было, потому что мы с отцом в тридцатом году от "коллективизации" ушли в заграницу Китай в город Кульджу. А в двадцатые годы на Усть-Куюте войны не было. Это в России она была, в центре где-то в городах, а не в Сибири. Из Сибири на войну забирали мужчин. Ребяток молодых и постарше, как наши Петро и Николай. Вот, у Петра парень был, Гена звали, пятнадцати лет вроде, взяли его тоже в Армию в конце войны. Тогда последних уже всех, даже таких брали, молодежь. Так Гена у них без вести пропал, погиб. Говорят, что их поезд разбили, когда они ехали на фронт. Разбили эшелон, и сколько молодежи погибло ни за что!.. А мой отец не собирался идти на войну, ему тогда больше шестидесяти лет было. Итак, два сына на фронт ушли, семьи оставили. Что еще надо? Старика там еще не видали? Старики дома нужны были.

Это я, уже, когда полы мыла, работала, то отцу было пятьдесят лет и он себя уже стариком записывал. С бородой и усами, правда, он был как дедушка! Его тоже лихорадка трепала в Чичаме и поэтому мы переехали в Усть-Куют. Он тогда замученный был с седой головой. А как уехали из Чичама, так и лихорадка бросила. А на Чичаме, ведь горы и сырость в ущелье, свежего воздуха мало было летом. Лес да горы кругом. Отец ходил там чуть живой. Так болел последнее время, болел и болел. А как уехали оттуда, так он попра-а-авился на Усть-Куюте. Щеки у него стали прямо розовые и нос тоже розовый. А то совсем замухрышкой выглядел. Но работать - работал. Все еще, там, на Чичаме, он научился деготь гнать и скипидар делать из бересты и щепок березы. Таковую выкопал яму, обмазал ее глиной хорошенько на несколько раз и, туда, бросал бересту, сучки и получал деготь. Скипидар и деготь он делал в Усть-Куюте, а там, в Чичаме, он только деготь гнал.

И в Чичаме отец все больше охотой занимался. Всех зверков ловил на петли и капканы. Ловил и шкурки продавал. Мелкие шкурки были дорогие. Хорек с красным мехом, белка была с красивой шкуркой. Для воротников шкурка белки хорошо выглядела. Беличий воротник мне очень нравился. И лису отец несколько раз ловил. Травил ее хиной в масле. Закатывал хину в масло и ложил на дорогу, где она бегают. Она схватит и бежит в чащобу. Далеко не уходит и отец с собаками ее находит. А волки? Волков было полно по лесу и даже по двору нашему иногда ходили. У нас, один раз, собаки ночью лай такой подняли на Чичаме! Отец проснулся и, слышит, как собаки гавкают. Взял ружье и вышел на коридор. Видит, собаки гонят волка из ограды в сторону речки, где не было ограды. И он по перекаату ушел в лес. Отец не стал стрелять, потому что боялся собак своих застрелить вместо волка, когда они грызлись. Собаки ведь волка кусали: один с одной стороны, а другой с другого бока. И собаки наши были большие, не боялись волка и кусали...

Помню, другой раз, мы с Груней видели волков в лесу. Мы с ней шли по берегу речки Малый Куют, а волк из-под куста выскочил и от нас начал убегать. Хвост у него такой длинный, никуда он хвост не поднимал. Сам бежит, а хвост, опущенный вниз, так болтается из стороны в сторону. По земле хвост не катится, а так, по колению закрывает ноги хвостом. Он, если хочет оглянуться, то у него шея не поворачивается. Бежит да бежит, остановится, всем туловом повернется, посмотрит и опять по-ошел дальше. А мы-то испугались его, конечно, но, видим, как он уходит, уходит от нас, и совсем убежал в лес. Тогда мы успокоились и пошли дальше в церковь с Груней. Там как раз по берегу была дорога. Тогда мы шли в церковь на праздник Покрова. Уже осень была. В этот день в церкви нашего Николая жены сестра старшая венчалась. Их повезли под венец, а мы хотели посмотреть как это красиво! Ах-ха-ха! (смеется довольная). Вот так это и было! Пошли туда, да в дороге задержались и дошли туда к ночи. Опоздали на венчание и заночевали в церкви. А ночью снег выпал! А мы босяками туда ходили. Когда туда шли так тепло было и снега не было. Ну, у нас были тапочки легонькие. А это что, не босиком, что-ли? Не совсем босяками, ну в тапочках. У нас Николай сам нам шил тапочки. И туфли шил хорошие.

Мне туфли два раза шил. Одни туфли я потопила, а он вторые мне сшил. Так вот, само венчание я не помню, не видели мы его с Груней. Мы пришли в церковь поздно, а их уже, наверное, повенчали. Тама знакомые у них были и они там ночевали. А мы? Мы с Груней возвращались домой по снегу, но, пока шли дорогой, и снег растаял.

Дома мы никого не предупредили. А тут, отец ходил на рыбалку, проверял мордочки и ставил сети на речке. Возвращается домой поздно вечером и слышит, как в лесу волки воют. Пришел домой и говорит маме: "Наверное, наших девчонок волки подрали!" - взял ружье и пошел в лес искать нас. А потом отец приходит, когда домой, то мамы дома нет (тогда мама жива еще была). Ни-икого дома нет!? "Я обомлел - говорит отец, наверное, девчонок разодранных привезли, подумал, когда увидел в темноте, как подъезжают к деревне подводы. Я слышал, там, на берегу, волки выли и, наверное, девчонок моих привезли подратых. Но на подводах не было девчат. Иду домой, а на сердце горе. Захожу в дом... А вы тут, уже дома! У меня, аж ноги отнялись, еле до лавки дошел!" Отец как посмотрит на нас! Вздохнул и прослезился. Вытер глаза и говорит: И откуда вы взялись! Такие непутевые! Кто вас посылал? Всю ночь вас селом искали и глаз не сомкнули! Думали волки вас подрали!" А тут соседка зашла и спрашивает: "Что, напугались? Что? Дочек волки подрали? Что жалко детей?" А отец говорит, (я помню это время хорошо): "Вот! На руке пять пальцев, любой укуси и все равно больно! Не смотри на то, что, у меня, их много, ребят. Мне все равно жалко любого из них. А сколько их? Много! Пятеро! Два сына и три дочери!" Наказывать нас не стал. Отец никогда нас не наказывал, а тут рад был, что мы живые и здоровые пришли сами домой, а не привезли нас на подводе...

Меня никогда не бил никто, не помню. А Груня, еще, его лю-любимая доченька была! Аграпешкой звал ее отец. "Грапеша, сходи, коней приведи!" - просит ее. Она берет уздечку и за ними. А кони там, спутанные ходят и кормятся в поле, пасутся на пашне. Пойдет она и поймает лошадей. Сядет на одного и приезжает верхом без седла. А вот я не ходила ловить лошадей. Боялась! А она как-то умела управляться с лошадьми. "Вот Серко - говорит она мне, - уши приложит, вроде хочет меня укусить. А я его палочкой стукну, и он сразу остановится и стоит. Я

тогда на него уздечку надеваю и сажусь верхом. И-и поехала скорее домой!" Вот так она могла управлять лошадьми. Вот какой Серко, сразу не дается, вроде укусить хочет! А она его по ушам палочкой или по лбу! Груня всегда с палочкой в руках ходила за лошадьми! Они, лошади, на пашне спутанные пасутся. Всегда рабочие лошади спутанные ходят. А там, когда покосы уберут, трава нарастает сочная и свежая, которая много вкуснее, чем сено. Помню, речка у нас повдоль огорода бежала. Шла она от нас к соседке Гуреихе. В этой речке с гор я не купалась, а мама иногда подолгу плескалась. Тут, у берега, яму такую неглубокую сделали, возле перехода и недалеко от нашей бани. Вот, бывает, она из бани выскочет, в бане попарится, и бегом в это пруд, в эту яму бу-у-ултых! Дно там каменистое, везде галька, и вода чистая в речке. Вот мама попарится, попарится, а потом бежит и в речной воде купается! А я как-то мало в речке купалась. Не хотело мое тело принимать воду холодную!

Вот, было, на реке Бии работали. Через Бию мы переплывали на лодке, так как на острове покосы у нас были. Косили траву там. И вот одно время поплыли мы через протоку Бии. А лодка была расколота и с дырками. Ребята взяли ее и куделей хорошо затрамбовали, затрамбовали щели, затыкали, затыкали дырки. Сели и поехали на наш остров. А она, лодка, буль, буль! Как, оттуда, всю эту куделю выбросила! Ка-ак пошла вода! А мы!? Еще далеко до берега не доехали! Ну, тут мы старались затыкать щели да дырки! Ребята затыкают, а мы с Груней воду вычерпываем, вычерпываем! Еле до острова добрались!

В другой раз мы ехали через Бию. И вдруг, откуда ни возьмись, задул такой крепкий ветер! А потом и вихрь такой, что воду поднимал выше роста человека! Этот вихрь зашел с земли на воду и начал так крутить воду, что поднимал ее в воздух. Я сидела и Петро сидел на этой лодке, пока ее не перевернуло. А мы думали, что вихрь быстро приходит и быстро уходит. Хорошо еще, что мы тогда близко к берегу острова подошли! А что? Но у меня туфли были новенькие, Николай сшил мне. Я в них и поехала. Я их сняла, чтобы, если мне придется плыть, то они мне бы не мешали, когда вплавь придется добираться до острова. Так, связала их друг с дружкой и положила под сидение. Сама выскочила на берег, а туфли забыла! А лодка набрала воды, да ка-ак перевернулась! И-и-и,

туфли мои пошли на дно! Ладно, успели все выбраться на остров. А я стою на берегу и говорю: "А моя посуда где?" И меня спрашивают братья: "Какая посуда?" "Как какая? А туфли мои потонули, это как?!" И чего это я спросила про посуду? Ведь надо было спросить: "А туфли мои где?" Тогда было бы понятно. С испугу, что лодка перевернулась. Слава Богу, обошлось...

Помню. Долго я собиралась, чтобы поехать к родным на Алтай, после приезда из Китая в Казахстан. Хотела увидеть то место, где я родилась и прожила свою юность до двадцати лет. И вот сговорились мы с Зиной, моей средней дочерью, и Галинкой, внучкой, посетить мои родные места. Купили на поезд билеты до Бийска и в дорогу. Приехали в Бийск, а там по воде пароходом до Усть-Куюта. Такой быстрый был пароход, как на крыльях! Делал волны выше парохода и быстро поднимался против течения. Скоро доплыли до Усть-Куюта и остановились на пристани. А там на лошадях, запряженных в повозку, мы поехали к моему брату Николаю. Приехали к дому, а там уже картошки наварили с салом и мясом. У них вся еда из картошки. Вот так и жили. Бились, колотились, ничего не делали. Картошки много насадили, сами ели и свиней, другую какую скотину кормили. Корова была и ту кормили картошкой. Помню, большие поросята по полгода и свинья была. Приехали мы и тут родные наши собрались. Как раз у Антонины, дочери Николая, сына в Армию отправляли. Гости собрались в доме и нас туда пригласили: меня, Зину и Галинку, ей тогда года четыре-пять было. Ну, мы туда пришли и повидались со всеми. Вот, с одним зятем Тониным, Федей его звали, мы долго беседовали о жизни в Усть-Куюте. Потом на обед рыбу приготовили из свежей, только что пойманной. На ночь пошли и поставили мордочку, поймали много рыбы, и из этого уху сварили тройную. Вот мы с Федей беседовали пока, а все уже пьяные были! Провожают парня в Армию! Уже кушать на столе нечего, а водку самогонную все пьют и пьют! Попляшут, попляшут и опять за водку! Ба-а-тюшки! Куда же столько пить можно.

Мне так не понравилось это! Да, думаю!.. Я ведь мечтала, чтобы из Китая к родным и близким сюда приехать! А тут думаю: "дай Бог, чтобы скорее уехать от такого общества домой". Там молодых парней было много, а девушек нет. Они все повыходили замуж и поразъехались. А тут

такие все разведенные остались. Там все Николаевы дочери были, самого то его уже не было в живых. Не знаю, мне там так не понравилось. И мы там всего одну ночь провели, а потом, дай Бог ноги, и поехали в Андреевку к другой родне. Перебрались в Талды-Курганскую область быстро. Так что мы за неделю всех родных посетили и домой вернулись. Вот приехала я домой в Алма-Ату и думаю, как я рада, что вернулась к себе. Да как же они на Алтае в горах живут, ба-атюшки! И есть вроде нечего кроме картошки да рыбы! И нам на дорогу картошки сварили и дали, чтобы в дороге покушать. Ну, я взяла. Картошка вкусная! Не поливная, как в Казахстане. А она, Раиса Яковлевна, Петрова жена, там не была. На Алтае Варя была, Николаева жена и разные племянники мои...

А в Андреевке была Раиса Яковлевна и ее сын Анатолий, он в Андреевке в милиции работает. У Груни, моей младшей сестры, там жила дочь Шура и другие родственники. Ну, я побыла там хорошо! Как раз на Пасху мы приехали туда. На ночь глядя, я завела квашню теста, а на утро настряпала сдобных булочек. "Ну, - говорю родным, - теперь не я, а вы у меня в гостях и ешьте на здоровье!" И они, все, как голодное стадо, сдобное ели так, как будто никогда, сроду его не видели на свете. Ели с жадностью и мне это не понравилось. Ну, я тогда только приехала их Китая из Кульджи. Я еще так не жила по нищему, как у них. Посмотрела я, посмотрела на них и говорю себе: "Нет! Я к ним не приеду жить на всю жизнь!" А я поехала тогда к ним, чтобы посмотреть, как они живут. Если хорошо, то я с семьей перееду на Алтай из Джамбула и будем мы жить на Куюте. Теперь же увидела и поняла, что там с ни-ими жить не-е-возможно! Я к тому времени уже около тридцати лет как не была в Усть-Куюте.

Мы же с отцом и мачехой Лизаветой в тридцатом году ушли в Кульджу и жили там до пятьдесят пятого года. Потом я со своей семьей уже без отца и мужа, выехала в Советский союз на целину в Уральскую область в пески Каратюбе и потом переехали в Джамбул. И вот из Джамбула я поехала в Усть-Куют в 1957 году. Тут на моей родине жили те же люди, кто и раньше там жили. Так же и дома стояли. Вот у Гуреихи сын вырос, а было ему не более двух лет, когда я уезжала оттуда. Вырос он, женился и имел четверых детей. Дом построил он большой из крепких

бревен! И сын у него, Ваня, хорошим парнем стал. Взял он в жены хорошую девушку из семьи Ромайкиных. Они были мордвы и жили по соседству с нами раньше. Посмотрела я и увидела, что они тут живут получше, чем в других местах. А этот Федя в Усть-Куюте электриком работал на мельнице. Там один дом был казенный, а остальные все дома свои и небольшие были. А этот дом один был большим. Вот этот Федя занимал в этом доме квартиру со своей семьей. И мы там одну ночь ночевали. Всех посмотрели, со всеми переговорили и домой отправились.

А когда на праздник Пасхи в Андреевке я напекла сдобных булочек да шанежек, то все родные сошлись ко мне в гости. Меня то никто к себе в гости не зовет, а на сдобное ко мне пришли! И я им говорю: "Теперь не я у вас, а вы у меня в гостях!" И тут я ночевала в доме у Петра. Такой дом большой был, две комнаты с сенками, деревянный... Петро хорошо жил, а остальные там как попало. Там я долго не жила. Давай, скорее, домой, в Джамбул. А вы, тогда, вдвоем с Ниной у меня были в детском доме №2 в Джамбуле у Анны Петровны. Я вас оставила там, потому что тяжело было кормить и учить одной пятерых детей. У меня душа так за вас с Ниной страдала и болела, как будто чувствовала беду. И ты, оказывается, тогда заболел, простуда у тебя сильная была. Но ничего, врачи тебя выходили и ты скоро поправился. И, слава Богу, все обошлось. Анна Петровна, директор детдома, говорила, что пока я ездила на Алтай, то ты чуть не помер без меня от воспаления легких. Был в бреду и с высокой температурой несколько дней и только уколы тебя спасли.

Помню, в Усть-Куюте, когда готовились к свадьбе Петра, возле бани мама поставила аппарат гнать самогон. Наказала караулить Петру и Николаю, а сама в комнате готовила что-то к свадьбе и стряпала. А сама побегает тут по кухне и вы-ыскочет туда, во двор, посмотреть, чтобы ребята не напились. Ну, что им, молодые были! Как и все, любили выпить! Она выскочит к ним, посмотрит, вроде не пьяные и скажет: "Ну, смотрите, не пейте раньше времени!" И опять домой уйдет. Ну, несколько раз повыскакивала, повыскакивала и заболела простудой. Прямо из-за этого вина, самогона. Заболела и заболела крепко и не поправилась больше. Целый год все лечилась и лечилась. И дома своими средствами лечили ее, и врачи в больнице лечили, но не стало ей легче. Слабенькие были врачи тогда в Усть-Куюте. Там после войны японской и

гражданской остались какие-нибудь "азадки" (остатки) от врачей, которые и заняли места врачей настоящих. Когда мама заболела, то мне наверное было лет пятнадцать-шестнадцать. Тогда мы из Чичама на Усть-Куют уже переехали. А когда моя мама умерла? Она целый год болела. Но тогда я себе считала лет семнадцать, так вроде правильнее будет. В то время, если кто меня спросит, то я отвечала: "мне семнадцать лет". Постарше себя называла (смеется). Что интересует людей? Зачем это спрашивают года? Чтобы ко мне...

Моя мама долго болела, но спокойно скончалась. Всю свою болезнь на ногах переносила, ходила до последнего времени. В последние дни свои она уже не ходила, а лежала. Я еще, помню, кашу манную ей сварила. Вот так подошла и положила перед ней и говорю: "Покушайте кашу манную!" А она мне говорит: "Не хочу!" "Ну, маленько!" - прошу ее покушать, уговариваю ее. А она на меня так посмотрела зло и сказала: "Если бы я хоть немножко хотела кушать, то и тебя бы съела!" Вот так и сказала! Я потом долго боялась! Как куда выйду из дома, вот туда, к коровам в сарай или по воду, так боюсь, как бы мама меня не скушала! (смеется). Думаю, зачем такое слово она мне сказала? А-а! Наверное, я ей надоела со своими уговорами: "Поешь, да поешь кашку!" А она мне: "Если бы я хотела, то те-е-бя бы съела!" "Ба-а-тюшки мои! - думаю себе. А тут вскоре она скончалась. И я думаю: "Как это жить? Где я боюсь, чтобы она меня не съела?" - не понимала слов мамы, все боялась еще долго.

А отец в тот день был дома. Она, мама моя, на руках у отца моего скончалась. Она, это, попросилась у него на улицу подышать. Он ее взял на руки и посадил у окна. Она подышала немного и он ее, опять на руки взял, да на кровать понес. А я (так вот, рядом с окном, печка была у нас), я на печке лежала, а кровать, вот так, поперек стояла. С краю, возле печки, и мне видно хорошо было. А он, это, маму когда взял и так на руки поднял ее. А я на печке лежу и не сплю, смотрю на маму... И когда отец положил ее на кровать, она глубоко вздохнула и говорит: "Господи! Прости мою душу грешную!" и на этих словах остановила свое дыхание... А отец и говорит: "Ну, вот, мать отжила свое"... А я, как соскочу с печки, да к маме кинулась! А отец меня удержал руками. Положил ее с рук на постель, а меня удержал и к ней не пустил. Говорит мне: "Не тронь! А то

помешаешь умереть маме, тогда она долго будет мучиться. Ты этого хочешь?" Он мне так сказал, попугал меня. И я перестала плакать и отошла от мамы немножко в сторону. Не подошла и не бросилась на нее. А что? "Ты - говорит отец, - мешаешь ей умереть, и она долго будет мучиться". Ну, мама тут, сразу и умерла. Вот, эти слова сказала: "Господи! Прости мою душу грешную!" И на этих словах остановилась... И все...

Скончалась моя мама... Не стонала. Ничего не кричала, ни плакала. Вот так помолилась и скончалась. Ну, я тогда отошла к окну. Там села на лавку и плачу, плачу!.. А ее одели в юбку с кофтой. Какая-то скамейка большая была. На скамейку положили ее... и жизнь ее кончилась. Потом гроб... Сейчас готовые продают, а тогда (1927 год) сами делали гробы. Какие-то знакомые мужики пришли, сделали гроб. Положили маму в гроб. А было это зимой, помню ехали на могилки на санях. Далеко могилки были... Вот я всю дорогу на санях сидела и плакала, плакала. Когда стали спускать маму в яму, то я как-то бросилась к маме! И у меня сердце остановилось! Я упала в яму! Вот, как я желала умереть тогда! Тут помогли отцу вытащить меня, взяли и разжали мне зубы, воды в рот налили. Я проглотила водичку и ожила помаленьку. Ох!.. Как хотела я умереть! Вместе с мамой! Плакала и хотела прямо в яму броситься за мамой. Но меня удержали. Вот, такая была у меня натура! Мне, прямо, маму шибко жалко было. Да-а... Горевала я. По ночам часто маму вспоминала и плакала слезами горячими...

Со временем, ближе к весне, как-то успокоилась, старалась все больше трудом себя занять. Окрепла немного, осталась жива, и до сих пор мне не верится, что девяносто три года по земле хожу! Вот так! Сердце крепкое у меня оказалось! Мне недавно так и сказал врач, который приходил ко мне домой. "Благодаря сердцу крепкому своему вы так долго живете! И дай Бог вам жизни!" Так и сказал. Такие были у меня в жизни переживания, скорби и испытания, а я смогла их одолеть! Вот, отец мой не смог пережить, когда услышал, как сосед Лисин Гришка в Кульдже пригрозил мне: "Если не отдашь золото, то подожгу твою хату!" Эти слова на отца сильно подействовали и у него сердце разорвалось и он скончался. А у меня сердце крепкое, стало быть. И сейчас, Слава Богу, не чувствую что оно меня беспокоит. Да-а-а... Не дай Бог такую жизнь

прожить другому и испытать такое, как мне пришлось с детьми и без мужа и без отца...

Вот, на днях заболел у меня шибко живот. А при расстройствах желудка многие и умирают, бывает такое. "Все - думаю себе, наверное, умирать пора! Хорошо еще Коля приехал, здесь, дома, и похоронит!" Уже умирать собралась девятого августа! А ведь у меня завтра собрались справлять и отмечать мои девяносто три года! Но, слава Богу, Валя с Колей отходили меня и мне полегчало. Вот так день рождения! А что? Бывает и такое! Помню у брата Анатолия, Валиного мужа, справили день рождения и умер брат в этот же день. Перепил или переел видно. Сделали ему день рождения и похоронили его. Говорят, что-то с сердцем случилось, не выдержало испытаний от празднования.

У меня, вроде, сердце не слабое. Но вот, как только начну крепко молитву читать или сильно расстроюсь, так голова сразу болит, не знаю как. Мозги болят! Даже молиться не могу! Вот, только сильно, глубоко подумаю о пережитом в жизни своей, расстроюсь и сразу, вот тут, в затылке и висках, мозги заболят. Я сразу останавливаю свои думы, свою мечту о жизни своей: "Зачем я так далеко зашла в своих размышлениях о жизни? Надо мне это?" И останавливаю сама себя. Успокаиваю. Думаю: "Нет! Я хочу еще пожить! Пока дети да внуки мои еще не все уладили в своей жизни. Все еще спорят между собой за этот дом, в котором мы живем вот уж больше сорока лет... Пока они себе наделают квартиры, тогда и этот дом никому не будет нужен. И спорить тогда не нужно будет!" Я, это, сама себя, так убеждала. Этот дом-то - куча глины! Какой это дом? Старый, дом не кирпичный, а из глины. Мазанка! Правда, теперь к нему как-то все пристраивали да пристраивали комнатку к комнатке. Я теперь, даже не знаю, сколько комнат в нашем доме? Я ведь давно не выходила из комнаты и мне кажется, в моих глазах стоит этот большой дом, а в нем круго-ом все двери и двери. Как дверь откроешь - там стоит стол и стул и кровать. И все! Заходи и живи! Одному человеку комнаты хватит! Не то, что раньше, всей семьей мы ютились в одной комнате...

Помню, мы тогда жили на Алтае в Усть-Куюте. Я еще небольшой девочкой была и вместе с другими ходила в церковь православную. Но я, как отец наш учил по Библии, я туда ходила и скромно себя вела. Не крутилась, не вертелась, а все стою в церкви и молюсь, молюсь, молюсь.

Стою долго и читаю, вспоминаю молитвы к Господу Богу. Редко мы ходили в церковь. Перед Пасхой встречали праздник с ночевкой, ждали полуночи, когда там запоют "Христосе Воскресе!" Далеко все-таки от нас была церковь в селе Куреево озеро. Туда с ночевкой надо было ходить, чтобы поспеть к заутрене. Отец не ходил, а мы, молодежь и взрослые, соберемся и все, гуртом, идем туда через горы и лес. А в будние дни у меня была своя церковь. Я же тебе говорила, чувствую, что надо помолиться, пойду в лес. Найду свою березку, залезу на развилку, сяду на колени и читаю молитвы. Помолюсь, успокою душу свою и иду домой. И дальше продолжаю жить, как и все. Слава Богу, Господь меня благословил от утробы матери и полюбил меня. Вот так я и проводила дни своей жизни в юности. Я благодарю Господа за то, что Он привел меня и мою жизнь к тому, что деточки, внученьки и правнуки есть у меня! В них моя радость и вся жизнь! Больше всего рада я была этому, что дети есть у меня! Уповаю на то, что они продолжат служение Богу!

...Сейчас у вас в Томске живут Нина со Славой Худяковы, твоя Людмила и мои внуки Дима и Игорь со своими семьями. Все такие близкие сердцу моему. Как я благодарю Господа Бога за то, что они есть, что Господь дал мне и внуков и правнуков. Таких хороших! Ванечку и Аленушку! Дети вырастают для радости матери и отцу, для Господа Бога. А когда Аленочка вырастет большой, то познает истину Божию, будет петь в хору церковном. И как радостно будет на сердце у отца и мамы, когда они будут видеть это. Когда дети будут верующие? Господь знает. Я за Диму не знаю, а Игорь с женой раз приняли крещение, то значит верят в Господа Бога. Дай им Боже сил познать глубину Твоей истины! Ибо написано: "Исследуйте Слово Божие, познайте истину жизни, чтобы быть счастливыми не только на этой земле, но и в будущей жизни!" Мое желание, чтобы дети, внуки и правнуки мои познали глубину истины жизни и жили по Слову Божию. И будете счастливыми! Написано: "Бог дает счастье с избытком, если человек почитает Господа Бога, тогда и живет в благополучии". Но человек сам на себя навлекает недуги.

Ведь сейчас можно хорошо жить, Бог дает нам все для блага человека. Надо приложить труд и воспользоваться тем, что дано. Монахи живут как Богу не угодно, а ты живи как христианин. Как сказал Бог Адаму: "Иди и трудись, от трудов своих питайся, сей и паши." А другому, говорит,

ухаживай за скотом. А жене сказал, рожать детей будешь в боли и скорби, как при болезни. Роды никогда не бывают легкими: как будто подошел, взял и сорвал цветок. Так и приходится женам страдать и переживать рождение детей. Дай Боже всем вам здоровья на многие годы. При здоровье и живется хорошо. Самое главное у человека это здоровье, оно и в старости ох как нужно нам! Да будет милость Божия всегда среди вас. Милосердный Господь дает такую любовь двоим, мужу и жене, чтобы из двух получилось одно дитя и тогда любовь не разлучит никто.

И старенькие тоже живут с любовью. Я вот, когда жила в городе Кульдже, то работала нянечкой. И видела у хозяина, родители были старые. Он, старик, если и куда уходит, то она его легонько обнимает и в щечку целует, а он отправляется, вроде бы как, на работу. Встречает она его после работы и опять радуется. А так, они старенькие, ну не совсем старые, а под шестьдесят лет будет, как и тебе. У хозяина был ребенок, маленький и я водилась с этим ребенком по-первости как только мы из Жаркента пришли в Китай. Вижу старичков и думаю себе, ишь ты, как они дружененько живут... А я все себя обвиняла потом, что я во всем виновата, когда отец ваш погиб. Я не могла вот так, как они старики, с отцом вашим жить. Вот и пошел отец на перестрелку с врагами народной власти. Я бы так, как старички эти, жила бы и, может быть, отец не пошел воевать. А то я с детьми вожусь с утра до вечера, а он остается без внимания от меня. Это тоже так нельзя. Но я с детьми возилась и его не обижала ничем. Всегда, как идет он в баню, и я ему даю чистое белье, все выстирано, все хорошо выглажено. А когда приходит он после работы, дома всегда обед готов и дети прибраны аккуратно. Я все больше себя обвиняю, что я (задумалась, глаза закрыла). Он целоваться любит, а я не хочу. Вот. Это, так вот, отворачиваюсь от него в сторону ... А он?.. Наверное, думал, что я его не люблю. Я говорю ему: "Я тебя уважаю, я тебя люблю больше, чем себя ...Но вот целоваться я не очень люблю. Вот какая беда. Уж я такая непутевая, как говорил мне мой отец. У меня отец обижался на меня за то, что я такая брезгливая была. Ведь вот изо рта плюешь, а ты целовать в губы хочешь!"

Меня отец, один раз, нашлепал за брезгливость. За что? ...Один раз принес отец принес рыбу домой с речки Куют. А я помыла ведро, в котором полы мыли. Взяла его, почистила, почистила песком на речке и

тут же на бережку перевернула и поставила на траву. Пусть посохнет, думаю. Ведро было из нержавеющей железа и когда его вычистишь, так оно прямо как чистенькое и новое выглядит. Это ведро еще из России, Тамбовской губернии, было привезено. Мама говорила, что по дороге, когда ехали из Тамбова на Алтай, в этом ведре пеленки стирали. Стирали, но мама вычистит его и пили из него воду. На станциях, когда поезд с теплушками и переселенцами останавливался, то мама, побежит, и воды в этом ведре принесет. А потом его для пола использовали, не стали воду для питья носить, а только пол мыли. Оно, ведро, никелевое и когда его вычистишь, вычистишь, так оно прямо чистенькое становится. Вымоешь его на речке с песком и с мылом, выполоскаешь и на бережок на травку сушить поставишь. Вот, и на этот раз, я ведро привалила на бережку, пусть подсохнет, думаю.

А отец пришел с рыбалки. Видит, тут ведро стоит, взял и рыбу туда вытряс из мешка. А я тут рядом была, вижу такое и думаю, как это, прямо в поганое ведро рыбу вывалил отец? Подошла потихоньку, взяла ведро с рыбой, а тут, трава на бережку, так я на траву и вывалила рыбу. А отец еще не ушел в дом и стоял на берегу. Подошел, взял и шлепнул меня за это. За то, что я так сделала с рыбой. "Зачем ты на пол ее, рыбу, вывалила?" - спрашивает. "Да мы же в этом ведре пол мыли!" - отвечаю ему. "У-у, чистоplotная!" - говорит мне. - Ты посмотри, какое ведро чистое. Ты же его вымыла? И оно чистым стало!" Вот так поругал он меня и шлепнул по затылку больно. Ну, вот так, (показывает, рукой, на себе) по щеке меня ударил и непутевой меня назвал. А я-я-а, тогда расплакалась: "Вот, мамы родной нету и отец начал меня бить!" Реву. Вот, расплакалась и пошла рыбу чистить у речки. Да тут, рядом с домом нашим, пошла на переход через речку и стала чистить рыбу. А сама сижу и плачу, плачу из-за того, что отец ударил меня. При маме никогда не бил меня, а здесь мамы родной не стало и он начал бить меня. Вот, видишь, какой стал у меня отец после кончины мамы и женитьбы на Лизавете. Мачеха, наверное, что-нибудь говорит ему, а он меня, видишь, взял и набил. Значит, я посчитала ведро поганим, а берег с травой непоганим, взяла и вывалила рыбу на траву. А потом собрала в другую посуду, в тазик, и, пошла, чистить рыбу на речку. Да-а, было и такое...

А вот, помню, отец так ударил меня ложкой по лбу, что ложка раскололась. Вот так, как-то мы сидели за столом. Стол большой с той и с этой стороны, вдоль стола, вся семья садилась, а отец всегда в конце стола садился. Тогда у старшей сестры Матрены была девочка Роза, маленькая. Я ее взяла на руки, за столом сижу и что-то с ней разговариваю. Она вдруг подняла ноги над столом. Она маленькая была и без трусов, голую попу показала. А за это отец меня шлепнул ложкой по голове и больно. Это я потом догадалась. Без трусов у девочки попа нагая была и поднялась она как раз к нему попой-то. А он ложкой деревянной ка-а-ак меня по лбу ударил, и ложка раскололась. Я тогда вышла из-за стола и тоже плакала, что отец меня стал бить, когда родной мамы нету. Ушла в баню, чтоб никто не видел, и пла-ачу там. Плакала, сколько хотела, пока не успокоилась...

Помню, было еще, когда через год после смерти родной мамы, отец привел в дом мачеху Лизавету. Устроил отец празднество, пригласил близких, знакомых и обедают в доме. А я зашла в свою комнату. У нас было три комнаты в доме и я в спальню свою зашла и плачу. Отец зашел в спальню, видит, что я плачу, молча взял меня, вот так вот за загривок и вывел меня оттуда в коридор. Не помню, тогда побил он меня или не побил, а только в коридор вывел? И молчком, чтобы я ушла куда-то, чтобы гости не видели как я плачу. От гостей меня в коридор вывел и "иди куда хочешь". Вот, я все время плакать в баню уходила и сейчас ушла в баню и пла-ачу ". Прогнал меня отец из дому, иди куда хочешь. Он к себе новую мать привел, мачеху!" Вот такую жуть на себя нагоняю и плачу. Нет, я помню, что тогда он меня не ударил, а только взял за загривок и вывел в коридор...

Помню, ездила я когда-то давно на Алтай к родным с Зиной и ее дочкой Алинкой. А сейчас, если бы у меня ноги были не больные, то я бы съездила на родину еще раз. А там кто уже остался? Племянники и их дети. А наших Сериковых, там уже нету. Старшие мои родные братья Петр и Николай покинули землю, а их дочери живут своими семьями. Да-а.

Помню! Нам мама рассказывала, по вечерам зимой, как ехали из Тамбова на Алтай. Ранней весной, после Пасхи, еще только снег сошел с полей в селе Завьялово, что недалеко от городка Усмань, несколько семей

собрали свой скарб и на подводах поехали до станции железной дороги. Здесь погрузились в вагоны-теплушки и отправились в долгое путешествие. До Урала ехали быстро, редко стояли на станциях, а после Урала поезд с переселенцами иногда неделями стоял на остановках. Жили на "колесах" и только в начале августа добрались до Барнаула. Шел тысяча девятьсот десятый год. По путевке царского правительства нашей семье надо было ехать в Усть-Куют Бийского уезда. Но отец имел желание повезти в сторону города Верного (теперь Алма-Ата). Но задержались за Барнаулом в одном месте по названию Мысы Калмыцкие. Здесь остановились до осени и жили во временке. На полях еще стояли хлеба и отец договорился помочь местным с уборкой хлеба. Вот, во время этой уборки, отец косил, а мама со старшими детьми вязала снопы и ставила их в суслоны.

Мама была в положении и, в один из дней, ей стало плохо. Отец бросил работу, соорудил навес от солнца и принял роды. Вот так и появилась на свет еще одна дочь в семье Сериковых и ей дали имя Анечка. Так я появилась на свет, по рассказам родителей. Потом отец поехал с семьей в село Березовое, недалеко от места Мысов. Тут он снял квартиру и мы переехали туда. Здесь мы жили не месяц и не два, а несколько лет. Я уже сама помню эту квартиру в Березовой. Года два или больше мне было, как, я помню, мы с ребятами катались на плашке. Вот так вот (показывает руками) положим плашку один конец на кровать, а второй - на пол и катаемся будто с горки. Тогда я могла уже, как ваш Ванечка, ходить и бегать. Года три, наверное, мне было. И Груня самая младшая в нашей семье, тогда уже была там, после меня родилась она через год. Мне было год, когда она родилась.

А дедушка ваш промышлял охотой. Все-е-ех, этих разных зверков: колонков, хорьков, белок, зайцев и других - всех их ловил на петли или ставил капканы (смеется). Знал, где звери ходят и оставлял где-нибудь прикорму немного и рядом ставил петлю или капкан. Небольшие такие капканчики, такие вот (показывает с ладошку). А они, зверки, были небольшие, но шкурка у них ценилась дорого. Колонок был красный, шерсть рыжая у него, еще у другого зверка, у белки, шерсть была светлая. Еще был зверок, забыла, как его называли, у него хвостик беленький, а сам весь, как снежиночка, белый, но на хвостике кончик черненький. Вот,

если он где-то спрячется, то его не видно на снегу, а только по хвостику можно узнать, что он зарылся в снегу и сидит там. Конечно, и зайца ловил. Шкурка зайца дешевая была... Я с отцом на охоту не ходила, а это он нам рассказывал после удачной охоты. Колонки, хорьки... Хорьки? Они вонючие были. Принесет отец их в комнату, воня-яет от них. Отец говорил, что и соболи в тайге есть, только надо идти далеко в лес на Бийскую гриву, откуда начинается свой бег речка Большой Куют. Иногда на берегу речек Малого и Большого Куютов он встречал ондатру, они в воде живут и их трудно достать.

А ходил отец на охоту с собаками. У него, вроде, две собаки было для охоты. Вот он с ними иногда и лису гонял по горам. Лису он ловил на пилюли из стрихнина с маслом. Сначала он наматывает, наматывает ниточку на веретешку, а потом вытаскивает ее и туда стрихнину насыпет. Запечатывает, обмажет маслом и бросает туда, где лисица ходит. Вот, она увидит приманку и съест, а потом далеко не может уйти и пропадает. Ну, его собаки по следу находят лису. Она уходит в лес и выше по горе Чичам, а отец зимой на лыжах идет по ее следам, ищет, куда она спряталась. Вот мама его и ругала. "Ходишь там по горам на лыжах. Скатишься где-нибудь неудачно, упадешь, и никто тебя там не найдет!" А что? Иногда за лисой далеко отец уйдет, до самых сумерек ищет ее. Она же полубольная, отравится и бежит куда-нибудь спрятаться в кусты. Мама за охоту отца всегда ругала. "Лучше дома сиди зимой. Кадушки делай. Вон, заказов полно, давай только кадушки!" Он хорошо кадушки делал для солонины. Кому, какую, надо. На два ведра, на пять ведер, вот такие (показывает руками высоту). Вот она и говорит ему: "Лучше кадушки делай. А то ходишь по лесу, а я тут переживаю за тебя. Боюсь, где-нибудь с горы, покатишься и залетишь в кусты, и тебе никто там не поможет вылезти". Все она его уговаривала не ходить на охоту. Ну, правда, слава Богу, ничего с ним тогда не было. Потому что он такой ловкий был дядечка, умел хорошо на лыжах ходить. И маме говорил: "Я всегда объе-еду куст! Что? У меня глаз не видно, что-ли? Куст увижу, вот так поверну вправо и туда поеду, мимо куста, а потом в другую сторону поверну и объеду другие кусты. Да, надо все делать ловко на охоте и я это умею. Не переживай!"

А потом мы уехали из Березовой на Чичам. Нам прописку дали туда по путевке переселенцев, на горах жить. Чичам, так гора называлась, а под ней была деревушка из нескольких дворов, тоже Чичам. Это место было такое горное, здесь не было ровной земли, чтобы можно было пахать и сеять хлеб или что другое. Там, надо было расчистить место от леса и кустарника, и тогда можно было садить чего-нибудь: картошку там, другие овощи, лен посеять, коноплю. Маленькие кусты убрали в первую очередь, расчистили поле сначала немного, а потом стало больше места для посева хлеба и гречихи, и картошки.

А рядом с деревней Чичам была эта самая речка Малый Куют. Она бежала с этих гор, что поближе, а ниже попадала в речку Большой Куют и вместе они уже сливались с полноводной рекой Бией. Большой Куют и Бия идут издалека с белых снегов. А там, где речки совпадают, недалеко от реки Бии стоит деревня Усть-Куют. Река Бия широкая и многоводная, по ней пароходы большие ходили и сплавляли лес плотами. От Чичама это место было не так далеко. Пешком ходили мы, конечно... Они, два Кююта, вроде мелкие речушки, а внизу Бия, одна, большая река. Там, недалеко от нас на берегу Бии было село Куреево озеро. Там раньше были больницы и санатории. Курорт был раньше до революции. Туда господа выезжали отдыхать из города Бийска и даже Барнаула.

Почти через сорок лет я снова поехала туда вместе с дочерью Зиной, когда внучке моей Галинке было пять лет. Поездом мы доехали до Барнаула, потом автобусом до Бийска и уже оттуда на пароходе "Ракета" приехали в Усть-Куют. Там мы ходили по своим родным и близким. Там где наш дом стоял было свободное место. У дома я садила в огороде черемуху и березку. Березка и черемуха сохранились и выросли большие. Никто их не срезал за прошедшее время. А дом наш убрали. Тот, кто у нас купил дом, те уехали жить на степь и продали другим, а те раскатали дом и увезли в другое село. А кучу земли с котлом, где отец гнал деготь, скипидар и жег уголь древесный для кузниц, заводик, как называл это место отец, взяли люди из колхоза. Разломали, хотели на новое место перевезти. Перевезли, а там доброго хозяина не нашлось, и все котлы побросали. Там чан, котел, такой железный был, а вокруг него печка обходила. Вот сюда, в котел, эти пеньки наколют, набросают и закрывают крышку. Дрова кладут в печку, огонь летает по дымоходу вокруг котла и

туда в трубу выходит. Пеньки были смолистые, дрова эти выжариваются, выходит из них смола, этот деготь и скипидар. Он как сок, скипидар, жидкий, но еще не чистый. Потом его перегоняют как самогон, через змеевик и охлаждают, тогда он очищается, становится чистым и его можно потреблять для лечения.

У отца была такая банка стеклянная на два ведра. Вот он наберет в нее скипидара и везет сдавать в аптеку в Бийск. Он хорошо за это получал. Все лето со старшими отец этим и занимался. Этим и жила наша семья. А уголь древесный, что получали на заводике, тут же разбирали местные кузнецы, а деготь ребята развозили по деревням и меняли на зерно, либо на продукты какие. Деготь, там, в котле, вниз падает, где был желобок, и смола вытекает прямо в бочку. Я подробно так рассказываю, потому что днями с братьями пропадала на этом заводике, жили ведь мы недалеко от этого места. Приходилось помогать отцу. Что же делать? Как приедет за углем отцовский друг, который кузницу держал, так он его быстро отпустит. Свежий уголь грузили рогульками. Эти две рогульки, вот так, (показывает руками) задеваются за крючок. И это, так, тут палка и через эту палку поднима-ают уголь, оттуда из печи. В печи он не вспыхивает, стоит там два дня, иногда больше, пока не потухнет совсем. А если сразу бы открыть печь, то уголь сразу бы и вспыхнул... На этом месте всё рядом было и куча земли с заводиком и наш дом...

Дом у нас был из бревен хороший, с карнизом. Крыша покрытая досками хорошо. Деревянный дом был, не мазанный. Бревна прямо так просто лежат друг на друге, обсочены шкуркой, чтобы там черви не заводились. Шкуркой добротнo посочено, на совесть. Ой-йе-ией! Жил отец наш с семьей не богато. Работа-а-ал! Рук не покладал и нас к такому труду приучал. А мы, все, по хозяйству знали свое место. Петро все больше ездил со смолой и углем по деревням, продавал и деготь. А деготь получался добротным, когда наберем от березки шкуру, бересту. Таким дегтем можно было и сапоги мазать. Вот так! Бывало и бутылками продавали скипидар по домам. Я уже тогда большая была, и мне было тринадцать лет, когда мы переехали в Усть-Куют. Я помню хорошо это время, так как мама жива еще была. А там жили долго, все же года проходили, и хозяйство у отца стало справным, в достатке жили...

Помню, когда мне стало двенадцать лет, меня в няньки не отдавали еще и я дома маме помогала на кухне. Все делала. Когда даже сама весь хлеб состряпала. Они всей семьей уедут на пашню, и кто-нибудь один приедет от них за хлебом, тогда мы с ним испекем хлеб. Он забирает свежий хлеб и везет на пашню. Было недалеко до пашни, километров пять от нас и почти рядом с Усть-Куютом. Жили тогда на Чичаме, а на Усть-Куюте пашни держали. Что мы сеяли? Просо все больше сеяли. А потому что просо хороший урожай давало... Да, тогда же со мной было приключение.

Один раз зимой отец на охоте поймал и привел домой маленького медвежонка. С ним было интересно играть, пока он был маленьким. Кормили его исправно, и к лету он подрос, таким как теленок. Вот, я его уже бояться стала. Все, как обычно, в тот день уехали на пашню, а меня одну дома оставили. Мама для хлеба там дрожжи поставила, а медведь добрался до дрожжей и давай их кушать. Я вижу, такое дело и залезла на крышу, тут вилы были дли-и-инные такие, и давай медведя тыкать под задницу и отгонять от дрожжей... А он рычит, на меня посмотрит, но дрожжи не оставляет и пьет себе... А я думаю себе, так я его раздражню сильнее, и он до меня залезет. Тогда я соскочила с крыши и давай бежать до пашни. По огороду добежала до речки, по перекату перебралась через нее и тут же наша пашня видна! Тут у нас уже картошка посажена, по той стороне берега Малого Куюта. Ну. я побежала, побежала туда, наверное с километр оставалось, где были все наши там и что-то делали на этой пашне. А медведь за мной бежит и не отстает! Я же со всех сил бегу, убегаю от него. А он... У него то задние лапы длинные, а передние короткие. Он быстро не может бегать, и отстал немного от меня. А я прибежала туда, запыхалась, еле дышу. Отец приставил ладонь ко лбу и смотрит не на меня, а на то место, где дом наш стоит и спрашивает меня: "Что? В доме что случилось? Пожара вроде не видать". Ну, я отдышалась и рассказала ему все как есть, что медведь съел дрожжи и хотел меня покусать, но не сказала, что я его вилами тыкала. Отец успокоил меня и сказал: "Хватит, держать его, и ждать, чтоб он кого-нибудь задрал, не будем. Сегодня же я его зарежу и будем жарить мясо." Взял веревку, подошел к медведю, который лежал под повозкой, накинул ему на шею петлю и повел домой. А когда мы, остальные, пришли домой с пашни, то

отец уже разделал тушу медведя и поставил вариться мясо. Если бы медведь догнал меня, он бы не пошутил, у него силенка уже была, и ростом он был с небольшого теленка. Вот и все. Наварили мяса и сидят ребята и девчата, кушают медвежатину. Все ели, только я одна не могла есть. Говорю про себя: "Нехороший он. Напугал меня и чуть не задавил". Вот и не стала есть медвежатину...

Помню, отец у нас был вон какой, как апостол. Сильным таким был по Слову Божию. Он проповедником не был и читать крепко не мог. Умел, а читал по складам. Вот как читал Евангелие нам дома. Как ни какой праздник святой, посадит всех за стол, а мама на стол уже накроет обед. Отец берет Евангелие, прочитает нам и укажет нам, как вроде десять заповедей, вот так нельзя поступать, а так надо говорить и вести себя. Потом помолимся и садимся кушать. Вот таким образом праздники и проводили. Церкви у нас в деревне не было. Вот он и проводил праздничные дни дома так. Вот на иконы он не стал молиться, почему-то, не знаю. Там, в Евангелии, есть слова "рукотворному не поклоняйся". Это я себе сейчас, так думаю, а тогда отец на окно сотворял молитву и ничего никому не объяснял. Вот, окно открыто так, и за стеклом лучи солнца. Свет Господний есть... Так, там раньше, молились апостолы по Библии...

Далеко от нас была церковь и отец не ездил туда на службу. А мы на ночь уходили в село Куреевское озеро, там ночевали. Куреевская церковь от нас была ближе других. Мы всегда в Куреевскую церковь по великим праздникам ходили. Она была теплая, была топлена, а в селе Сайдыпе церковь была холодной. Перед Пасхой мы ходили на всенощную службу. Там, в церкви, были целую ночь. Ждали до двенадцати часов ночи, пока не запоют: "Христосе воскресе!" А после двенадцати идет богослужение. Я ходила сколько раз на Пасху и не спала ни разу, нисколько не садилась на пол, все на ногах стояла и молилась все время. Целую ночь!.. А старенькие люди садятся на пол, отдыхают и иногда спят. А я такая ревностная в вере была. Все делала, как отец наставлял и понимала по своему. Я, вот, одна из пяти детей у отца была такая, а другие были так себе. Ну и, все равно, жили так, как все люди. А я уж больно ревностная была! Вот поэтому меня Груня (моя младшая сестра) не любила, считала, дразнила меня: "Ты у нас святая!" Ну да, святая! Это разве плохо? Вот какую либо неправду сказать мне, да я ни за что! Никогда! Лучше, я

говорю, пусть меня накажут, но за правду! Если я что сделала, то я не могу сказать неправду, хоть и оправдаюсь этим. Мне поверят, что это не я сделала, а я неправду сказала. А всякая неправда - грех! Вот это передо мной стояло всегда в детстве. А если меня накажут, так я же виновата, будет справедливо. Пусть накажут! Только я неправды не скажу. Вот так вот! Это детские мысли такие были у меня. А взрослые мысли? Не знаю. Так я держалась всего и всегда. Чтобы не грешить в жизни своей. Но грех, он сам преследует тебя. У-у-у! (задумалась, глаза закрыла).

Вот, как считаешь Библию, там все сказано... Я не читала всегда, вот это самое место, в Слове Божиим, а если прочитала бы, то у меня, наверное бы, все волосы выпали бы с головы. Это надо же так жить, чтобы сохранить веру во Христа!.. И вот там это написано. Один пришел к Иисусу Христу и спрашивает: "Что мне сделать, чтобы Царство Божие наследовать?" А Иисус отвечает ему: "десять заповедей знаешь ты?" Один говорит: "От детства знаю, от детства храню". спрашивает: "Отца, мать считаешь?" Один отвечает: "Считаю и от детства храню". А у этого одного юноши дедушка был очень богатый и когда умирал, то все свое богатство переписал на него. И когда Иисус Христос все переспросил у юноши, а потом и говорит: "У тебя все хорошо, но одного не хватает. Надо тебе продать свое богатство или раздать нищим. Тогда и вера твоя окрепнет". Ой-ей-ей! Как ему жалко стало раздавать богатство нищим! И больше про этого юношу нигде не говорится в Слове Божиим. И отошел от Христа этот юноша. Да, не каждый так поступить может, продать богатство и раздать все нищим! А сам он с чем останется? Это богатство было у него от дедушки, который заработал своим трудом, а потом и завещал юноше. Но Христос сказал: "Раздай свое богатство и иди за мной!" Но юноша не смог это сделать и отошел от Христа в печали. С богатством остался, но в грехах, не пошел по пути Христа! Так наш отец говорил про Слово Божие, но не давал нам читать его. Сам все разъяснял и говорил: "Ты еще обрежешься, не поймешь всего!" Ну, как это понять такие слова о богатстве? Прочитаешь, а их невозможно исполнить. И отступишь тогда от веры Христа?.. Думаешь, такое написано, что невозможно исполнить мне?..

Когда я уже сама в прислугах работала в Кульдже, то купила Евангелие и читала по целой ночи. Вот тут я и уверовала в Господа Бога.

Это было уже в Китае. А до того на Алтае я жила, как и все с самого детства. И вот, как я приобрела Евангелие. Шла домой, тогда получила от хозяйки зарплату месячную, и думаю себе: "Где бы мне Слово Божие купить, чтобы познать истину жизни? Когда-то я читала у отца, а теперь нет у меня Библии?" И вот идет навстречу мне мужчина и говорит: "Вы не знаете, кому Слово Божие нужно?" Потихоньку так мне сказал. А я отвечаю ему: "Я хочу купить!" "Ну, пойдём - говорит оно у меня дома. Я сам не читаю и другим не даю. Очень строго за такую книгу наказывают. Садят за нее в тюрьму". Но я не испугалась его слов и говорю ему: "Давайте, я ее возьму!" И пошла с ним. Не спрашивала, куда он меня поведет. Пришли к нему в дом, он ящик открыл и достал небольшое Евангелие, не Библию. И я ее взяла. Прижала к себе и говорю ему: "Сколько я за нее вам должна уплатить?" Я всю зарплату хотела отдать за книгу! А он говорит: "Три ланы". Раньше за одну лану в Китае можно было купить "хо" муки, то есть четыре пуда муки можно было купить за три ланы. А он сказал мне уплатить три ланы! И я тогда сразу, не сдержалась, и отдала ему три ланы. Радостная, побежала домой, читать Евангелие! По вечерам до поздней ночи, а иногда и до утра, читала и читала Святую Книгу. Долго я читала ее, а потом отцу отдала, когда он на пасеке за городом жил, а себе купила Библию. Тогда я уже ходила на собрание верующих христиан баптистов в Кульдже и туда прислали из Америки Библии. Я тогда отдала сорок рублей за Библию. Все жалование свое месячное. Я получала эти деньги в прислугах и отдала за книгу, не думая. И эта Библия была всегда со мной, и я ее читала, пометки делала для себя. И она мне помогала перенести трудности моей судьбы в Китае, когда мы всей семьей с другими русскими из Китая выехали в Советский Союз на целину, а потом в Джамбуле и в Алма-Ате по сей день...

ПРИЧАЩЕНИЕ. Помню. Перед моим днем рождения 5 августа 2003 года приходил пресвитер Николай Дмитриевич с причащением от собрания верующих Алма-Аты. Рассказал мне про свою тещу: она прожила девяносто восемь лет и до самых последних дней двигалась хорошо на своих ногах. А вот я уже три года как не могу встать на мои ноги, не держат меня. Господи, если бы Ты дал мне здоровье, чтобы я хоть чуть-чуть могла ходить! В чем же я так провинилась? Видно есть за мной грехи, которые меня положили на постель? Да, за грехи, которых я

не вижу за собой. Они как ртуть, когда рассыпешь ее на пол. Знаешь ведь ртуть? Она на мелкие части разбегается и ее трудно увидеть. Прости меня Господи!

Во время причащения пресвитер читал молитву и я вместе с ним. " Слава, слава Тебе любящий Отец небесный за любовь и милость Твою безграничную. Ты так полюбил мир, что не пощадил Сына Своего единородного, дабы каждый верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Господи, как я хочу за все тебя благодарить, славить имя Твое. Нет слов, на устах моих, скольких Ты достоин. Честь и слава Тебе, Господи. Благодарю за посещение пресвитера дома моего. Благослови этот дар и это хлебопреломление как воспоминание страданий Христа! За все, за все славлю имя Твое. Ты ведь достоин чести, славы, хвалы и поклонения. Господи, Ты знаешь скорби души моей прежде прощения моего за детей, за внуков и правнуков моих. Как бы хотелось, чтобы ни одна душа из них не погибла, а все они пришли к покаянию, дабы у ног Твоих встретиться вместе с ними и славить имя Твое. Да будет на все Твоя воля. А за милость, за любовь твою, за охрану жизни моей слава, слава, слава Тебе Отцу и Сыну и Духу Святому во веки веков. Аминь!"

После меня пресвитер совершил молитву. "Господи! Благодарим Тебя, что по Твоей воле, Ты еще сохранил жизнь нашу на сегодняшний день! Благодарю Тебя, Господи, что Ты хранишь сестру Анну Гавриловну, невзирая на возраст ее, в светлом разуме, в единении с Тобой, в святых размышлениях над Словом Святым. Господи, слава Тебе! Молим Тебя, благослови, Господи, нас совершить эту заповедь, которую Ты оставил для церкви через эти видимые знаки. Господи, слава Тебе! Ты любовью покрыл все беззакония наши, силою и святостью Твоей божественной крови омыл от всех грехов и даровал благодать Духа Твоего Святого, который нам светит. Это мы, дети Твои, и у нас есть вечность, у нас есть церковь и смысл в жизни! Благодарим Тебя за царствие Твое небесное внутри нас! Благослови теперь, Господи, совершить преломление, вспомнить через эти видимые знаки твои тяжкие страдания на Кресте, Твою смерть, силу воскресения Твоего, которой Ты воскресил нас к новой жизни. И мы теперь уповаем на живого истинного Бога! Господи! Благослови нас с благоговением совершить это служение! Отец, Сын, Дух

Святой! Во веки веков. Аминь!" (Совершается хлебопреломление и причащение к хлебу и вину).

Пресвитер Николай Дмитриевич сам пришел проведать меня и причастить перед моим днем рождением. Я ему очень благодарна! А тот пресвитер, который раньше посещал меня не пришел, заболел, наверное, или в Москву уехал. Того в Москву иногда вызывают. Там дают им больше духовной науки, как поступать в мире. Очень трудно им пресвитерам и служителям церкви. А этот пресвитер, Николай Дмитриевич, никуда не ездит, всегда в Алма-Ате. Он у нас запасной для тех из старших пресвитеров, когда они уедут куда, то он их заменяет. Он часто немощных и больных посещает, так вот, как и меня сегодня. Господи!!! Как мне хорошо сегодня! Я сама чувствую себя счастливой! Ведь я познала истину веры с детства своего! И имею радость, когда вспоминаю страдания Христовы! Я их всегда вспоминаю в своих молитвах к Господу Богу! Ну, это дома, без вина и хлеба, просто в душе своей. Слава Тебе Господи!.. (Зашла Валя, дочь). "Ну зачем это, вы деньги - помощь взяли?" Мама: "Я сказала ему не надо, а он назад не взял. Я отодвинула, вот так от себя, не надо от церкви, говорю, у вас свои расходы!" Не послушал меня пресвитер и оставил помощь...

Ты вчера, нет сегодня, побеседовал с этим пресвитером, и я так радовалась! Господи, прямо как хорошо! Пришел он и ты, хоть немножко, побеседовал с ним. Да я слышала, как вы говорили, где и как идет служба в церкви. Томск упоминали и, вроде бы, ты говорил, что там есть дом молитвы христиан баптистов. Который можно тоже посещать всем? Да. Все думаю, хоть немножко поговорили о вере с пресвитером и ты послушал как он молится хорошо во время хлебопреломления. Приедешь домой, посети церковь в Томске, где я когда-то была...

У Захарова, в соседнем доме в Кульдже, сын был, такой вот как Саша у нашей Вали, взрослый. У них комната была свободная и они пустили на квартиру старичка немца. А этот сын учился говорить по-английски с ним, даже беседовали. Но вот стали китайцы притеснять этого старичка и он домой уехал в Германию. А Захарова сына забрали из дома и посадили в тюрьму за то, что он общался с иностранцем. Так с тех пор и пропал неведомо где. А старичок, он доктором был. Принимал и лечил некоторых больных у себя дома. Даже когда позовут его, то ходил к

больным. И вот, когда я заболела, он приходил и лечил меня. Лихорадка так затрепала меня, что у меня жизни не остается спокойной. Валя маленькая была. Мне так Валю жалко было. Думаю, маленькая останется без меня. Вот. Доктор пришел ко мне, дал лекарства. Какое? Вот у яйца желток отбросил, а белок сбивал, сбивал и что-то туда положил, какой-то порошок. Еще все вместе сбил и дал мне выпить. И мне полегчало... Этот доктор жил там, недалеко от нас, где Кузьма Трифионович Попов, пресвитер нашей общины баптистов. Не помню, может быть и у Поповых. Ему нужно было отдельное помещение, чтобы он один был. Тогда ему можно было больных принимать, когда люди придут. Врач был! Доктор, лучше не надо! А хорошо доктором быть, посещать больных, ездить и быть миссионером. Это же надо, как он хорошо лечил и посещал больных дома! И не только у нас в Кульдже он лечил, но и в другие города проезжал. Вроде как апостол можно назвать его. Они, миссионеры, по всему белому свету ездят, как это было и в ранешние времена. Вот, апостол Петр и Павел в каждую церковь заезжали, духовно лечили людей и проповедовали веру Христову. Правда потом их заточили в тюрьму и они пострадали за веру...

А про вашего отца, не помню, чтобы он болел и обращался к врачу. А что? Он здоровый был парень. Может быть, кашлял он иногда, бывало. Да он дома-то почти не жил. Днями разносил стекла и делал ремонт окон. С утра пораньше встает, берет инструмент и ящик со стеклом и целый день ходит по городу. Деньги-то для семьи надо было зарабатывать!? А тут война случилась между китайцами и русских туда стали забирать. Вот и ушел... и живым не вернулся...

...Вот отец ваш, чтобы шибко веселый был? не скажу. Он же пить водку, не пил, а так. Конечно, он хорошо со мной разговаривал. Приходит иногда с работы ко мне: "Ну, как ты тут? С детьми справляешься?" А сам тогда эту комнату-дом строил. Некогда было ему разговаривать шибко. Один он строил, иногда дедушка помогал и за лето закончил. Осенью мы в свою комнату перешли с квартиры жить. Был он работник неплохой, но так было, любил после работы побегать с соседями. А я не останавливала. Пусть поиграет в мяч или городки! Что? Все время в нужде и нужде и побегать нельзя? А там у нас мно-ого было таких ребят, молодых, вот они

соберутся и играют в мячик на горках, там, где Рыхликовы и Полтавские жили в Кульдже. Он, отец ваш, меня не обижал ни в чем.

А вот раз как-то подошел и сказал мне: "Если я буду жить так, как брат мой Васька (часто пил и бил жену, а она жаловалась нам), что ты мне скажешь?" А я ему в глаза и сказала: "Выгоню из дома и не пущу за порог!" Сказала, а сама плачу. А отец мой был дома и поругал его: "Зачем ты говоришь так?" А он ему: "Я пошутил". "Такие шутки, -я говорю, - страшные для меня!" Ну конечно, он подошел ко мне, обнял за плечи и сказал: "Забудь, прошу, я просто пошутил!" Тогда я расплакалась еще больше за такую шутку. Разве шутят такими словами? Ну, ничего, все прошло и на душе стало легче. Он не обижал меня ничем: ни бил меня, как тот брат свою жену, ни ругался. А братья у него были пьяницы. Сродные, а не родные. Был родной старший брат Гаврюшка, так он верующий был. А эти от другого отца. Да-а, все прошло в моей жизни...

Вот, я посмотрю, сейчас, на жизнь молодых как мы были... У вас тоже, мало разве кудыхтались вы с Людмилой по молодости. Все что-то в жизни не хватало... А потом, сейчас, слава Богу, я радуюсь! Живете с детьми и уважаете друг друга. Слава Богу, дети, вон какие вымахали! Один Игорь, так прямо, красавец рослый, а Дима умный и добрый мальчик были в детстве. А теперь и дети их, мои внучата стали такими, как они, когда я была в Томске у вас. Тридцать лет, как один день пролетели! Ба-атюшки! Когда Дима с Игорем были маленькими, то сердце мое радовалось, когда я водилась с ними. "Игоречек - мой дружок" так я все время звала его и припевала на прогулке. А тебе тогда трудно было: и работать на заводе и кирпичи класть до позднего вечера, гараж строили. Некогда отдохнуть было. Когда бы ты улыбался Людмиле, когда тебе шутки составлять. Придешь домой, усталый. Отдохнуть надо. А она немного капризничала, ей мало уважения оказываешь. Ну, ничего, пережили это и, слава Богу, дальше живете вместе!

Да, теперь внучата у вас и некогда справляться друг у друга, что ты меня не любишь и все такое. Вот, дети это вся любовь! Самое главное ваши дети! А мои внучата, я им радуюсь. Ванечка - молодец, в папу, наверное, уродился с умной головой! Видно, Людмила не столько обнимает его, как ты, когда уезжаете? Целуешь, обнимаешь! Он видит:

уезжал к бабе в Алма-Ату, то обнял, поцеловал. Да и дома когда-нибудь ласкал и играл с ним. Вот он и говорит тебе, обними бабушку старенькую, бабу Аню. Знает, что надо обнимать, молодец! А я что скажу? Передаю приветы, а ничем помочь моим правнукам не могу. Ване и Аленке желаю, чтобы они росли без увечья, без колечья, в цельности и сохранности, в полном достатке. Для радости маме и папе и мне тоже. Это так должно быть!

Я люблю детей! Я бы сказала им: "Я хочу видеть вас внучата и правнуки! Знаю, увидела бы вас, и другие разговоры пошли бы у нас. Я вижу на фотокарточке Ваню и Аленку и чувствую, как вправду живых вижу! А вам меня не надо видеть, уж такая я старенькая стала. Теперь я ничем уже не помогу. А если правнуки, вы приедете ко мне? За вами кто будет ухаживать? Валя, моя старшая? Она и так ходит за Данилкой и за Маринкой надо присмотреть. Данилка - десять килограммов. Она возьмет его на плечо, а он на нее руку и голову положит, и ходит по двору, делает что-нибудь. Вале с ним тяжело. Да и когда он бегаёт, то за ним надо смотреть да смотреть. Было бы кому смотреть за вашими внуками, я бы написала: приезжайте в Алма-Ату, ко мне с детьми, и я посмотрю на правнуков. Но за мое смотрение, столько бы они пережили и в дороге и здесь. Поэтому я не прошу, не хочу звать в гости. Если бы я ходила, я бы тогда по-другому думала и говорила. Сама мучаюсь, горшок мне надоел, и ходить нет сил...

Знаешь, недавно видела сон. Стою я против двери и здесь есть проход. Нет, я сидела в моем кресле. И вот, постучал он в дверь. Я подошла, открыла дверь. Передо мной стоит Валентинка в чистой белой одежде, моя внучка! Так на ней такое чистое платье! А ее кресло стоит рядом с моим. Да, тут дверь, а тут в сторону, кресло ее стоит, возле двери. А я открыла дверь и говорю: "Заходи! Твое кресло еще не занято. А на этом я сижу". Зашла она или нет? Вроде, зашла. Только не туда повернула, а сюда пошла. И тут, все сидят в белых одеждах, и я тоже в белой одежде. Села я на свое и ей предлагаю, чтобы она заняла свое кресло. Не помню дальше, куда девался этот сон. Я тогда проснулась и думала, что-нибудь случится с Валентинкой. Да, она была в положении, ходила последние дни и я боялась, что умрет. А я не хотела, чтобы это случилось. Она мне нравится. Она такая добрая и хорошая! Вот, такой сон. Слава Богу,

ничего не произошло. Она не села в свое кресло! А я говорю во сне ей: "Твое кресло не занято (смеется своим мыслям довольная). А она не села в свое кресло! Тогда я сильно молилась за нее. И сейчас в молитве надеюсь на Господа, что Он приведет детей моих и внуков с правнуками к Богу! Каким путем?..

Вот, написано: придет эта печать. Не примешь печать на чело, то с голоду можешь умереть, обязательно будет. А если примешь на чело печать, то жить будешь в довольстве. Будет такое, что ни купить, ни продать без печати нельзя будет. Как жить-то тогда, люди задумаются? Это будет самое последнее испытание для человека, страшное жизни человека. Вот. Печать пойдете-е-ет по всему свету?..

В Библии о ней говорится: и выйдет на малое время Антихрист с этой печатью. Кто примет печать, тот будет жить в достатке и свободно, а кто не примет - тому ни одежду, ни еду купить нельзя будет! Как жить? Об этом написано в Книге: будут завидовать тем, кто молодым умрет. Люди будут завидовать молодому, что он рано умер, ибо не увидит этих страданий. Да, а как жалко каждому умирать молодым. Вот и надо служить Господу Богу, чтобы продлить дни жизни своей. А еще в Книге есть такие места, где Христос говорит: "Идите и проповедуйте: кто будет верить и креститься, спасен будет!" Это значит каждому надо верить в Бога и креститься. А в другом месте Он говорит: "Верующий в Бога, по вере получит спасение". Вот, у человека вера будет большая и тогда... А в чем вера? В спасении человеческой души. Получишь дар спасения по силе веры. Дай бог, чтобы Он в каждом сердце веру укрепил. В загробную жизнь верить надо. Вот ты читал книжку "Ангелы хранители", что ангелы - это ангелами, а за Христа автор мало говорит, видно мало знает о Христе... Сколько ты ни живи, а все равно по старости ты уже старая телом своим, но не душой. Не ожидаю я, чтобы я еще ходила на ногах. Хоть мало, мало бы ходила по комнате, вокруг кровати своей. Но ноги не держат, беда. Да-а... Всегда прошу в молитве дать сил, чтобы за мной тут никто не убирал, чтобы я сама с горшком справлялась. Мучает он меня, а остальное - справлюсь...

После войны в Кульдже, когда дети кончают школу, родители делают пикники для детей, для школьников. Плов готовят, салаты разные и фрукты, арбузы, виноград. Там, за городом в сторону казармы собирались

на одном месте среди леса, родники там были, школьники и родители. Тогда мясо дешевое было. Надо же! За пятьдесят рублей корову можно было купить на базаре! На мясо, хоть какое выбирай! Дешевое мясо было, и поэтому продавцы носят на палках мясо и кричат под окошком дома: "Гущ, гущ, гущ!" (это значит мясо на языке таранчи). Возьмешь, выйдешь и купишь кусочек, какой тебе надо, какой скажешь: мякоть одну или с косточкой - любую дают. Бери только! Из-за этого я на базар редко ходила за мясом. Принесут, пожалуйста, бери! Мне бросать детей и бежать на базар за мясом на китайский базар? Далекое ведь до него было. И детей тогда оставлять не на кого было.

Помню, всем прививку делали от болезни холерина. А на Зину натуральный холерин наступил, напал. Она не выдержала, ну, как его, слабенькая была здоровьем, а ей укол сделали. Если бы его не сделали, то она бы может не болела бы. А они сделали и тогда на нее такой малярийный холерин напал, страшно было смотреть. Сперва замерзала, а потом температура высокая. Кричала, змеи на меня напали, падают с потолка. Вот крича-а-ла! Тогда она небольшая еще была, и я ее на руках таскала. Вынесу ее на улицу, а она кричит: "Ой, ай змеи лезут ко мне, ой змеи! Вот они еще передо мной змеи!" А разве не перепугается ребенок такого? Большой и тот перепугается змей. А я вот не верила перепугам, чтобы кто-то мог ее вылечить. Там пришли, говорят, от испуга лечит кто-то. А я им почему-то говорю: "Лекарь, она и пьет и ругается. И ее Бог слышит, что-ли?" А себе думаю, а меня Бог не слышит, что-ли? Чтобы дочь мою Зину исцелить? Тогда я молиться стала и плакать, прошу исцеления! Меня ведь Бог услышит, верю! Я никогда к этим бабкам не ходила и не лечила у них детей. Пойдешь, а она что-то там пошепчет, поколдует. Верить надо! Что она вылечит. А потом ведь платить ей еще надо, чтобы она вылечила, а я была не богата. Поэтому я не ходила по бабкам. Я сама молилась усердно и просила у Господа исцеления. Вот, тогда же, у Грековых Нина тоже перепуганная была. Мать Ольга лечила ее, ходила по бабкам. Сама молилась, но дочери лучше не стало...

...У меня своя мысль идет перед выездом из Китая. Вот все разъедутся одни в Россию, другие в Австралию или Германию. Ну, в общем, все разъезжаются, а я останусь одна с детьми здесь, в Кульдже. А у меня тогда никто не будет ни дрожжи брать, ни шитье заказывать и шить никто

не принесет. И что я тогда буду делать с детьми? Где тогда я буду зарабатывать на хлеб и на молоко детям? Вот и решила твердо: уехать в Советский Союз. Это наша Родина и все равно я буду жить лучше, чем здесь среди азиатов. И пошла в консульство России в Кульдже, стала проситься в Союз. А они там говорят: "У тебя работать некому? Ты одна будешь работать и только на одну книжку рабочую будешь хлеба получать". А я им: "Живут же в России такие люди как мы? Как-нибудь выживем. Зачем вы позорите свою страну? Не хотите меня туда пустить, чтобы я поехала на целину?" Он, вице-консул, тогда смотрит на меня и говорит: "Ну, если ты такая настойчивая, записываю. Поедешь на целину!" Вот так! За мою настойчивость он записал в список целинников. Прихожу я домой. Соседка Лена за мной где-то ходила и увидела записку на воротах консульства, что мне дали разрешение на выезд в Россию из Китая. Бежи-и-ит ко мне прямо с таким криком: "Нюра, тебя повесили!" "Как? - говорю, - меня повесили?" "Да, там, на столбе, тебя записали, что ты поедешь в Союз!" А я сказала: "Ну, слава Богу! Все теперь хорошо будет." И в самом-то деле, все разъезжаются! Ну, чтобы я с детьми, на что бы я там жила? Ну что бы я там могла сделать, когда многие русские семьи уезжали? Все равно, в Союзе ведь тоже приходилось тяжело. Ну, ничего, мне это привычно.

Когда я приехала сразу в Уральскую область, Кара-Тюбе в Аккозинский совхоз, то сперва назначили меня пасти коров. Потом я поставила дома швейную машинку и киргизухи сразу понесли, понесли и понесли материал, чтобы я шила платья. Давай только шей, успевай! И я шила вечерами и ночами. Заместитель директора совхоза мне приносил починить брюки. Он протер штаны на холке, крутился на стульях, и порвались брюки. Просил, чтобы я на них заплатку положила. Я ему починила хорошо. И он мне муки хорошей принес за это, за починку брюк. Хоро-оший заместитель директора! Он мне сказал: "Уезжай отсюда, из песков Аккозы, вывози детей и не оставляй их здесь, а то быкам хвосты крутить им придется", Они, говорит, будут в городе учиться и работать. Все равно как на люди выйдут. "Поезжай! Вот, в Алма-Ата выезжай. Сразу и направление дам". Все было хорошо. Собрались мы и на машине поехали на станцию. Нет! Откуда это взялась Лисиха, прислала письмо из Алма-Аты. "Не приезжай, пишет, - здесь

очень трудно с пропиской. Здесь очень трудно найти квартиру для большой семьи. Квартир нет и не прописывают даже". И такую на меня жуть нагнала, что я расплакалась! Куда теперь поеду!? У меня другого адреса в Союзе нету! Недалеко от нас стояла женщина, которая на станции работает. Я уже вылезла с вещами из машины на железнодорожную станцию, уже сижу с детьми на вокзале. Выезжать мне надо в Алма-Ату по направлению совхоза, в Аккозочке же мы жили в песках Кара-Тюбе!..

Ну и видит эта женщина, что я плачу, и спрашивает: "Что вы плачете и убиваетесь?" Ну, я ей и говорю про свою беду. Вот так получилось. Послала я Валю, старшую дочь, посмотреть почту в городе, а там письмо знакомая прислала из Алма-Аты. И пишет она, что не приезжай, тебе очень трудно будет здесь. Она мне и говорит: "Ой, не плачьте! Поезжайте в Джамбул. Я вам дам чемодан и письмо. У меня там сестра живет. Она тебя примет, как свою". А что в чемодане было? Я не открывала его. "Я - говорит, - дам чемодан. Ты увезешь его сестре моей и она тебя примет, как свою." А чтобы открыть и посмотреть, что в чемодане? У меня и мыслей таких не было. Я не открыла. Привезла в Джамбул и целиком отдала. И она меня приняла. Ночевали один раз у нее. И тут же, на сазах у железной дороги за переездом, купила себе комнату. Эта же сестра и продала от сестры, которая уехала, и ей надо было продать. Вот так вышло. Она мне продала и мы на другой день вошли в свою комнату. Так что у хозяйки одну ночь ночевали. Купили комнату, она не так дорого нам обошлась. Ну, месяц мы тут прожили, а ее сестра вернулась и говорит: "Я раздумала продавать комнату". Отдает мне деньги и говорит: "Иди, покупай другую. Там, на берегу речки Талас, продается срочно комната. Ехал старик, который собирает бутылки, а ишак, где-то там завяз по дороге. Вот он поднимал повозку, помогал ишаку, чтобы подводу с бутылками вытащить и грыжа у него образовалась. Получил ущемление грыжи и умер. Пока до доктора довели в больницу, дышать было нечем, тяжело, он и скончался. Это я на себе испытала, когда у меня грыжа была. Скончался старик, а сын приехал и продает срочно комнату, ему нужно было деньги. "Поезжайте - говорит хозяйка,- и купите." Она меня направила и мы с Яшей поехали. Сразу купили там на берегу Таласа

комнату. Хозяйка мне деньги отдала, а я на те же деньги там купила комнату. Оттуда уже в Алма-Ату мы переехали.

Хоро-ошее было место в Джамбуле, на берегу речки Талас в районе конезавода. Ого-ород, большой! Кукурузу посадили, картошку... Все так хорошо росло! Но я решила, опять же решила, не побоялась ехать в Алма-Ату. Молилась: Господи, помоги! Плакала, что мне перед собой поставить главным? Дети или огород? Что для меня дороже? "Дети!" - себе отвечаю. Там в Алма-Ате, они будут работать и учиться. Где-нибудь найдут себе работу, детскую и будут учиться. Тогда Валя в институте училась и работала на стройке. Вот я и решила: "Для меня дети дороже огорода!" И быстро, через два года, у кого я этот огород купила, тому и продала. Скоро собрались в тот же год и уехали в Алма-Ату. Не думала, а приехала, и там за эти же деньги купила комнату. Как будто бы в сказке! Ну, не богатую конечно, развалюшку купила. Там свиньи жили раньше, а мы вычистили, привезли камней, чтобы фундамент делать. Строиться наладились, кирпичей понавозили.

Вот, видишь, какая я тогда была!/? Решила, что не буду в Джамбуле жить, поеду в Алма-Ату. Быстро собралась и уехала. А вроде ничего и не потеряла! Там продала комнату, тут купила за те же деньги. А там тоже развалюшка была, хоть и огород хороший. По правде, тут три комнаты было. Возле железной дороги по улице Курильской было две, и одна выходила туда, к соседке Римке. А потом мы, вскоре, начали строить свою комнату. Я ходила, ходила в райсобес, все хотела разрешение получить на стройку. Не разрешают и все. Говорят: "Ты построишь, а завтра придет решение - развалить ваш дом. И нас заставят за него заплатить, потому что мы разрешили строить". Лучше, говорят, иди и строй дом без разрешения. И если твой дом развалят, то никого не заставят платить за ваш дом. И не бойтесь, никто вас не развалит. Может, десять лет проживете, а может и больше". Я пришла тогда домой и говорю Вале: "Давайте строить дом без всяких разрешений!" И...давай, давай разломали одну комнату, а кирпич саманный, самодельный целый собрали в кучу. Яша и давай их таскать. В мешок накладет и та-ащит! Перетаскал целый кирпич со всей комнаты. И эту комнату, где мы с тобой сейчас беседуем, построили из того самого самана. А тут, уже потом, стали пристраивать, добавлять другие комнаты. Наделали

помаленьку, десять месяцев строили. Яша с Ниной эту комнату построили, а Валя с Анатолием - другую, из крошки, большую строили. Какая хорошая и светлая комната получилась! Сейчас там Валя с сыном Сашей, вроде, занимают. Теперь я и не знаю, сколько комнат построили! Саша вот еще одну комнату построил над баней с подвалом. У каждой комнаты своя дверь, откроешь дверь, и комнатка там (смеется довольная). А раньше? Дом был - одна развалюшка, развалюха была глинобитная из самана и наполовину стены были под землей....

В Кульдже шли мы с собрания (я еще тогда замужем не была) и Ольга Грекова пригласила меня к себе. А Иван (будущий муж мой) воевал, пришел из Армии. В баню на речке Аримбак ходил там. Мы зашли к Грековым, а он как раз переобувался и одевался. Таким ма-а-альчишкой мне показался. Молоденький да заморенный! Такой, замухрышка! Я и внимания на него не обратила. Ну, тут у них поговорили и пошли с Нюрой Кизиловой домой. Пришли домой, уже самовар вскипел, это хозяйка комнаты Лена ставила его греться, ждала нас. Только поставили самовар на стол, являются они. Он на меня посмотрел и, наверное, я понравилась ему. А пришли уже сватать. Сватать то от кого? От самого себя? Ну, вот. Я и говорю: "Давай их приглашать к чаю!" А они: "Нет, мы чай пить не сядем. Мы пришли по другому делу". Ольга и Павел Андреевич Греков и он, Иван, третий пришли ко мне. И давай уговаривать, давай уговаривать меня идти за него. А я посмотрю на него: "Фу - себе говорю, - молодой, какой-то мужик, замухрышка. Ну, в Армии хорошее воспитание разве давали? Питания не было хорошего". Такой худой он был, замухрышка. И не выйдет хороший мужик из него. Я с ними и ему не соглашалась. Но они посидели и, уходя, сказали: "Подумай хорошенько до завтра. Завтра скажешь". И пошли себе. Я вышла провожать. И он остановился, давай разговаривать. А пока был в комнате и не разговаривал. Я думала он немой. Он начал разговаривать, но мне на разговорах не понравился. А-а, думаю, за первого попавшего выйду! Будет со мной - будет жить, а не будет, что ж? Мало разве таких, как я... Вот так сразу и познакомились. Ушли они, а я всю ночь передумала.

А утром он приходит и говорит: "Пошли на регистрацию!" Я-а-а, сразу в упор говорю ему: "Не-е-ет! Так нельзя! Я тебя в первый раз

увидела и ты меня в первый раз увидел. Давай хоть немножко познакомимся!" А он мне: "Нет, пошли на регистрацию. Ты ведь сказала... Я ему как сказала вчера, когда разговаривали, "Счастье мое и несчастье мое!" Вот такие слова. А он: "Раз ты согласилась, то пойдем в регистрацию". Ну, я упираюсь. Так он из себя уже выходит, пошли и все! Тут я уж его испугалась, думаю, сейчас поколотит (смеется). "Ну - я говорю, пошли. Раз уж я сказала: "Счастье мое и несчастье мое!" Пошли и зарегистрировались. Ольга с мужем пришли ко мне, а мы уже зарегистрировались. Тогда я им говорю: "Теперь вы говорите с братьями собрания в церкви. Я не хочу семьи без сочетания брака. Пусть братья нас сочетают". Ольга с мужем поговорила со старшими братьями и они согласились. Ну, не положено верующим так-то делать без сочетания. Иван мне сказал, что бросил жену в России, а таких людей не сочетают в церкви. Но нас сочетали, так как он показал бумагу о разводе. Ну, у него были документы, факт есть, что они развелись. Разводную сделали. Ну, как-то, тут мы быстро сделали сочетание брака, быстро сошлись и жили. Всего вон сколько - восемь лет прожили. Пятеро детей нажили! И все... Мало жили. Как будто бы и не жили там. Конечно, за работой нам и поговорить некогда было. Он работал целыми днями на строительстве, а я шила платья на дому, делала и продавала дрожжи, а главное детьми занималась, не жалея ни сил, ни времени и не покладая рук...

Помню, в Кульдже, всегда проводили праздники Пасху и Рождество. Отец тоже праздновал и не ходил на работу. В воскресенье он ходил на собрание верующих. Идет утром на собрание, а я нахожусь дома с ребятишками. Когда я иду утром, то он вечером пойдет. А я мало ходила, все больше дома оставалась. Дети были маленькие, а я, видишь, хотела, старалась, чтобы он пошел в церковь. Готовились к Пасхе заранее. Также как и сейчас, пекли куличи. Их не носили в церковь, а дома на столе они всегда стояли. На тарелку его поставишь, а кругом него яички положишь. Крашенные кладем. А остальное: сдобное какое-нибудь пряники, печенюшки... Обыкновенно, как и все верующие делают к Пасхе. Накануне сварить борщ или щи, чтобы в воскресенье не варить, не готовить еду. В субботу все наготовишь и все...

Отец ваш на целую голову вырос, как стали мы вместе жить. Был маленький, по плечу мне, а потом выше меня стал на голову. Кормила его

я хорошо, спокойно и мирно мы с ним жили. Не было никаких, таких неприятностей между нами. И через год он вырос. Вот и Яша наш, два месяца пожил в колхозе, урожай убирала. Хорошо питался и трудился в поте лица. А вернулся домой и не узнать! Тут, вроде, туго рос, а там, в колхозе, вымахал и стал высокий да стройный!.. Так вот, я говорю, Иван замухрышкой показался мне, а потом подрос и стал хороший и стройный! Ничего, видный из себя. А тогда, когда я на регистрацию с ним не соглашалась и не собиралась, о-о-он, чуть прямо не побил меня! Это правда! "Почему ты меня вчера обнадежила, а сегодня не хочешь идти? Согласилась - значит пошли! Зачем так ты меняешь свое решение?" - он мне говорит. А потом уже я говорила Ивану: "Куда ты так быстро торопился-то?" "А я боялся, - говорит, - что ты узнаешь родню мою, моих братьев двоюродных. А они - пьяницы. И тогда ты не пойдешь за меня. Совсем, скажешь, и я такой же, как и братья". Вот он чего боялся. Поэтому торопился свадьбу сыграть...

Все равно... Не знаю, но я так думаю: видно столько назначено было отцу столько жить. Ведь на фронте во время китайской Революции он был ранен пулей, но не был же убитый. А вот, не был сразу убит, а от укола и потери крови умер. Этот доктор был предателем. И не одного бойца тогда он предал смерти. А потом, этот татарин работал у советских в больнице и сбежал из Китая. Вот, было, одно время китаец Мао призывал людей к самопризнанию, чтобы каждый признавал народную власть, что будет честно работать. Ну, после войны всех призывал на сознание. А этот врач скрылся и уехал в Союз, испугался сознаваться в том, что он делал с ранеными. А китаец Мао так хитро всех призывал на сознание и за это, вроде бы, не наказывал. Только народ испытывал, какой народ за него будет, а кто против. Призывал на сознание и врача, да он уехал и скрылся. Боялся! Сейчас придут, кто от власти и меня арестуют за дела, еще посадят, а там не выживешь...

Тогда в Кульдже было, делали собрание детям, готовили им подарки. В Рождество были кулечки с конфетами, орехами и яблоками, а на Пасху со сдобными. Сами настряпывали, там сестры. Были праздники детям, и тогда собрание было им отдельно. А столько детей собиралось! Полная комната в церкви! Стихи и рассказы дети учили и читали. Все вы мои дети учили стихи! Вот помню, у Гришки Полтавского мальчик был (с

нами рядом они жили, напротив нашего дома). Помню, как его на стул поставили, и он рассказал стих: "Дети, будьте послушны родителям (потом помолчал и продолжил). А вы, родители не раздражайте детей!" Как этот стих всем понравился и мальчик тоже. Выразительно сказал, больше ничего не читал, сын Гриши Полтавского. Они здесь, через двор, жили на квартире. Да-а, так и проводили в Кульдже детские собрания. А для взрослых готовили обед такой, столы прямо накрывали в доме молитвы. Настря-а-апают сестры сдобного, кто плов, кто еще чего-нибудь вкусное, и обязательно фрукты - все выставят!..

Помню, ты уже большенький был. В школе тоже делали такой же обед. Помню, большая комната была. И меня попросили прийти. Там стояла в зале, вроде, кафедра. За эту кафедру меня попросили зайти. А я, думаю, вроде робела, что они хотят сказать мне... А они, учителя, поставили меня перед всей общиной, такой героиней, пятеро детей без отца воспитывает! Она, вот, нужды большой не имеет, смотрит хорошо за детьми. Похвалили! Что я хорошо отношусь к детям и все это такое в жизни ладно у меня. Так нахвалили меня, что даже мне неудобно было. Думаю, как уйти скорее оттуда (смеется). Так хвалили, что соседи на меня обиделись: Лена Моловикова и Маруся Ватулкина за то, что меня поставили возле кафедры, чтобы все видели меня, и говорили, « надо про меня в газету написать». А я не хотела, чтобы меня в газету помещали. Думаю, а эту газету в туалет унесут (смеется) и будут ...это, попадет фото не туда. Ну, может, и написали в газету, все люди прочитали, от этого пользы мало было мне и детям моим. Ну, почет людей.. Не знаю, зачем.

А вот помню, там, тоже музыка была, играла. И вот, ты такой был - годика четыре, там дети все вот такие, под твой возраст. Музыка играет, а ты подпрыгиваешь, пляшешь вроде бы. Вот, пляшешь и пляшешь под музыку. Такой был живой мальчик! И все любовались тобой. Но, слава Богу, ты не болел. Один раз маленько болел, когда от дедушки приехал с пасеки. Такой свеженький был маленький! А приехал на тебя, как будто кто, "уроки" наслал. Кто-то изурочил и ты захворал. Вот, болел, прямо лежал влужку! Температура была высокая! Ну, я к врачу обратилась, вроде бы, не помогло. Обращалась в молитве к Богу все это время. Ничего, обошлось, поправился, слава Богу.

Тот раз, когда приехал от дедушки, да такой полненький был! Свеженький! Вышел на улицу, а тут таранчинские ребята окружили тебя. Не знаю за что и как. А я, так вот, под окошком, у окошка, моя швейная машинка была, я шила и в окошко смотрела, как ты там на улице играл. Вдруг побольше тебя мальчик подошел к тебе и, вот так, что-то тебя стал за шею душить. Не знаю, за воротник, вот так, и за шею обхватил. Я как увидела, что его рука на твоей шее, так выскочила сразу на улицу! Ка-ак, вот так вот, захватила голову его под пазуху и по заднице рукой его нашлапала. А когда, знаешь, расклонила голову от него, они, таранчи, все вышли из комнат и меня обступили. Смотрят, что я делаю с таранчком. Думали, что я убью его, что ли? А я тогда... У меня голова так разболелась! Я, так, руками за голову схватилась и пошла с тобой в комнату. Тут соседка - таранчуха зашла ко мне и говорит: "Ты не расстраивайся, мальчишка такой хулиган, бабушка с ним уже замучилась. Видишь, за что он твоего сына хотел побить? Никто не знает". Уговаривает меня, чтобы я не плакала. А я боюсь. Забрала тебя, конечно, увела домой. А думаю, этот мальчик нехороший, опять что-нибудь бы не сделал тебе. Ну, ничего. Так все обошлось. А у меня пилюльки были от головной боли, сразу, как пришла домой, прилегла, и приняла их, и легче стало. Прошло. Обошлось. Чей он был, этот большеенький соседский мальчик? Не знаю. Их там, таранчей, очень много жили возле нас на улице Колодезной.

А Гани-батор недалеко от нас жил, прямо так на уголке. Вот он вас и сразил, бороться заставил. Мне потом рассказали. Вышел он из своего дома и говорит: "Ну, ребята, кто кого поборет? Дам награду!" Вот ты взялся бороться и поборол того мальчишку, хоть он и больше тетя был. Маленький поборол большего! Ну, не очень, больше тебя, немножечко. Ну, он обиделся, вот он тебя, за горло взял, и душить начал. Не знаю, что Гани-батор там тебе обещал, чтобы ты, такой маленький, поборол большего. "У-у! О-о!" - поддразнивал он вас, когда вы боролись. И ты его, мальчишку, поборол. Ничего, наверное, он тебе не дал, а, может, и дал? Не помню. Некоторым давал, говорят, помогал Гани-батор. А я пошла к нему за помощью, угля привезти домой, когда отца уже не было. Он не помог. Потом я пошла к Мажарову руководителю общества советских граждан и тот тоже отказал в помощи. А потом братья по общине нашей,

баптистов, привезли мне угля. Уголь кончился у меня после войны. Вот сосед по дому мне сказал, что во время войны у нас кто-то воровал уголь. Тогда мы дома не жили, а были на квартире на Пиличинке, где меньше стреляли. "Я - говорит сосед - грабителей разгонял, а они ночью старались воровать!" А потом кто-то от власти на воротах наших написал бумажку, начальство: "Кто эту семью обидит, тот будет судим!" И никто с тех пор не трогал комнату. Ничего не воровали. А мы же ушли из дома и даже замка не повесили на комнату, на двери. Гвоздем укрепили и все. Отца уже не было тогда, он погиб на фронте. А дедушка был в горах на пасеке. Он вас летом-то всегда забирал к себе, а зимой-то он привез домой и сам жил во дворах.

А вот, один раз, ты от дедушки приехал здоровый, а потом заболел. Температура у тебя большая была. Ну, я мали-и-ны не жалела. И Господь сразу здоровья давал тебе. Вот тогда мои молитвы Бог быстро услышал. Я сильно молилась за тебя и Господь дал здоровье. А вот, было, за Игоря (сына твоего) помолились в церкви, когда я жила у вас в Томске, очень сильно молились верующие все. И когда я прихожу из церкви домой, то он играет себе в игрушки. И с тех пор больше не болел при мне. А ведь до этого почти месяц болел. Думаю я себе, что кто-то изурочил нашего Игорька. Это уже после я говорила тебе: "Его изурочили. Он такой был хорошенький и здоровый". Вот и с тобой так было, ты приехал от дедушки здоровый, полненький такой. Дедушка говорил: "Как только молоко от коровы пропускали через сепаратор, то я наберу кружку молока да тебя и угощаю. Он выпьет - говорит дедушка - и играет во дворе на пасеке". Вот, он тебя сливками поил, а не молоком. А его бабушка, моя мачеха Лизавета, все говорила мне на тебя: "А ты его нам отдай на воспитание!" А я говорю ей: "Нет уж. Я не отдам никого и никому. Сама воспитаю пятерых!" Что это я буду сына отдавать старикам? Зачем? Я слушаю свою душу!.. Отец не просил, а она просила: "Отдай нам его. Мы усыновим и воспитаем как сына" "Нет, не отдам!" - говорю. Отец говорил, когда Яша родился, отдай нам его Яшу, но бабушка все просила, чтобы тебя я отдала. Я отвечала, никому не отдам никого. Все моим дети и я буду воспитывать всех, вложу в них всю свою душу. И вот, воспитала! Подняла всех на ноги, образование дала! Зина, вот, одна сильно грамотой не владеет. Хоть она и прибаливает иногда, но

работает и на хлеб с маслом (смеется) зарабатывает вдвоем с Сашей Петуховым.

...Не говори! Ты два раза терялся из дома. Один раз вы, дети мои, сами пошли на собрание без меня. И возвращались с собрания, а напротив консульства, там где зеленый базар, дорога расходилась. Одна дорога поворачивала к нам, а другая с базара шла, по ней за город можно было выезжать. А когда вы шли, то возле консульства остановились. Ты остановился, когда надо было переходить в нашу сторону, а девчонки ушли домой. Там еще мельница была, знак такой был, вот ты остановился и загляделся. А девчонки, прямо через базар, перешли и домой. А ты тогда, туда - сюда поглядел, искал, а никого своих нет. И побежал по дороге. Догонять девчонок... Догонял, догонял и за город выбежал... А ребята, мужчины к вечеру ехали домой с базара по той дороге. Видят мальчишка бежит. Холодно уже было, одет, вот так, легко, а была уже осень. Взяли тебя на телегу и к себе домой в горы увезли. Недалеко. Там, Рыхликовы, жили раньше, и много жило городских людей, они собирали фрукты в садах и возили их на базар. Ночевал ты там ночь, а на следующий день привезли тебя домой. Всего одну ночь побывал в горах, а утром был дома.

А я в эту ночь не спала. Всю ночь так плакала, так плакала и убивалась! Просила Бога сохранить тебе жизнь!.. Смотрю, а утром подъезжает подвода с яблоками и ты сверху сидишь! Остановились у столба, что стоял на углу нашего дома. Я так рада, так рада была, что ты домой вернулся! Соседка Моловикова Лена прибежала, тоже радуется со мной! А ты им дорогу указал от базара, прямо до столба, говоришь, "который на углу дома стоит". Вот они и привезли тебя прямо под окно нашей комнаты. А я еще посмотрела, так, в окошко, и не верю своим глазам! Выбежала! А ты зовешь меня: "Мама, мама вот я приехал, я нашелся!" – и, выглядываешь из тулупа, (утро холодное было) и кукурузу, вот так, держишь в руках и кушаешь. Взяла я тебя на руки и домой!...

А другой раз ты потерялся, когда учился в четвертом классе в школе Победа, недалеко от нас, за базаром. В тот день из школы вы вышли и пошли с учителем в лес. А там по дороге был ручей и ключевая вода в роднике. Вот вы, наклонялись, ложились на руки и пили воду. А ты взял

да толкнул одну девчонку, когда она не ладошкой, а внаклонку пила и у нее рука подвернулась. Ты ее толкнул, а она чуть-чуть не захлебнулась. Ты испугался тогда, что тебя накажут, и с одним мальчишкой, вместе учились, надумали не идти домой. Он тоже что-то там натворил. А дедушка у него жил за городом на реке Или, на рыбалке, и вы туда решились идти. "Пойдем, побежим туда, - сказал друг, - никто тебя там не тронет!" И убежали к дедушке его с этим мальчишкой.

А я дома жду и жду тебя из школы. Все нет и нет тебя до самого позднего вечера! Начали искать, бегать туда и сюда, а нигде тебя нету. Я пошла тогда туда, где переправа на пароме через реку Или. Спрашиваю там: "Вот таких то, таких детей не видали здесь?" А он возьми да скажи: "Были здесь недавно дети, двое. Покрутились, покрутились здесь, прыгнули в воду и поплыли вниз по воде." Вот такое сказал мне, и я так напугалась! Ведь, вода в реке Или быстрая, да бурливая, крутит и волны гонит большие! Может и в воронку затянуть не только мальчишку, а и взрослого! А такие случаи, говорят, уже были. И что же мне теперь делать? Всю-то ночь не могла спать и думала, может украл кто тебя? Ведь у многих дети пропали во время войны и тебя могли украсть такие люди.

В общем, вас не было ночь, ночевали вы там с мальчишкой у дедушки. А наутро они, родители мальчишка, послали девочку со старшим братом на рыбалку к дедушке. Набрали еды, хлеба, масла и другого чего и повезли из города. Приехали туда, а вы там за столом сидите, едите рыбу жареную на сметане. А ночевали с другом на сеновале и ходили смотреть, как из запруды в катцах дедушка вытаскивал сачком рыбу. Ну, привезли вас от дедушки. А я уж не ругаю. Хоть учительница Мария Ефимовна и рассказала, как дело было, когда ты толкнул девочку у родника. О-о-ох! Тогда, я всю ночь проплакала и много чего передумала. Но, молилась всю ночь, просила у Бога сына сберечь и здоровым домой возвратить. Думаю, молитва не только мне помогла, но и сыну, тебе, тоже.

А так, больше нигде и никогда ты не терялся. А ты, как вернулся, так радостный такой был, все рассказываешь, как вы с мальчишкой шли пешком за городом. Видели зайцев в песках и горы, где уголь добывают и везут в город на телегах. А потом как ночевали в юрте у пастуха на берегу реки Или и хозяин вас кумысом холодным поил. Рассказал как играли и купались вместе с детьми, которые приехали отдыхать с

родителями из советского консульства. Послушала я, послушала, вместе с детьми, и успокоилось сердце мое. Слава Богу, что так хорошо обошлось ваше путешествие на рыбалку...

Когда я жила с вами в Джамбуле, то как-то получила письмо, что моя старшая сестра Нина Гавриловна болеет. Лилия, ее дочь, такая хитрая, обманула меня! Сестра и не болела! Но пишет племянница: "Если хочешь повидаться, то приезжай, пока Нина живая". Я тогда на своей работе отпросилась. Все в бригаде согласились отпустить меня. Наш бригадир в артели "Швейник" говорит: "Поезжай, поезжай! Повидай сестру!" Дали мне денег на дорогу, как будто бы отпускные. И я быстро собралась и не зашла к тебе с Ниной в детдом в Джамбуле. А ты, оказывается, тогда болел чем-то. Я тогда быстро вернулась и недели не прошло. Всех проведала и сразу домой вернулась. А говорили, что Нина Гавриловна чуть не умерла без меня!? Вот, думаю, ну зачем я так сделала, уехала, а к тебе даже не зашла в детдом. А ты где-то купался в Таласе, вода холодная, и простыл, хоть и лето было. Ну, слава Богу, думаю, все обошлось! Господь сохранил тебя! Вот так, два раза ты у меня боле крепко, в детстве и в школе.

Перед войной в Кульдже, приезжает отец домой на дрожках недовольный. Повел сразу коня на базар и продал, одни дрожки остались. Тут уже война идет и он продал коня, не стал арбакешем (извозчиком) работать. А я прямо настаиваю: "Не езд и не вози китайцев и никого. Время военное. Они тебя прибьют где-нибудь и угонят коня". Это я все его уговариваю. "Не надо арбакешничать. Сиди, дома работы хватает, есть хлеб у нас! а пока хлеб съедим, то и война кончится!" Вот так я вашему отцу говорила. Два мешка муки у нас на погребке стояло. Когда он много денег заработал, так мы купили эти мешки. Я и говорю: "Пока эту муку съедим, и война кончится. Она тут долго не будет!" Вот и кончилась она... Война на нем кончилась... Вот так. Но я тоже его уговаривала, чтобы не ходил воевать. Он меня не слушал. Вот, кто не пошел на фронт в Китае, те все живы остались. И никто их даже не посадил в тюрьму, и никто их не допрашивал: почему не пошел он воевать. Да-а. Прошла война и кончилась жизнь для Ивана, отца вашего.

Не знаю, за что ему душа не давала покоя и рвалась на фронт? Может быть, я разонравила? Я постарше его была на год. А он на горки в

Кульдже ходил играть с молодыми. Может быть, с какой молодой познакомился? Я все так думаю... Всякие думки приходили. Не знаю я, шибко то он не бегал, все больше работой был занят. Как то он (я тебе же говорила) спросил меня: "А если я тебя побью?"... Это после того, как Василий, сродный брат его, побил Матрену, свою жену и ребро даже поломал. А она была, как и я, в положении... А я ей говорю, когда она жаловаться ко мне пришла, "Выгони ты его, пусть идет, где напился, там и живет!" Это я Матрене говорю. А она ко мне пришла и Иван тут же сидел. А я и говорю ей: "Выгони ты его и пусть ходит там, где пьет, там пусть и живет!" А у нее было четверо детей, перед этим все цингой заболели и все умерли. А я ей говорю: "Ты в положении сейчас, родится дитя и ты его вырастишь, будет тебе подмога!" Бабушка ведь у них была, баба Надя ее звали, она будет водиться с ребенком, а ты будешь ходить на работу. И так без него будете жить, спокойней. Что это, говорю, он тебе ребро сломал? Шутки что ли, так бить жену? Я, это, настаивала, чтобы она выгнала его из дома...

Вот Иван мне и сказал: "А если я так буду жить и вести себя? Что ты скажешь?" Тут я говорю ему: "Ты? Будешь жить? - так на него огрызнулась. - Двери закрою пред носом твоим и больше не зайдешь к нам!" "Не смотри, что у меня четверо детей! Я с тобой поступлю не так, как Матрена!" Дак вот я... когда уж он раненый был и лежал в больнице, говорит мне: "Вот, если бы ты умерла, то дети сиротами были бы. А я умру, так я знаю, что ты их воспитаешь как надо!" Это он мне говорит, а я так умом подумала: "Ну, ничего. Теперь, ты на краю могилы, вспомнил про детей. А когда я не пускала тебя на фронт, ты не думал, что у тебя дети есть?" Но ему ничего не сказала, а только подумала. Да-а, и потом думаю: "Хорошо, что сейчас промолчала. Зачем говорить? Он и так при смерти". Я ушла к детям домой, а он в ту ночь умер. Зачем говорить больному при смерти.

Конечно, он пошутил, когда спрашивал меня: "А если я так буду жить?" Расплакалась я, когда ответила ему, что закрою двери перед ним. Сказала, а сама расплакалась. И отец мой у нас был как раз с пасеки. Он и говорит ему: "Иван, зачем ты так расстраиваешь Анну? Зачем так говоришь?" И он отвечает с улыбкой: "Да я пошутил!" А я ему сказала: "такие шутки не говорят! Такие шутки к добру не приводят! Это не

шутки, а вдруг ты сказал сегодня, а потом сделаешь?" "Вот. - я говорю - Твои шутки такие я не принимаю!" Ну, это не ругались мы с ним. Только из-за того, что он мне сказал: "Если бы я стал так жить, чтобы ты подумала?" А я говорю: "Я бы тебя выгнала и закрыла дверь на крючок и ты бы не зашел ко мне больше. Не смотри на то, что у меня четверо детей было. Я не боюсь, заработаю всегда на хлеб!" Ну, шила на дому и дрожжи продавала. Дрожжи мне очень хорошо помогали. А что эти дрожжи, когда все русские уехали на целину в Россию? Кто бы их брал? Китайцы да таранчи?

Как раз было время, когда собирались ехать русские на целину. Стряпали каждый день, сухари сушили на дорогу. Дрожжи только давай! и давай! У меня очень хорошо дрожжи подходили и я зарабатывала хорошо! И шитье также получалось! Вот так, я беру заказ, и без примерки скроила платье, примерю раз и под машинку, готово! Девчонки мои обметали там подшивку на руках, сделали хорошо. У меня готово платье каждый день! И каждый день я на двадцать рублей продам дрожжи. Вот и получается: пятьдесят рублей каждый день у меня на руках были. Но, я помню, есть песня (как это, я забыла): "Богатство пригрело, но ты не гордись. Скажи душе смело: ешь, пей, веселись!" Вот. Ну, я потому ему, отцу, гордо ответила, что доход у меня есть на руках. Я буду жить и без него. А он что? Вот, было, коню купить надо корм и он идет ко мне. Дай денег, просит, я пойду, корму куплю коню. Надо ведь кормить коня. Он ездит, а никого не возит бывало, но коня кормить надо и корову тоже. Я ему дам денег, которые набрала за дрожжи и за шитье. И я же, получается, работаю для него. А что будет с ним, если он уйдет от меня. Никакой убыли для меня не будет, а прибыль. Ведь коня мне не надо будет кормить, и скотину я не буду держать. Не надо мне скотину, молоко буду покупать на деньги дрожжей! Ну, гордость почувствовала за собой! Все равно, я ее не замечала, но она во мне играла все равно. Ох-хо-хо!

Вот, когда похоронила отца вашего, то облегчение вроде бы получила я. Когда он был живой, раненый, то я плакала и просила Господа Бога сохранить ему жизнь ради детей: "Не оставь детей сиротами без отца! Вот мы, без матери росли, у нас мачеха была, и как нам плохо было! А у моих детей отца не будет и им маленьким еще хуже будет". Пла-акала я... Все

равно просила у Господа Бога, чтобы он сохранил его жизнь. Но вот, тут в Библии, видишь, точно все пишется в "Откровении" так. Не понял отец ничего. И в то же время, видно, я виновата. Надо бы хорошо, хорошо-о-о поговорить мне с ним и убедить его, чтобы он не уходил воевать. Вот так. Да-а...

Помню, в моей семье все дети росли хорошо. Для мамы всегда дети хорошие, не было у меня плохих. Одна Зина у меня была нездоровая с детства. А Нина добрая была. Она-а, Нина, всегда под столом тряпочки собирала и я потом куклам платьишки шила из них. Я на столе чего-нибудь крою или платья шью, а она под столом сидит и лоскутки собирает. А себе я ни разу не отрезала ни от чего. Вот, если остается какой клочок материала, то я отдаю хозяйке. Стол у нас большой там был и она всегда под столом играет. Нина была особая швея и куклам платьишки шила! А Зина бегать любила! А в школе Нина, не знаю точно, училась и на четверки и на пятерки и на тройки. Забыла уже! Училась и училась себе на пользу. Хвалить вас за учебу не хвалили. А вот меня хвалили, было. Как я могла вас воспитать, чему научить? Кормила без отца и в школу отправляла в одежде и обуви. А один раз меня пригласили в школу на собрание родителей. Поставили на высокое место. Я думаю: что ругать меня будут? А они меня хвалили: "Вот, пятеро детей, все ходят в школу и учатся." Там, то и другое говорили, все нахваливали. А что от этой похвалы польза? Я еле дождалась, когда хвалить перестали и давай! уходить оттуда. А потом сказали, что в газету поместят фотографию. Я говорю: "Не надо меня в газету печатать и писать про меня! Это - говорю - потом куда пойдет? В туалет газета?" Все смеются, но я не согласилась, чтобы меня в газету поместили...

Просишь, чтобы я переживания свои вспомнила? О-ох! Бывало такое, как я переживала за вас. Один раз сидела на работе за швейной машинкой. Всех кто у нас был в бригаде, всех на ноги подняла. Думали, что я палец пришила. Вот как я переживала за тебя с Ниной, когда вас в детский дом отдала в Джамбуле. Нина после седьмого класса поехала в Туркестан в строительное училище и там работала на стройке. Она, вроде, ездила в Москву от училища. И вот я за нее так переживала день и ночь. Сижу на работе за машинкой, а она у меня в голове была, в мыслях. И я, вроде бы, уже заснула. Руки сложила на машинку и сижу, задремала.

Смена-то была ночная до самого утра и, в часа три, всегда спать хочется. И вижу я, будто, приехала туда, где Нина работает. Иду по дороге и спрашиваю, где можно мне увидеть Нину? А мальчик, такой небольшой, может из четвертого класса, и говорит: "Пойдемте со мной и я вам покажу, где ваша дочь Нина." Ну и пошли вместе. Он идет и я за ним. Он вышел немножко из ворот школы и недалеко от нас как будто бы могилки. Он и говорит: "Вот, ваша дочь под этим бугорком находится." И я, ка-а-ак закричу со всех сил!... И проснулась...

Все, кто были на работе во вторую смену, наша бригада, все соскочили со своих мест! И ко мне бегут! Думали, что я палец свой пришила машинкой. А я... от страха, что мальчик мне показал, что Нина под этим бугорком находится, сказать ничего не могу. Ну, вроде бы, нет ее в живых. Главное, я его спросила: "Где мне увидеть дочь Нину?" А он, вроде, тут же учился и говорит: "Пойдемте, я вам покажу место, где ваша дочь Нина ". И только вышли мы из ворот, а там будто бы поле и под этим бугорком, говорит, ваша дочь. О-о-ох! Думала, что я умру, от того, что увидела. Ко мне прибежали и все стали успокаивать. А одна успокаивала и сказала: "Во сне увидеть это не страшно. Ты просто сильно думала за дочь, вот она и приснилась тебе!" В общем, кто как умел, успокоили меня и я отошла от видения...

А в Кульдже, однажды, я пришла на собрание верующих и сказала, что я получила вознесение, восхищение. Не то в теле, не то в духе. Вот было, прямо как будто, в самом деле, мое тело поднималось в воздухе. Вот поэтому, думаю, меня перед Крещением сильно не испытывали по знанию Слова Божия. Да. А было, так. Я молилась. Перед тем как нам испытание Крещением наметили, в церкви спрашивают, как ты готова ли послужить вере Христовой, хватит ли крепости веры устоять на пути истины? И вот, сидела рядом со мной девушка (у нее родители верующие были), она ревностно ходила в собрание, но была некрещеная. Так что мы вместе с ней принимали Крещение. Она стояла возле меня и пресвитер спросил ее: "А если Бог прервет жизнь твою, ты будешь с Господом?" А она так смело ответила ему: "Буду!" Какая она? Верит, что на небе будет? Откуда она это знает? Вот, видишь, и я ходила ревностно на собрание, а вот это, ее слова, подействовали на меня. "Как хорошо, смело отвечает!" - думаю себе. Еще Крещение не приняла, а уже... А если сейчас умрет?

Священник спросил: "Будешь с Господом?" и она ответила ему "Буду!" А ведь к Крещению мы только готовились, а она уже ответила "Буду с Господом!". Вот что значит, у нее была вера сильная такая.

Вот, я пришла с собрания (после собрания оставляли на беседу), на вечернее я мало ходила. Вечером управилась по дому и молилась Господу Богу. Так я молилась Ему ревностно: "Господи! Почему я не могу так сказать, как эта девушка?" Говорила и плакала от всей души, когда молилась. Чувствую, как будто бы я поднимаюсь, поднимаюсь и поднимаюсь к небесам. Ощущаю телом, а глаза закрыты. Продолжаю молиться: "Господи, я хочу знать, что ты мне простил грехи мои!" - прошу я. И вот, чуть ни как голос человека, правда, такой слышу (ну, это так сердце мне диктовало, наверное): "Приходящих ко мне, не изгоню вон!" - мне ответил. Ну. Слово Божие мне так сказало! Когда-то я читала одно место в Библии, а может и не читала, но в Слове Божиим есть такие слова: "Приходящих ко мне, не изгоню вон!" Вот так. Тогда на этом слове я осознала, что Господь мне простил грехи. Я же стремлюсь к Нему прийти!.. Думала, приму Крещение, и я буду с Господом! После Крещения, думала, Слово Божие буду знать как дважды два - четыре! Думала, что и песни буду петь, будут такие большие знания духовные. Почему я так все понимала?.. Вот уже после Крещения стану Песенник читать, пою со всеми, а назавтра слова стихов забываю. И правда, забуду стих, значит надо учить, а не так как я думала раньше.

Думала, приму Крещение и весь Песенник буду знать, помнить песни, чтобы славить Христа! А песни учи-ить надо. Не так вот, раз прочитал и сразу запомнил стих, песню. Не-ет, пришлось учить! Вот я и запоминала песни духовные, когда в Кульдже (1930 - 1955 годы) ходила на собрания баптистов. О-ой, может это не я, а кто-то другой наметил мне, не знаю, но песни, которые я пою, в них все мои слова, как будто из моего сердца идут и касаются всей моей жизни. Вот, послушай: "За грех мой Ты понес мученье, За нас пролил святую кровь, Святая кровь лилась с Голгофы, Так дай мне сил любить Тебя!" Вот такие песни я пою, когда дома никого нету, и я одна в четырех стенах. Слова вспоминаю разные, а иногда песни сливаются. Вот и здесь последние слова из другой песни, но все слова из моей души! Или еще послушай мои песни.

"Страшно бушует житейское море,

Сильные волны качают ладью,
В ужасе смерти, в отчаянном горе,
Боже мой, Боже Тебя я молю!"

А дальше, тоже мои слова:

"Сжался надо мною, спаси и помилуй,
С первых дней жизни я страшно борюсь,
Больше бороться уж мне не под силу,
Боже, помилуй меня, Тебя я молю!»

Это я и сейчас об этом пою. "В пристани тихой твоих повелений, Путь мой направь и меня успокой, И из пучины житейских волнений, К берегу выведи Боже благой!" Это не слова, наша же жизнь такая - "пучина" на земле!..

А Крещение в Кульдже проходило за городом на реке Или. Приехали на берег, я вышла вместе с другими из машины. Подошла к берегу, а пресвитер Кузьма Трифонович Попов уже в воде стоит. Была середина лета, тепло. И он меня первой призвал креститься. Зашла в воду, а он, вот так, руки мне сложил на груди, одной рукой взял за руки, а другой взял меня под голову и спросил: "Веришь ли, что Христос - Сын Божий? Веришь ли в Иисуса Христа, что он сын Божий?" И еще что-то там спросил. Ответила ему: "Верю." Верю, что Христос мой Спаситель!" "По вере твоей крещу тебя! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!" - сказал и прямо на спину меня положил в воду. Вот так, меня окунул и я поднялась из воды обновленная! Сразу я вышла на берег, а тут стояли девчонки, взяли меня за руки и повели туда, где переодевались на берегу. Из простыней, вот так, завешали место и заходят туда переодеваться. И на этом все Крещение! Ничего такого особого, только душа ликовала! А пресвитера всех так крестили.

В холодное время в комнате крестят, там хорошо слышно: "Веришь ли, что Иисус Христос - Сын Божий?" И отвечают: "Верю!" Воды там много наливают и она протекает, в купальне, а человек крестится там много. А тут! Летом! В чистой речке Крещение принимать одна радость! И приятно. А там, в купальне, наверное, не захотела бы я принимать Крещение. А в речке, один раз, семьдесят человек принимали Крещение!

Но в купальне разве можно было всех перекупать? Надо, куда-нибудь, в речку ехать, как у нас на берегу реки Или в Кульдже.

Выезжали из города на машине. Покрестили людей, посадили и опять на этой же машине в дом молитвы повезли. А там все пошли в дом молитвы, а я побежала домой. Там рукоположение делали и молились за каждого, как всегда после Крещения. А я убежала домой. Думаю, ждут меня на работе там, потеряли уже, наверное. Я в служанках тогда была. Прибежала я, а хозяйка спрашивает: "Где это ты так долго задержалась?" А я говорю: "Ой, не спрашивайте! Я ездил сегодня на Крещение и принимала его!" "А ты, что же мне не сказала? - спрашивает. Я бы тоже туда поехала." Она молодая была. Я ей говорю: "А я сама не знала, что именно сегодня будут Крещение совершать!".. Помнишь? Когда исповедовали нас, то эту девушку спросили, и она сказала "Буду с Господом!". А меня не стали спрашивать. Почему? Не знаю. На ней закончили вопросы. А я, поэтому и плакала, что у нее родители верующие рядом были, и она ответила так. А со мной родных не было рядом, и никто не беседовал. Я на собраниях верующих не оставалась вечером. Как только сказали "Аминь", я сразу бегу на работу. Если живешь в прислугах, то надо к обеду приготовить что-нибудь или разогреть на печке и подать на стол...

Вот, еще вспомнила. Это исповедание было в воскресенье, а на второй день Троицы, это в понедельник, было Крещение. Я пришла на собрание и сразу рассказала, что вот так и так я получила восхищение. Такое, как будто бы я поднималась в воздухе к небесам! А потом, это, прошло немножко время, и я стала чувствовать, как будто, опускаюсь к земле. Спустилась душа моя и почувствовала себя, что я на коленях стою. А то не чувствовала, что стою на коленях. А я... Жарко мне шибко было, тогда при молитве, как будто бы в огне я пылала! Пот от меня был. Как будто бы я где-то в пламени, как в огне все равно! Такой жар у меня был! Восхищение настоящее! Ну, думаю, все грехи мои сгорели! Священный огонь посетил меня тогда при молитве! Ну, на небесах не побывала, а вот так, поднялась до облаков, вроде, а неба не видела. Над облаками витала, но на небо не зашла! Ну, чувства мои все были как из Святого Писания!..

Чувства мои не рассказать даже словами! Только после этого вознесения, я почувствовала, что стою на коленях. И тогда меня такая

радость обняла! Сердце у меня трепетало прямо от радости! "Ах, Господи! Если бы не ночью это было! Я бы сейчас побежала к братьям и сестрам и поведала бы о моем восхищении!" - это я сама себе говорю. Хотела, чтобы они разделили со мной мою радость! Той ночью я сильно молилась, вечером в воскресенье. А в понедельник, уже пошла Крещение принимать. На реке Или вся община верующих христиан баптистов приехала и стояла на берегу, исполняли духовные гимны посвященные Крещению.

Радостно было мне на сердце, когда я Крещение приняла. Радовалась сильно! А еще когда радовалась? (задумалась немного) Вот, что-то не припоминаю другого такого случая, как после Крещения радовалась. После Крещения, знаешь, какую радостную я себя видела!? На мне чистое -чистенькое платье! Белая косыночка! Ну, я сама себя видела прямо ангелом! Вот, радость какая была! Крещение приняла и душа ликовала! Помню, я вышла из воды на берег, в туфлях была, в чулках и так, туфли не сняла, они высохли, и чулки не снимала, когда крестилась! Только, сюда, за простыни зашла, и платье передела, а чулки и туфли - нет. И опять одела такое же платье. У меня два платья было батистовых белых! И я в одном крестилась, а в другое переодевалась. То платье, мокрое, сняла, другое, сухое, одела. И то и другое платье было белое-белое, как небеса!...

Ох-хо-хо!! Радость я такую получила! Прямо трепещет сердце от радости! И я хотела, как будто побежать и рассказать всем про свою радость, какую я получила от Господа Бога! Да-а, сейчас, когда вспоминаю этот час, и то радуется сердце! Видно, поэтому братья и решили меня крестить без исповедования. Исповедовать было нечего, когда я рассказала им про свое вознесение! Чего еще они могут исповедовать меня? Я же рассказала, как я получила от Господа Голос! Ну, может, не Голос Господа, Дух Святой напомнил мне место из Святого Писания. Это было, все равно, как Слово Божие, значит, как от Господа Бога! Эти слова: "Приходящих ко мне, не изгоню вон!" Вот, эти слова до сих пор помню! А мне ведь девяносто три года исполнилось! И слова эти Христос сказал! Помните!..

После приезда в Кульджу, все-таки, я долго ходила в церковь, целый год посещала собрания. Ну, я все думала: "Да, я же крещеная в

православной церкви на Алтае в Усть-Куюте. Зачем это еще раз Крещение принимать?" ... А потом, когда пришли к Иоанну Крестителю, то многие приняли Крещение... Я-то уповала на то, что я крещеная... Помню, Христос сказал: "Кто Духа Святого не имеет, тот не пойдет за мной!" Значит, если веришь в Бога, то, значит, Духа Святого имеешь!" По вере дано будет... Вот, в Книге есть же написано, апостол Петр спросил: "Скажи мне, где ты живешь?" А Он ответил, Христос сказал: "Пойдем и узнаешь!" И вошли они с Христом в дом. А сзади них один пристал к ним и тоже хочет узнать, где живет Иисус Христос. А тот повернулся и говорит: "А он что, идет за нами?" Но Иисус сказал ему "Оставь его. Кто Духа Святого не имеет, тот не пойдет за мной!" Значит, это понятно, что если ты не имеешь Духа Святого, то не пойдешь за Господом! Так? А вот православных много, да разве мало таких людей, которые не признают даже... не ходят на собрание и Слово Божие не читают. Вот идут за Господом, а зачем не знают. Ну, значит, желание есть, значит Дух Святой пробуждается в человеке! Вот, сам человек захотел, а не сможет сделать, стать ближе к небу. Тогда Дух Святой приводит его к истине Божией. Вот так в жизни!

А еще были у меня переживания, не поверишь, когда я работала в больнице медсестрой. Лена, у которой я жила на квартире, заболела и попросила на время заменить ее: готовить и подавать инструменты врачу. Один раз одна женщина не могла родить ребенка. Страшно сказать, как доктор доставал этого мертвого ребенка кусками из чрева матери! Мне страшно, я вижу такое первый раз, а доктор делает свое дело и... поет. А сам поет!! Я при этой операции инструмент ему подавала. Кипятила, стерилизовала инструмент, как положено, мне объяснили. Он делает операцию, а я рядом стояла: то ему ножницы подай, то ножик подай или щипцы... Они на блюде лежат все инструменты. И он сам не берет, а я ему в руки подаю. Прямо, вот так, он руку протянет, не смотрит на меня, а я в нее положу, что ему надо. У меня уже был опыт работы с докторами. Вот, работал! Ему, ох как, тяжело делать было такую операцию! А сам по-о-ет и поет! Ну, когда закончили операцию уже, то все обошлось хорошо, живая она осталась. Ребенка, конечно, порезали, а ее спасли. А муж все говорил: "Ой, только мать оставьте в живых!" У нее там еще дети были. Доктор, сперва, когда подошел к столу делать операцию, спросил

отца: "Кого живым оставить? Мать или сына?" И муж говорит ему: "Мать оставьте живую!" Ну, мать так мать! И, правда, надо сохранить ее, а то у нее еще трое детей были. Вот так.

Потом, как-то, я говорю ему, доктору: "Такую операцию серьезную делали вы и пели!? Как это вы смогли так?" Он посмотрел на меня и говорит: "Когда поешь в душе, так операцию легче делать. Отгоняешь страх, и тогда руки работают легче!" Доктор какие-то свои песни пел, не молитвенные, но успокаивающие. Просто какую-то мелодию и слова. А может и молитвенную песню? Я же сильно не прислушивалась к ней. Я слышала, что в голос он поет. Так, это, потихоньку, негромко поет и поет, а руки свое дело знают. Конечно, песня эта для него хорошая забава, отвлечение от страшной операции... А я удивляюсь, надо же, такую операцию, серьезную делает человек и поет? В разговоре, потом, он мне и говорит: "Я отвлекаюсь, когда пою, и не даю рукам испугаться, а сердцу и голове даю спокойно работать!" Кто другой бы сказал, не поверила...

Помню как жила в Кульдже у советских. Вот, только в субботу приготовлю обед и завтрак на воскресенье и утром иду на собрание верующих. Они, хозяйка, если захочут кушать, то сами разогреют еду... А кроме собрания я никуда не ходила. Ка-ак они уговаривали меня, советские. Айда, говорят, к нам. Кино посмотришь в консульстве, туда не пускали посторонних, только советских. А я говорю: "Не хочу смотреть кино. Видела я один раз кино и чуть в обморок не упала!"

Вот такое кино показывали, страшное! Когда наши, советские, вынесли на Сапун гору флаг красный, а там эти, немцы, наступали на них... Стоял большой пароход и там много войска на пароходе. Они их, значит... Как только наши идут с той стороны, прямо, как-то лезут и лезут на гору. Не гора, вроде, а скала. Залезут наши, а потом сразу ставят флаг. А если не успеют, то их обязательно там убьют. И они, так, ка-атятся бедненькие, как арбузы! С этой самой горы! И еще там такое сделано в кино, катятся люди с горы, а внизу, тут, вода, бурная река. Ну, прямо с горы падает человек в воду и уже живой не остается, если скатится. Не убьют, так потонет! Какое-то такое нехорошее устройство места войны. Ну, и вот советские говорят мне: "Давай! Пойдем к нам в консульство, смотреть военное кино!" А я говорю: "Не-е хочу видеть! Когда про войну

показывают, то мне тошно! Всех жалко видеть, как они погибают!" И рассказала им.

Когда-то я смотрела военное кино. Немцы по одному наших убивали, а когда последний зашел на гору и поставил красный флаг, то враги, как побежали все на корабль. Войско ихнее, кто там стоял, все зашли на корабль. А наши, ка-ак туда бомбу бросили и их корабль пошел ко дну. Ни один с корабля не выскочил, все потонули. "Разве не жалко людей?" - спрашиваю советских! Кто-то воюет, захватывает землю, а тут, сколько людей погибло! Как мне жалко всех погибших было! Вот я с тех пор больше и не заглядывала в кино. Да и потом и сейчас в телевизор даже не заглядываю. Не хочу сердце и душу беспокоить, переживать за погибших. Насмотрелась я на войну вживую... Думаю, как же тяжело на войне, гибнут люди везде, а тут показывают все в телевизоре. Надо ли?..

...Это не Христос пришел, а ученики Его к больному, а Петр и говорит: "Серебра и золота нет у нас. Вот именем Господним поможем. Именем Иисуса Христа, говорю тебе, "Встань и ходи!" Больной в ту же минуту встал. И пошел! Пошел в синагогу, там у них священники сидят. Показался он священникам. А они увидали, что он ходит, прыгает и скачет, обрадованный, что он ходит. Тогда священники велели позвать мать больного. Позвали мать и спрашивают у нее: "Это твой сын?" А она отвечает: "Мой!" "А что же так? Ты говорила, что он не ходит с детства? А ты посмотри, вон как он прыгает и пляшет!" А она отвечает: Это все так. Он же взрослый. Спросите самого его. Он вам и скажет, почему так получилось у него!" Боялась мать, что выгонят их из общины иудеев. Тогда исключали хоть за что, а тут чудеса. Вот так было...

Вот сегодня я себя чувствовала хорошо. Прямо, так радостно проснулась! Еще темно было. Хотела даже подняться на ноги, такие чувства были, что смогу встать на свои больные ноженьки и пойти сама по ограде. Но боялась. Вот так, ноги спустила с кровати, помотала из стороны в сторону. Да и говорю: "Господи! Ведь ничего у меня не болит вот уж третий год. Нисколько и ноги не болят! Ни та, ни другая: они обе здоровые!" Вот так пред Господом Богом говорю: "Дай мне, Господи, силы духа, чтобы я могла ходить!" Я на горшок все время мучаюсь. Этот горшок - моя болезнь. От меня все уже отказались, кроме Вали, и не хотят ко мне заходить, потому что в моей комнате тяжелый воздух... Прошу:

"Господи, сейчас, я пробовала ступать на ноги. На правую ногу ступлю - она держится. А левая нога, ну никак не хочет держать меня. Помоги мне и укрепи меня, Господи!" А левая нога, вот так вот, подворачивается в щиколотке и в коленке. И все - ложится... Я и тренирую свои ноги, поднимаю и кручу ими как на велосипеде, когда лежу в кровати. Но... Жду милости Господней! Уповаю на милость Бога! Во-от! Господь явит свою милость и я буду ходить. Верю! И молюсь и молюсь днями и ночами!. Прошу и вспоминаю все милости Господни в моей жизни. Я говорю: "Господи! Ты везде был со мной, Ты в беде помогал семье моей! Как я была с детьми на целине, куда мы ездили из Кульджи из Китая. Сколько Ты мне помогал! От шакалов спасал, от волков и дурных людей на Алтае и в Китае. Хранил меня! Люди вокруг меня такие были, хуже шакалов иногда. А ты охранял меня!" Вот так я пред Господом Богом говорю, как перед тобой сейчас. И еще говорю: "Прошу! И теперь храни меня. Дай мне ножечки здоровые, чтобы я ходила!" Оно бы, так, этой ночью, если бы встала в ту минуту, когда душа подсказывала встать, то может и пошла бы! Но я не услышала там такое слово: "Встань и ходи!", в душе моей. Вот, я почувствовала в себе силу, и крепкие ноги такие и чувство мое услышало. Я говорю себе: "Вот, смотри, идти надо!"... Но смелости у меня не хватило подняться и пойти среди ночи, не уверена была... И теперь (двенадцатого августа 2003 года в Алма-Ате на солнышке во дворе дома улицы Курильской) мы с тобой тоже хотели встать на ноги и пойти. Встать то мы встали, да шагать левая нога не желает. Уж как я ее прошу и умоляю, а она не отзывается на мои просьбы. Видно Богу так угодно...

Прожила я многие годы и за все в своей жизни благодарю Господа Бога. Мне уже больше девяноста лет, но я, когда принимала Крещение Святое, то давала Богу обещание служить Ему. Прожила много лет, но не найду для себя ответа: в чем я послужила Господу Богу? Не знаю. Но, думаю, Господь записал в Книгу Жизней то, чем я могла послужить Ему. А ведь будет судиться человек по делам его и добрым и злым. Я боюсь, другой раз, и говорю себе: "Нет у меня никаких дел достойных Бога!" Я вот, так раз сказала при правнучке моей Алинке : "Видишь, Бог будет судить по делам, а у меня ни-и-каких дел нету." А она мне говорит "А мы-ы! Внуки и правнуки! Это же ты нас нянчила и вырастила, во всем

нам помогала. Это и должно быть записано у тебя в Книге у Господа Бога!" Вот такая она Алинка! А раз я ей говорю: "Я вот за вас читаю молитвы, чтобы вы лучше стали, а вы какие были несобранные, такие и остались". А она мне говорит: "А Бог не слышит молитвы грешников. Ты согрешаешь, а потом молишься. А Он не слышит твоей молитвы!" О-ох, она, знаешь, этими словами меня как убила! Я же не вижу где мой грех! "Да-а, Бог все видит!" - говорит она мне. Скажет так и удивит меня...

Сейчас я совсем плохо вижу и не могу читать Библию, но вспоминаю часто те места, что когда-то читала. Вот, сказано: "Посмотришь глазами в глаза, с кем разговариваешь и уже прелюбодействуешь". Вот, что самое главное и страшное для молодых. А другое в жизни не так страшно. Но вот взгляды в жизни трудно обходить. Ну, как же не посмотреть человеку в глаза, когда с ним говоришь? Скажешь "Здравствуйте!", а сам в землю глядишь? Ведь обязательно глянешь, с кем здороваешься! Ну, вот над этим я часто задумываюсь. Вот, это и грех невидимый... А я себя успокаиваю, ну ладно, да будет воля Божия. Благословит и пребудет Господь с нами всегда! У нас есть орудие защиты - Слово Божие. Как, там, в песне поют: "Возьмите в руки щит..." А кто щит у нас, верующих? Слово Божие.

Вот, вспомнила! Когда-то я видела сон. Тогда я жила и работала служанкой у богатеев Филипповых в Кульдже. Давала им читать Евангелие. А они читали Святое Писание и сами ничего не понимали. А когда хозяин умер и пришел ко мне во сне. Как будто бы, я сижу за столом с Евангелием, а он мне говорит: "Вот, когда ты жила у нас и давала Книгу, то не говорила о царстве Божиим". А я говорю ему: "Я вам давала Евангелие и вы читали, но видно без внимания?" "А я, вот теперь, - говорит он мне, - возьму тебя и утащу туда, где я теперь нахожусь!" "Я сейчас мучаюсь!" - говорит. Но я, вот так вот, руками подняла Евангелие перед собой и говорю: "А я защищаюсь Словом Божиим и страданиями Иисуса Христа!" И он исчез сразу, этот Филиппов старик. Вот, думаю, оказывается, надо было не только давать читать Евангелие, а еще надо было говорить и пояснять им. А я считала, что же? Они люди ученые, а я только по складам читаю. Ну и пусть себе читают и разумеют, когда я давала им Святое Писание. Нет, я не говорила с ними о Слове Божиим. Я считала себя прислугой у господ и что я буду с хозяином говорить? У

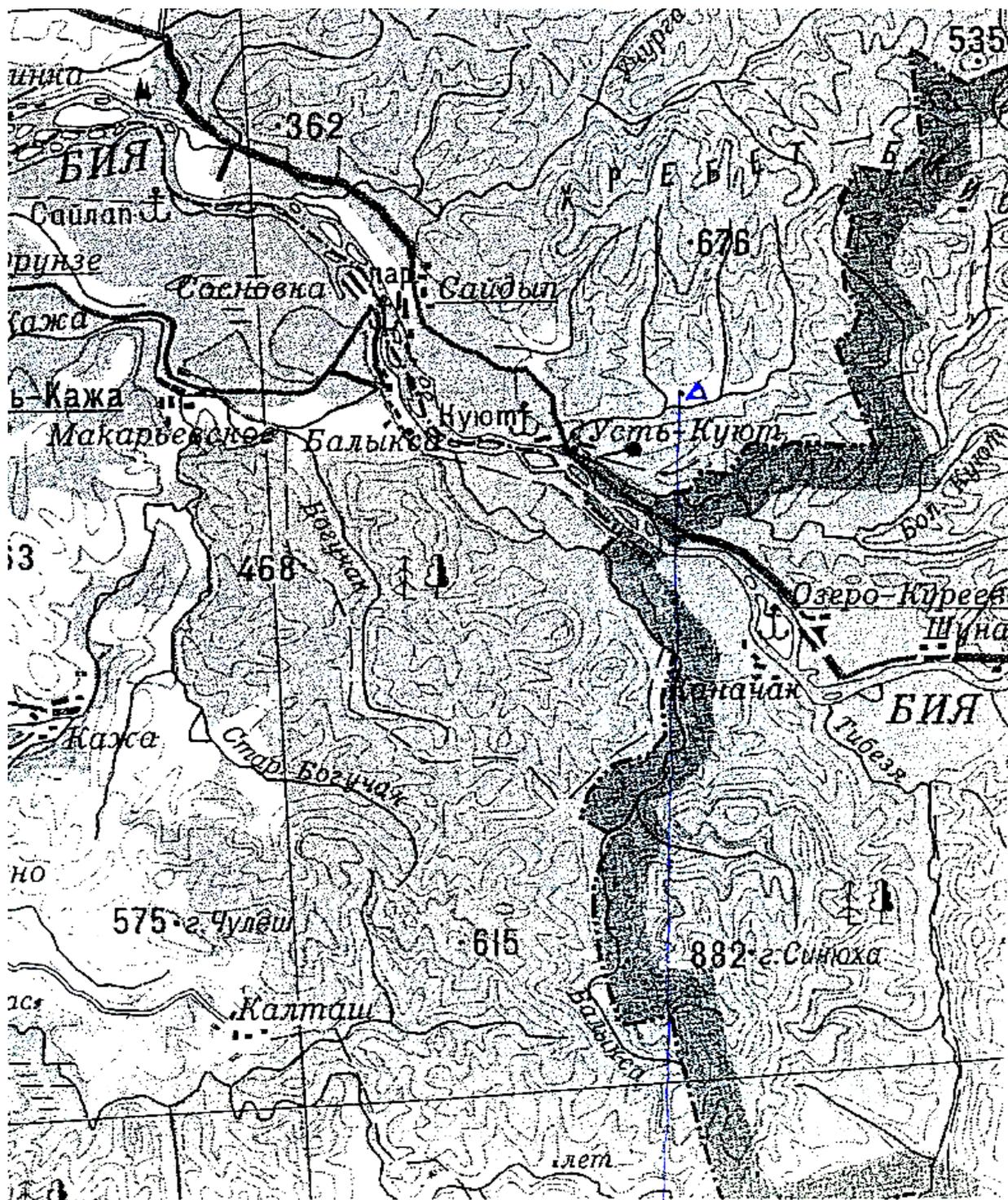
меня не было свободного времени с ним говорить. Вот, оказывается, как открылось мне сновидение...

Благодарю Господа Бога за охрану жизни моей до сего дня. Прошу милости Божией, благослови на год дальнейший, который ждет нас. Благослови также всех моих детей и внуков в Томске. Сохрани жизнь им, дай радостной жизни и здоровья на многие годы жизни. Пусть жизнь у них всегда будет благополучной, чтобы видели они радость в семье и в детях. Господи, благослови, посети духом Твоим Святым семьи детей и моих внуков. Господи, дай им познать путь истины, исполнить правду Божию, быть Твоим достоянием. Всегда, Господи, пребывать в Тебе и Ты пребудь в них, руководи ими. Дай им, Господи, ревности исследовать Слово Божие, Святую книгу Библию. Истина и смерть, они ведут человека к вечной жизни. Господь - свет разума дает! Господи, благослови все семьи детей моих и в Алма-Ате, и в Тамбове, и в Москве, и в Томске. Да будет мир в их домах, радость и любовь в семьях. Да будет всегда Господь с вами, охраняет всех и детей ваших и дом ваш сохранит во всем. И за все, за все прославляйте Творца Небесного, Бога вечного, вездесущего и всемогущего. Во всем Он руководит, без Его воли ничего не бывает: Он может дать и может взять. Да будет воля Его над вами и домом вашим!

Август 2003 года, г. Алма-Ата.

НА ВОЛЬНЫЕ ЗЕМЛИ СИБИРИ

Фотографии из архивов

Δ-Чичам-676

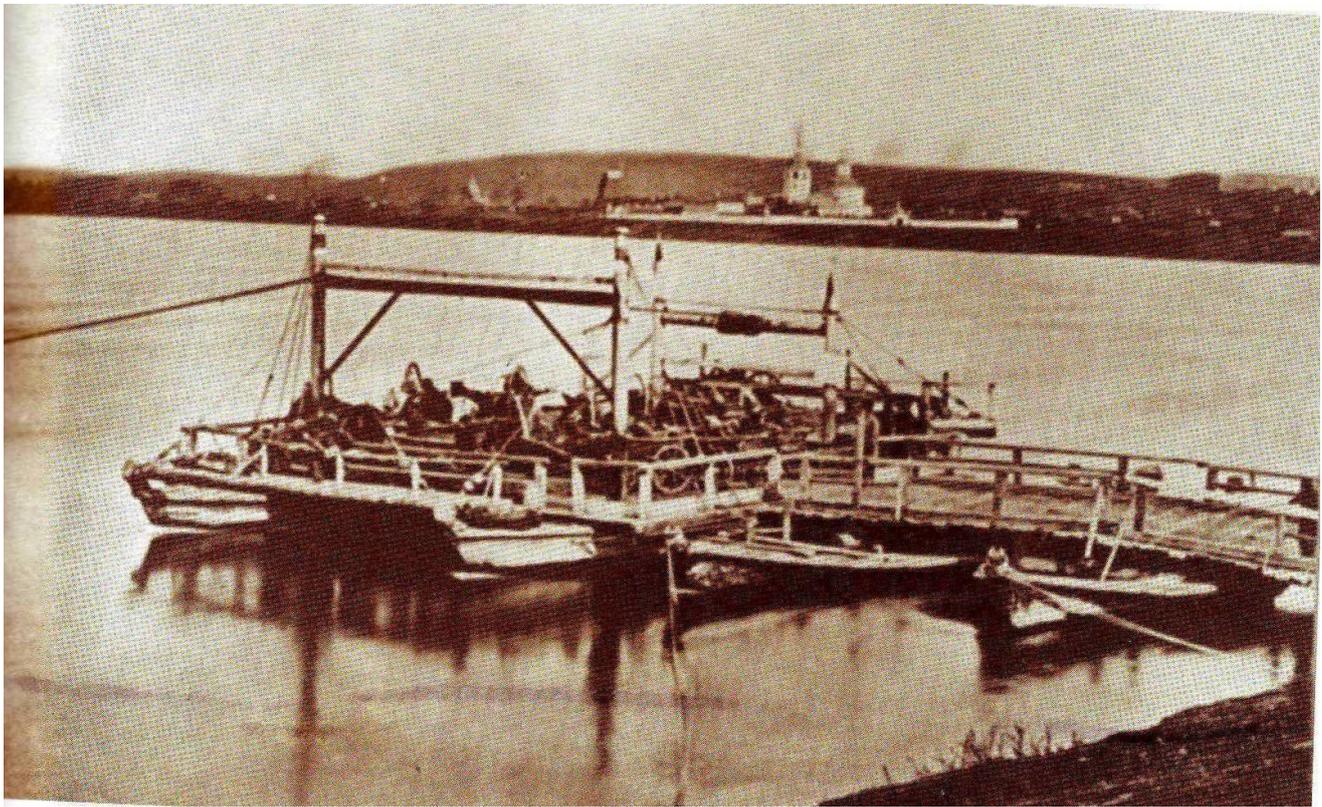
Карта места нахождения поселения Чичам и Усть-Куют на Бие.

1910 г. Русские крестьяне так переселялись из Центра России в Западную Сибирь.

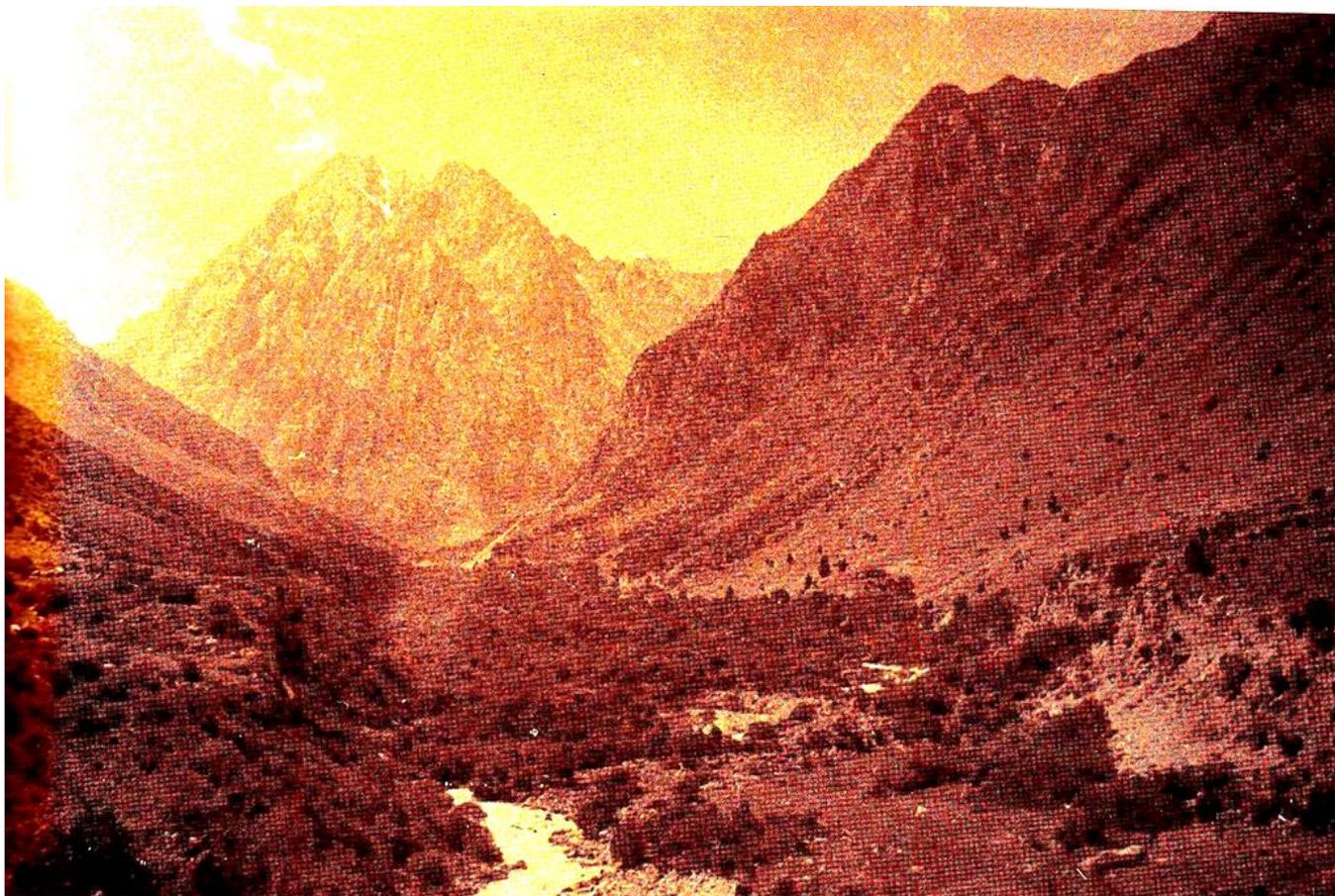
Переселенцы на вольные земли Сибири у Ж-Д вокзала г. Томска. Из фондов ТОКМ.

1910 г. Такими судами одолевали переправы рек переселенцы на пути в Сибирь.

1910 г. По сибирским рекам переселенцы добирались до нового места жительства.

1916 г. Среди гор Алтая места обитания переселенцев из центра России.

1929г. Август с. Усть-Куют,
Бийского уезда
Анна Гавриловна Серикова
10 августа 1910г. - 16 ноября 2004г.

1935 г. И.Л. Долдин, слева 1 во 2 ряду, среди красноармейцев, г. Кульджа.

1935 г. отряд красноармейцев в г. Кульдже, верхний ряд, слева первый Иван сын Лукиана Долдин, 1911 г.р., первый ряд, второй справа – Греков Григорий...

1934 г. - община Евангельских христиан баптистов г. Кульджи, первый ряд справа – вторая Ольга Грекова, четвертая - Анна, 1910 г.р. (дочь Гавриила Серикова).

1937 г. - Иван сын Лукиана Долдин, 1911 г.р., Кульджа .

Июня

1939 г. г. Кульджа КНР

1939 г. 25 июня, Иван Лукианович, дочь
Валентина и Анна Гавриловна Долдины
в городе Кульдже Китай

1941 г. Гавриил Васильевич Сериков. 1877 г.р. и внучки Валя и Зина Долдины,
г.Кульджа

1945 г. март - Анна Гавриловна Долдина и дети Нина, Зина, Валя и Коля.
г.,Кульджа

1943 г. справа Петр Гаврилович Сериков, с однополчанами во время войны.

1980 г.- осень Петр Гаврилович Сериков и племянник Яков Долдин, г.Андреевка.

Семья Худяковых - Вячеслав Алексеевич и Нины Ивановна, Алексей и Николай , г.Алма-ата, в день выпуска сына из военного противопожарного училища. 1990 г.

1990г. Семья Худяковых: Вячеслав Алексеевич и Нина Ивановна, Алексей и Николай в день выпуска сына из военного противопожарного училища. г.Алма-Ата.

Свидетельство о гибели Ивана Л. Долдина, 1911 г.р., в январе? 1945г

Handwritten text in Chinese characters, partially obscured by a red stamp. The text appears to be a translation or a note related to the document's content.

СПРАВКА № 00049

На славную память семье бойца, отдавшего жизнь за
Революцию тов. Долдин Иван в Революционной борьбе
славно отдал свою жизнь.

Его достойный подвиг и слава не будут забыты в
веках. А семья его должна пользоваться уважением в
Обществе. Кроме одновременного пособия согласно по-
становлению Центрального Народного правительства
об оказании внимания и соболезнования семьям бойцов,
отдавших жизнь в боях за Революцию, семье выдано на
память настоящее удостоверение.

Председатель Мао-цзе-дун.

Консульство СССР в г. Кульдже настоящим удостоверяет
подлинность перевода с китайского языка на русский.

ВИЦЕ-КОНСУЛ СССР:

/ АШАЕВ В. И. /

№ 2060
8/11/9 " 06 55 г.
г. Кульджа.

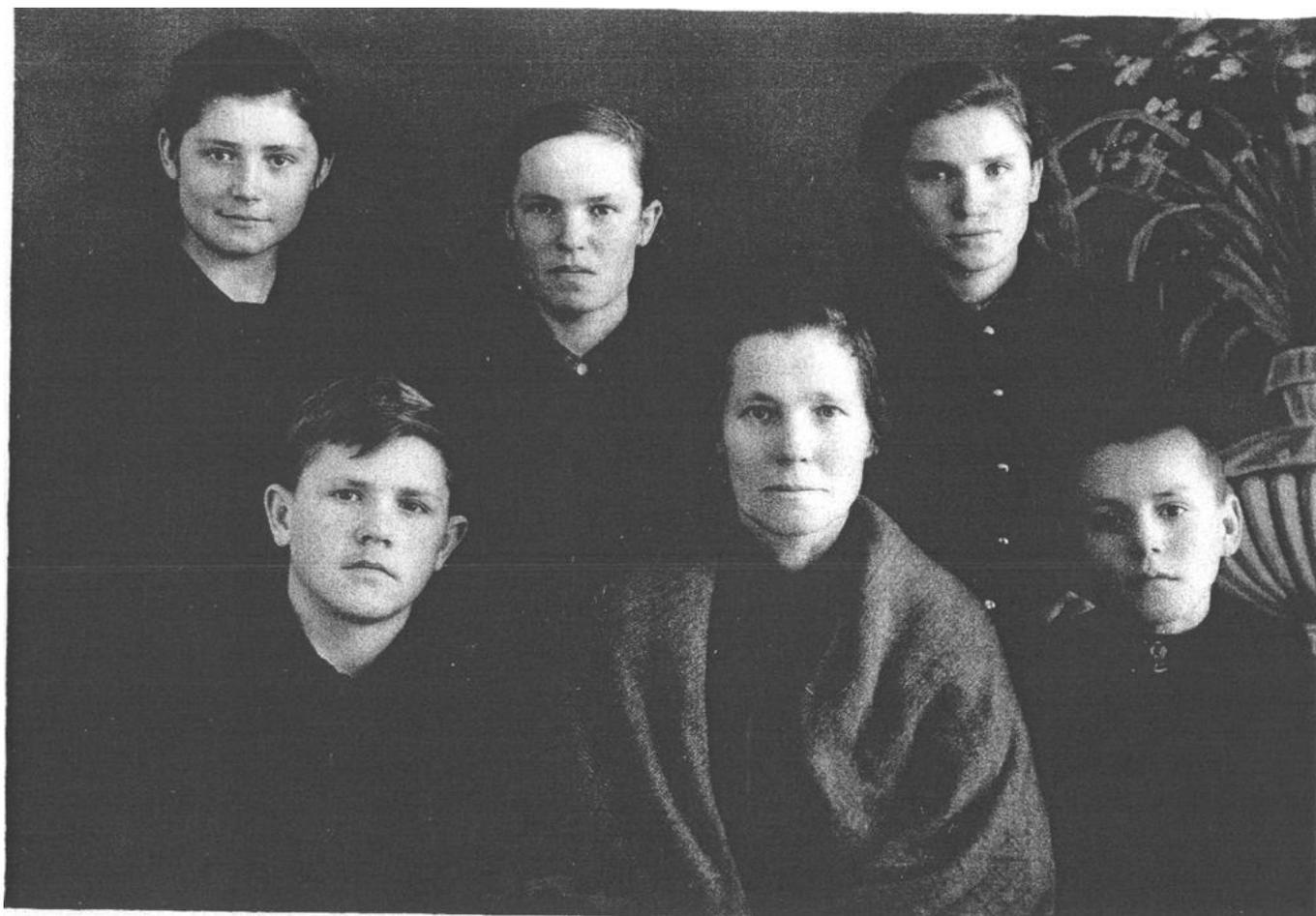
27 декабря 1944 г.

7 января 1945 г.

Перевод Свидетельства - Справка о гибели Ивана Л. Долдина, 1911 г.р., в январе? 1945г.

Казначейские билеты при царе империи Россия.

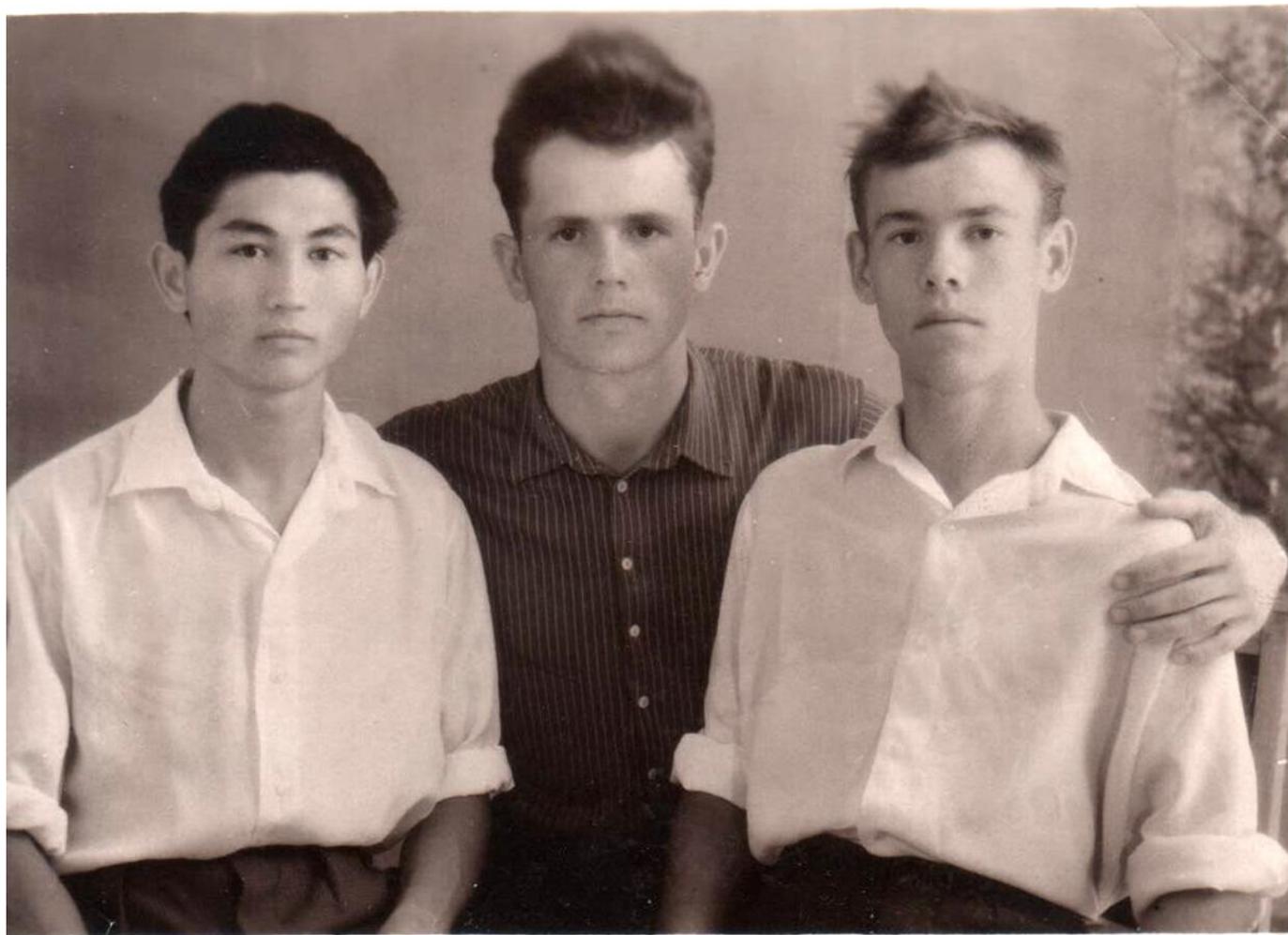
1956 г.- Семья Долдиных: Нина, Зина, Валя, Коля, МАМА, Яша, после целины в г.Джамбуле.

1970 г. сестры Сериковы: Молодцова Нина Гавриловна и Долдина Анна Гавриловна с внучкой Галей.

1960 г. – завуч. Анна Алдр. Голубева, Николай И.Долдин, директор Анна Петр. Венгловская и воспит. Валентина Иван. Богач, Детский дом №2 г. Дзамбула.

1962 г. Жора Беков, Николай Долдин и Николай Огнев - воспитанники детдома №2 г.Джамбула.

1975 г. Семипалатинск: Молодцовы Роза, Нина Гавриловна (Серикова), Фиала, и Лилия. (Роза обликом напоминает свою бабушку Евдокию Кузьмовну Серикову).

1985 г. Алма-Ата: Анна Долдина 1910 г.р., Нина-Матрена Молодцова 1902 г.р. и Аграфена Ишкова 1911 г.р. - дочери Гавриила Вас. Серикова, 1877 г.р.

2002 г. август - В день Рождения Бабули Анны: Людмила Долдина, Наталья Ваганова и Алина (сзади).

2002 г. авг. г.Алма-ата, бабуля Анна (Анюта – Нюра) и внучки Мариша и Алина.

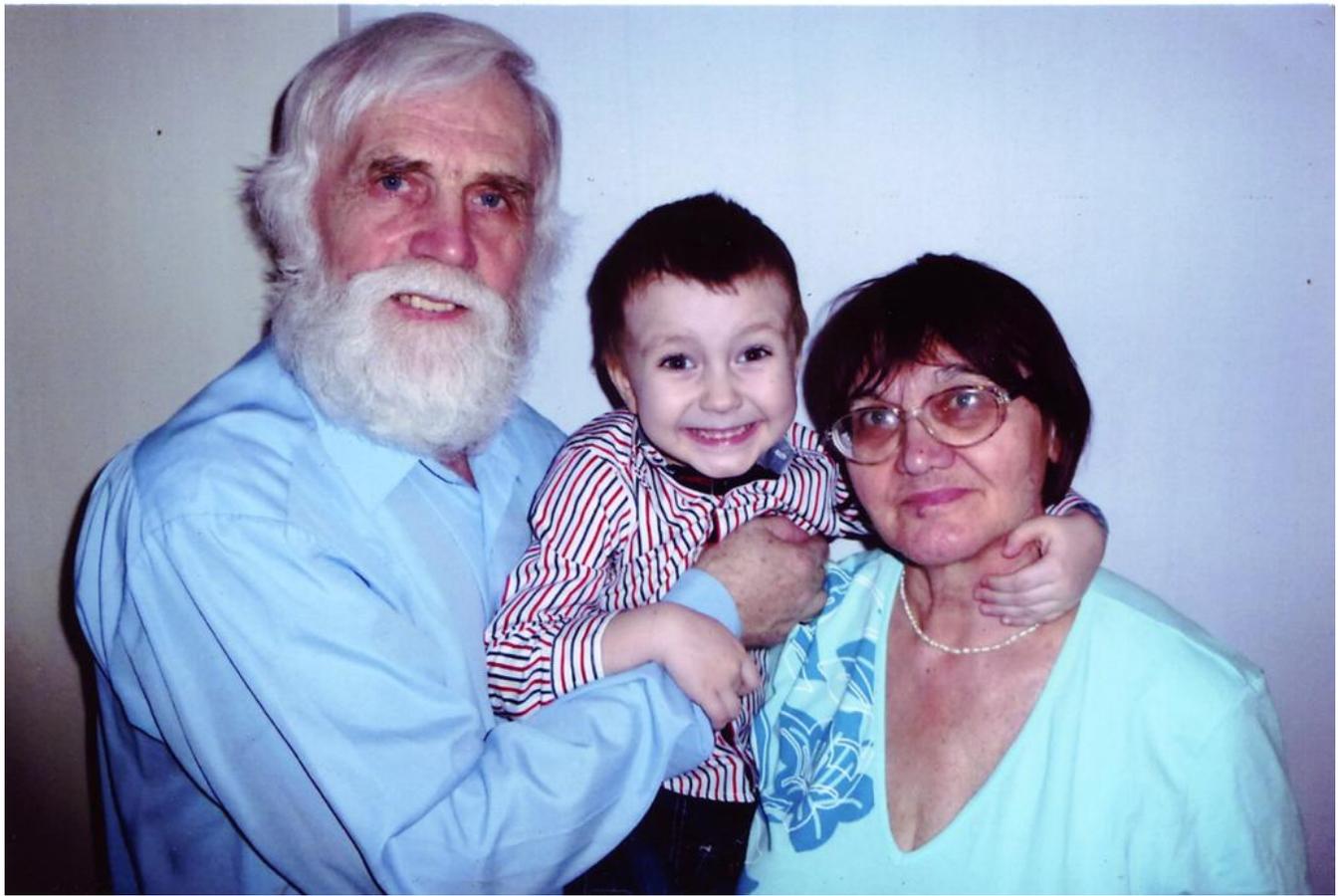
1980 г. Семья Светлаковых: Людмила Андр. и Галина Андр., мама - Александра Дм. и Борис Андр. в г. Тайге.

2005 г. Нина Ивановна Худякова, Никола Иванович и Людмила Андреевна
(Светлакова) Долдины. г.Томск

2009 г. Алма-Ата, встреча через годы сестры Нины Худяковой (Долдиной) с братом Яковом Долдиным.

2015 г. Андрейка внук и баба Людмила и дед Никола. Томск

2015 г. Долдины Николай Иванович и Людмила Андреевна с сыном Игорем Николаевичем (подполковник ГУ МЧС по Томской области). Томск

. 2015 г. Иван Дмитр., Андрейка Игор. и Алена Игор. Долдины правнуки Анны Гавриловны Долдиной.

1960 г. Людмила дочь Андрея Светлакова , 1942 г.р. г. Барабинск Новосиб. обл.
2010 г. Андрейка и Алена (Игоря дети) г.Томск - правнуки бабули Анны Г.Д.

2015 г. Семейство Долдиных из Томска: Дмитрий Ник. 1966 г.р., Игорь Ник. 1970 г.р., Нина Ивановна Худякова (Долдина) 1941 г.р., Иван Дм. 1999 г.р., Андрей Иг. 2009 г.р., Николай Иван. 1943 г.р., Людмила Андр. 1942 г.р., Алена Иг. 2002 г.р.

РОДОСЛОВНАЯ

Иона Сериков (Серко, Серик) 1818 – 1880 г.
+ Ефросиния

!

Василий, 1843 г.р.
 ! + Матрена 1848 г.р.

Андрей, 1861 – 1921 г.г.
 + Парасковия, 1861 – 1917 г.г.

о-----о-----о-----о-----о-----о-----о-----о

! Василий, 1870 – - 1919 г.г.	! Екатерина 1873 – - 1922 г.г.	! Гавриил ! 1877 – ! – 1947 г.г.	! Павел 1880 г.р.	! Антон	! Петр
-------------------------------------	--------------------------------------	--	----------------------	---------	--------

! + Евдокия
 ! Кузьмовна
 ! 1882 – 1927 г.г.

о-----о-----о-----о-----о-----о-----о-----о

Григорий 1901 – 1919 г.г.	Матрена 1903 – - 1989 г.г.	Петр 1905 – - 1987 г.г.	Николай 1907 – - 1973 г.г.	Анна 1910 – - 2004 г.г.	Аграфена 1911 – - 1991 г.г.
---------------------------------	----------------------------------	-------------------------------	----------------------------------	-------------------------------	-----------------------------------

! + Анатолий ! Молодцов ! 1892 – 1937 г. ! !	! + Раиса ! ! !	! + Варвара ! ! !	! + Иван ! Долдин ! 1911 – ! - 1945 г.г.	! + Григорий ! Ишков ! 1908 – ! - 1951 г.г.	! ! !
--	--------------------------	----------------------------	--	--	-------------

о--Роза ! 1927 - ! + Николай ! Ерофеев !	! -о-Анатолий ! ! 1926 г.р. ! ! + Ксения ! ! ! !	о-Антонина ! 1930 г.р. ! ! !	о-Валентина ! 1937 г.р. ! + Анатолий ! Ваганов о—Зинаида !	о- Александра ! 1940 г.р. ! !
--	--	--	---	--

о--Лилия ! 1924 г.р. ! + Виктор ! Богословский !	! о--Фаина ! 1943 г.р. ! + Никита ! Ковалев !	о--Нина ! 1933 г.р. ! ! !	! 1939 г.р. ! +Александр ! Петухов о -- Нина ! 1941 г.р.	о-- Петр 1947 г.р.
--	---	---------------------------------------	--	-----------------------

о ---Фиала ! !	! о- Зинаида 1935 г.р. ! !	! + Вячеслав ! Худяков ! 1940 – 2007 г.г.
----------------------	-------------------------------------	---

о -- Вячеслав
 ! Анатольевич
 ! 1951 – 1972 г.г.
 ! **СЕРИКОВ**
 !

о -- Галина
 Анатольевна
 1959 г.р.
 + Владимир
 Ремизов

о --Николай
 ! 1943 г.р.
 ! + Людмила
 ! Светлакова
 ! 1942 г.р.
 о -- Яков
 1945 г.р.
 + Людмила
 Фоканова
 1946 – 2004 г.г.

Вместо послесловия

Мой старший друг и учитель.

Из воспоминаний о Вячеславе Шишкове . Василий Петров.

В 1910, 1913 и 1914 годах я работал под начальством В. Я. Шишкова как его первый помощник в экспедициях по изысканиям рек Бии и Катуня и Чуйского тракта в горах Алтая. Почти три года я провел вместе с Вячеславом Яковлевичем на изысканиях. Это время было лучшими годами моей молодости. Вячеслав Яковлевич был менее всего моим начальником. Он прежде всего был для меня учителем, другом, товарищем.

В Томске я любил запросто заходить к Вячеславу Яковлевичу. В квартире Шишкова собирались его друзья, приятели, сослуживцы. Часто бывали у него известные сибирские общественные деятели — Потанин и другие. Любила бывать у Вячеслава Яковлевича и молодежь. Вячеслав Яковлевич всегда был душой этого общества. После тяжелого трудового дня здесь каждый находил подлинно культурный отдых. За скромным ужином все с большим интересом слушали рассказы Вячеслава Яковлевича о его странствиях и приключениях. В его речах сквозил тонкий юмор, возбуждавший веселый смех. Однако не раз этот юмор сменялся негодованием на царивший тогда жандармский и полицейский произвол и административный гнёт.

Когда дело доходило до песен, то Вячеслав Яковлевич запевал первый. Его красивый баритональный бас многим нравился. Начинались танцы, и подчас он тоже пускался в пляс, хотя и довольно неуклюже. Прошло много десятков лет с тех пор, но эти беседы и вечера я помню и теперь.

Работали мы с Вячеславом Яковлевичем в горах Алтая в тяжелых условиях. Временами у нас в экспедиции не было даже хлеба. Покупали живых баранов и свеживали их, а туши вешали на деревья, чтобы мясо дольше не портилось. На кострах варили для всех пшеничную кашу, иногда пёк пирожки на этих кострах, приспособив для этого железные листы.

Жили мы в палатках. Днём жара доходила до тридцати градусов по Реомюру (37 по Цельсию. — Ред.), а ночью вода замерзала в вёдрах. От ночного холода спасались в спальных мешках, предусмотрительно закупленных по поручению Вячеслава Яковлевича. Но даже в этих

условиях Вячеслав Яковлевич выкраивал время для прогулок участников экспедиции в деревни или на заимки крестьян-сибиряков и коренных алтайцев.

Мне хорошо запомнилась прогулка на заимку Глаголева — за первыми, редкостными в те времена сибирскими яблоками, за вкусным сибирским мёдом. Эта прогулка ярко описана Вячеславом Яковлевичем в правдивом, но очень сжатом рассказе «На Бие». В нём, в частности, не было подробно описано наше возвращение в палатки, на плот экспедиции. Я хорошо помню, как я тащил на себе через плечо два ящика с вкуснейшим сотовым мёдом. Соты местами от тряски вскрылись и потекли. Мёд струйками тёк по моему костюму. Вячеслав Яковлевич и другие участники прогулки дружески смеялись надо мной. Этот мёд я всё-таки привёз в Томск, где и угощал Вячеслава Яковлевича и других товарищей.

Вячеслав Яковлевич учил нас, молодых, культурному отношению к окружающим нас людям. Он не выносил вульгарного отношения к женщинам. С ними был всегда внимателен, любезен. Он учил также бережному обращению с народным имуществом — геодезическим инструментом, палатками, таборным снаряжением. Он был

требовательный, строгий, но справедливый начальник. Пьяниц не выносил и быстро с ними расставался.

Техники и рабочие любили Вячеслава Яковлевича, верили ему и охотно работали с ним весь сезон. Много времени и сил уделял наш начальник повышению квалификации своих сотрудников, охотно делился своим опытом, учил технике дорожных и речных изысканий. Говоря об организаторской стороне дела, он не щадил плохих и зазнавшихся администраторов, и мы загорались к ним ненавистью.

Вячеслав Яковлевич любил заходить в избы крестьян, в юрты алтайцев, где подолгу беседовал с их обитателями. Во время этих бесед он ничего не записывал, но зато вечерами в его палатке долго горела свечка — он сидел над своей заветной тетрадью. В это время мы не беспокоили его. Даже при переездах, во время смены лошадей, Вячеслав Яковлевич ходил по деревне и беседовал с местными крестьянами. На земской квартире за сибирскими пельменями и чаем мы оживленно беседовали о виденном и по-молодому весело отдыхали...

«ПУТИ ЗЕМНЫЕ».Долдин Н.И. Том 1 «Житие Анны Г.Д.» ,

250 с. Томск 2015 г.

Книга создана на основании воспоминаний и бесед с Анной Гавриловной Долдиной (Сериковой) в 90 лет, после инсульта и восстановления речи.

Фотографии из архива семьи Долдина Н. И. ,
Казанцева В.И., Наземцевой Е. Н., Обухова В. Г.,
Дьячкова Е.И., Добрянской В.М., Уразовского В.М.

Составление и подготовка к изданию материалов
на основании аудиозаписей воспоминаний МАМЫ.

Компьютерный набор текста Н.И. Долдин.
Верстка и корректор текста Л. А. Долдина
Дизайн обложки Дм.Н. Долдин.
Технический редактор Н.И. Долдин.

